

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русского языка

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ *ВЕДЬ***

Диссертация на соискание ученой степени
magister artium по русскому языку
студентки отделения русской и славянской филологии
НАТАЛЬИ ВИКУЛЬЦЕВОЙ

Научный руководитель —
доктор философии,
старший научный сотрудник В. П. ЩАДНЕВА

Тарту 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. Из истории изучения частиц	8
1.2. Классификации частиц в русистике	16
1.2.1 Место лексемы <i>ведь</i> в современных классификациях частиц	18
1.3. Соотношение понятий «частица» и «союз»	19
1.4. Отражение семантики <i>вѣдѣти</i> в словах разных частей речи	24
1.5. Употребление лексемы <i>ведь</i> в функции вводного слова	27
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦЫ <i>ВЕДЬ</i>	33
2.1. Общие наблюдения над позиционными возможностями частицы <i>ведь</i>	33
2.2. Особенности функционирования частицы <i>ведь</i> в повествовательных предложениях	37
2.3. Особенности функционирования частицы <i>ведь</i> в вопросительных предложениях	44
2.4. Особенности функционирования частицы <i>ведь</i> в побудительных предложениях	50
2.5. Высказывания с <i>ведь</i> как способ воздействия на собеседника	53
2.6. Особенности функционирования сочетаний частицы <i>ведь</i> с другими частицами	57
ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ <i>ВЕДЬ</i> В СОЮЗНОЙ ФУНКЦИИ	63
3.1. К вопросу о статусе лексемы <i>ведь</i> в функции союза	63
3.1.1. Ограничения в употреблении <i>ведь</i> / <i>потому что</i> в предложениях с причинными отношениями	67
3.1.2. Позиция лексемы <i>ведь</i> с коммуникативно-прагматической точки зрения	69
3.2. Лексема <i>ведь</i> в предложениях с причинными отношениями	71
3.2.1. Позиция придаточной части с <i>ведь</i>	71
3.2.2. Функционально-семантические и прагматические особенности предложений с <i>ведь</i>	77
3.3. Лексема <i>ведь</i> в предложениях с уступительными отношениями	86
3.4. Лексема <i>ведь</i> в предложениях с условными отношениями	89

ГЛАВА 4. СОЧЕТАНИЕ <i>СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ</i> + <i>ВЕДЬ</i> КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЕДИНИЦАМИ	93
4.1. Вопрос о союзном сочетании <i>сочинительный союз+ведь</i>	93
4.2. Союзное сочетание <i>и ведь</i> как выразитель смысловых отношений	96
4.3. Союзное сочетание <i>а ведь</i> как выразитель смысловых отношений	99
4.4. Союзный комплекс <i>а то ведь</i> как выразитель смысловых отношений.....	101
4.5. Союзное сочетание <i>но ведь</i> как выразитель смысловых отношений	104
4.6. Союзное сочетание <i>да ведь</i> как выразитель смысловых отношений	109
ГЛАВА 5. ЧАСТИЦА <i>ВЕДЬ</i> В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	112
5.1. О термине «частица» в грамматиках эстонского и итальянского языков.....	112
5.2. Лексема <i>ведь</i> и ее перевод на эстонский язык	115
5.3. Лексема <i>ведь</i> и ее перевод на итальянский язык	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	135
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ И ДОКЛАДОВ	144
КОККУVÕTE	145

ВВЕДЕНИЕ

Прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится ... переход от лингвистики текста ... к лингвистике слова.

Ф. Копечна

На данном этапе развития лингвистики очевидно, что частицы как особая лексико-грамматическая категория слов играют в языке важную роль: они широко используются и в устной и в письменной речи. Как справедливо отмечал А. Минович: «частицы представляют собой не какое-то периферийное явление языковой системы, а принадлежат к основным и совершенно необходимым средствам языкового общения» [Мирович 1962: 104], поскольку это слова «максимально ответственные за удачу общения» [Николаева 1985: 14].

Несмотря на коммуникативную значимость подобных лексем, детальное изучение частиц в русистике началось сравнительно недавно. Поздний интерес к частицам в значительной степени связан с трудностями их описания, которые вызваны сложной структурой семантики служебных слов, их полифункциональностью, наличием у частиц особого лексического значения, которое реализуется в полной мере только в контексте, и др. Долгое время все это ставило в тупик исследователей, пользующихся традиционными приемами описания, которые были выработаны для изучения значений номинативного плана. Развитие во второй половине XX столетия таких дисциплин, как прагматика, семантика, лингвистика текста и ряда других, позволило по-новому взглянуть на частицы, увидеть возможность их описания с разных позиций.

Актуальность данного исследования определяется современным состоянием изучения частиц. С одной стороны, многие свойства частиц отображены в различных исследованиях (Т. М. Николаева [1985], А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина [1993], И. М. Богуславский [1996], Е. Г. Борисова [1993], Е. А. Стародумова [1997]), а с другой — этот класс остается во многом непознанным. Назовем некоторые из проблем в изучении частиц. Прежде всего, все еще отсутствует единый взгляд на природу частиц, не выявлены все возможные значения, которое способно иметь то или иное служебное слово. Кроме того, в лингвистической литературе до сих пор не сложилась единая классификация частиц, не установлен статус отдельных лексем. Действительно, частицы не так просто выделить из всей знаменательной лексики в силу того, что их значения могут пересекаться со значениями наречий, модальных слов, междометий, союзов. Забегая вперед, отметим, что в ходе анализа исследуемой нами лексемы *ведь* не раз вставал вопрос о том, является ли она в определенных контекстах частицей, союзом, или даже модальным словом (в функции вводного).

Помимо названных проблем существует еще одна. Дело в том, что на данный момент многих исследователей уже не устраивают названия таких традиционных классов в классификациях, как например, усилительные и выделительные частицы (именно к этим группам и относят лексему *ведь*), так как данные термины, по мнению некоторых исследователей, представляют собой старинные «ярлыки», они не могут быть спроецированы на систему современных семантических представлений [Шмелева 2001: 161]. Недостаточным для описания семантики частиц оказывается и упоминание эмфатичности, экспрессивности, эмоциональности партикул, поскольку эти стилистические понятия можно употреблять для описания многих — отличных друг от друга — частиц. При описании исследуемой нами частицы мы не отказываемся от этих определений, хотя и понимаем их условность, в силу чего стремимся в каждом случае давать более четкие формулировки, отражающие особенности функционирования частицы.

Итак, названная часть речи до сих пор является притягательной для языковедов, тем более что практические потребности лингвистики (одна из которых — практика обучения языку) постоянно подталкивают ученых к изучению частиц. Представляется немаловажным детальное описание каждой единицы в системе служебных слов с тем, чтобы в дальнейшем составить целостное представление об их многообразных значениях и функциях. Но это не означает изолированного описания того или иного служебного слова. Необходимо привлекать и рассмотрение слов, с которыми определенная частица в тех или иных контекстах сближается функционально, надо искать сходства и различия в семантике, прагматике лексем и т.д., поскольку, как известно, в языке абсолютных синонимов не существует. Отметим также, что за необходимость пословного всестороннего описания служебной лексики выступают все лингвисты. Однако, несмотря на появление отдельных работ (напр., [McCoу 2001; Карасева 2003; Сидорова 2003 и др.]), посвященных пословному описанию служебных лексем, еще нельзя говорить о том, что эта идея в достаточной степени воплощена в жизнь.

Объектом исследования данной магистерской работы является лексема *ведь* в структурно разных синтаксических единицах: 1) в простых предложениях, 2) в разных объединениях предикативных единиц как а) в рамках сложных предложений, так и б) в рамках текстовых единств автономных предикативных единиц. Ограничение объекта одним служебным словом обусловлено тем, что лексема *ведь* имеет широкое употребление и при этом выполняет в предложении разнообразные функции. Кроме того, выбор именно этой языковой единицы связан с тем, что в лингвистике статус рассматриваемой лексемы точно не определен, т.е. не выявлены все особенности ее функционирования в речи.

Предметом анализа являются функционально-семантический, коммуникативно-прагматический и синтаксический аспекты употребления лексемы *ведь*.

Основная цель работы — уточнить специфику употребления лексемы *ведь* в русском языке. Разностороннее комплексное исследование особенностей функционирования данной лексемы, по нашему мнению, способствует более четкому определению ее места в системе служебных слов русского языка.

Для реализации названной цели был поставлен ряд **частных задач**, которые заключались в определении:

- семантики слова *ведь*;

- особенностей употребления *ведь* в разных по цели высказывания предложениях;
- прагматических особенностей предложений с *ведь*;
- контекстуальной направленности частицы (т.е. в определении типов контекстов);
- закономерностей расположения служебного слова *ведь* в высказывании;
- особенностей реализации союзной функции частицы (отношение частицы *ведь* к союзам; употребления, в которых она функционально сближается с союзами).

Выявлению специфики функционирования частиц способствует и их изучение в сопоставительном аспекте. Нами было проведено небольшое сопоставительное исследование русской частицы *ведь* и ее эстонских и итальянских соответствий на материале нескольких русских текстов и их переводов. Результаты проведенного анализа подтверждают целесообразность выделения определенных функций у лексемы *ведь*.

Иллюстративный материал извлекался из текстов разных функциональных стилей русского языка: из художественных произведений, газетно-публицистических и научных статей. Кроме того, использовались отдельные примеры, которые содержатся в академических грамматиках, учебниках и учебных пособиях. Материалом для исследования частицы *ведь* в устной речи послужили: 1) собственные записи автора магистерской диссертации; 2) тексты из книги «Русская разговорная речь: тексты» под редакцией Е. А. Земской и Л. А. Канападзе, а также 3) корпус текстов, составленный по записям разговора Е. Протасовой со своей дочерью (CHILDES database [MacWhinney 2000]). В ходе анализа лексемы *ведь* привлекались развернутые контексты, на основании которых с большой степенью определенности можно говорить о характере различных значений анализируемого слова.

Необходимо отметить, что ориентация на контекст наблюдается у всех частиц, поэтому для описания партикул важными оказываются понятия минимального и максимального контекста. В данном исследовании под минимальным контекстом понимается простое предложение (одна предикативная единица), максимальный же контекст — это отрезок текста (две предикативные единицы и более). Для реализации значения одних частиц достаточно минимального контекста, для других необходим максимальный контекст, который и позволяет установить функцию частицы в тексте [Стародумова 1988: 17, 25]. Значение слова *ведь* нередко связано с максимальным, т.е. с более широким контекстом, чаще всего с предыдущим высказыванием.

В работе над языковым материалом применялись следующие **методы**:

- 2) метод лингвистического эксперимента, который заключался в изменении порядка слов в предикативной единице;
- 3) метод синонимического замещения интересующей нас языковой единицы;
- 4) метод элиминации частиц.

В данном исследовании обобщены, уточнены и дополнены известные положения и представления о лексеме *ведь*. При описании этой частицы мы стремились учесть все существующие в современной лингвистике подходы в изучении партикул.

Диссертация имеет следующую **структуру**: введение, пять глав, заключение и список использованной литературы. В 1-ой главе дается краткий очерк, посвященный современному состоянию «науки» о частицах, излагается суть основных направлений в их изучении, затрагивается вопрос о возможности частиц приобретать функции других частей речи. На этом общетеоретическом фоне в главах 2–5 подробно анализируется специфика лексики *ведь*.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Из истории изучения частиц

Современное понимание частиц сформировалось в русистике далеко не сразу. Научное открытие частиц как отдельной языковой категории принадлежит лингвисту А. Добиашу. Он дал одну из первых дефиниций частицы в своей книге «Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка» в 1897 году [Добиаш 1897]. Это обстоятельство, разумеется, не говорит о том, что частицы до этого не существовали. Термин же «частица» (латинское *partikula*) был унаследован русской грамматикой от античности, которая, в свою очередь, восприняла его из восточных грамматик (ср. арабск. *harf* — частица)» [Виноградов 1972: 520]. В наше время данный термин употребляется как в широком (общем), так и в узком (частном) смысле. В первом значении слово «частица» использовалось до конца XIX века как синоним словосочетания «частица речи», под которым объединялись все служебные слова в противовес полнозначным. Второе понимание этого термина, характерное для современного состояния языка, заключается в рассмотрении частиц в качестве отдельного класса слов.

Рассмотрим, как менялось в русском языкознании отношение к частицам в узком значении этого термина. Уже со времен М. В. Ломоносова термин «частица» встречается в целом ряде исследований, но при этом он не служит наименованием одной из частей речи. Так, М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» называет некоторые слова частицами (*не, ли*). Но большинство лексем, которые в настоящее время считаются частицами, он относит к наречиям (*ещё, вот, вон, даже* и др.) [Ломоносов 1952, VII: 550–551, 556].

Н. Греч, понимая под частицами предлоги и союзы, особо выделяет так называемые присловные частицы (которые ни к союзам, ни к предлогам отнести нельзя), «введённые употреблением въ просторѣчїи: *ко, то, отъ; напимѣръ: давай-ко, солдатка-то, отецъ-отъ вышель*» [Греч 1834: 210]. Известный языковед А. Х. Востоков, хотя и называет некоторые лексемы частицами (*только, лишь*), строгого их отграничения от других разрядов слов не проводит. Например, к наречиям он относит следующие частицы: *разве, неужели, не, ни*; к междометиям — *нет, вот, вон, то-то*; к союзам — *даже, мол, де, дескать, же, ведь, ещё* и др. [Востоков 1839: 208–227]. А. И. Соболевский, как и другие учёные, не выделяет частицы в самостоятельную грамматическую категорию, однако называет слова типа *ведь, авось, бишь, -нибудь* частицами аффективного происхождения (см. об этом [Скиба 1969: 7]). Как уже говорилось ранее, о необходимости выделения частиц в особую группу слов заявил А. Добиаш. С появлением же трудов В. А. Богородицкого и А. А. Шахматова частицы прочно заняли свою позицию в ряду других частей речи. Так, В. А. Богородицкий говорит о том, что от знаменательных частей речи обычно отличают слова, которые называют частицами, а именно — предлоги и союзы. Однако сюда относят также слова, не подходящие ни под одну из двух групп, которые и являются собственно частицами [Богородицкий 1939: 200]. А. А. Шахматов, рассматривая партикулы, анализировал всего 6 частиц. Он впервые даёт определение новой части речи: «частица означает ту часть речи, которая включает в себя слова,

усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат» [Шахматов 1941: 506]. Таким образом, исследователи начинают рассматривать частицы как отдельный класс слов.

Интересное замечание по поводу функциональной значимости частиц в русском языке сделал современник А. А. Шахматова А. М. Пешковский, выразивший мнение о том, что частицы — это слова, которые не несут никакого интеллектуального содержания, а лишь вносят в значения других слов какие-либо тонкие модальные смыслы, т.е. это слова, не имеющие никакого содержания, обладающие только формой [Пешковский 1956: 39–40]. Следовательно, по его мнению, частицы — это своего рода «слова-пустышки».

Окончательно узкий подход к частицам в русистике был закреплён сравнительно недавно, после работ В. В. Виноградова, который рассматривал их как особый разряд служебных слов со специфическим значением. Он даёт чёткое и глубокое для своего времени научное определение частиц как особой разновидности служебных слов: «частицами называются классы слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [Виноградов 1972: 520].

Для более полного понимания специфики частиц особое значение имеет теория В. В. Виноградова о связи частиц с категорией модальности. Согласно этой концепции, не только партикулы отглагольного происхождения являются модальными частицами: с категорией модальности связаны также восклицательные, желательные, вопросительные, уступительные и другие частицы. Важно и то, что В. В. Виноградов отмечает близость модальных слов и частиц, которые, на наш взгляд, образуют ядро дискурсивной лексики, а также говорит о подвижности границ между модальными словами и модальными частицами.

Активное изучение частиц началось во второй половине XX столетия. С середины 1960-х гг. частицы, пребывавшие на периферии исследовательских интересов, становятся одним из наиболее изучаемых объектов в лингвистических исследованиях. Выходят отдельные работы и статьи, посвящённые проблемам изучения частиц [Скиба 1969; Дорошенко 1975; Булатникова 1981; Копыленко 1978; Киселев 1976 и др.]. Всплеск интереса к частицам связан, во-первых, с изменением общезыковедческого фокуса внимания (во главу угла ставится человек и то, каким образом он выражает свое отношение к сообщаемому, как связывает высказывания между собой, как соотносит высказывание с непосредственным действием и т.п.), и, во-вторых, с появлением новых аспектов описания языка.

Несмотря на неугасающий интерес к исследованию частиц и других служебных слов, анализ научной литературы показывает, что вопрос о частицах до сегодняшнего дня еще не нашёл своего полного разрешения. Данной категории слов давались и даются различные толкования. Это не случайно. Существует целый ряд трудностей в описании частиц. Они заключаются в том, что данная категория слов точно не определена, ввиду отсутствия единых принципов, на основе которых устанавливается отношение того или иного слова к разряду частиц. Вопрос о лексических свойствах частиц также остаётся невыясненным. Кроме того, нет упорядоченной и общепризнанной классификации частиц. Связано это с особенностями

функционирования частиц: их многозначностью, нечеткими семантическими границами, тесной связью частиц с лексико-грамматической структурой высказывания, способностью соединяться в комплексы слов, а также с обязательным соотношением их с совпадающими по форме и близкими по семантике единицами других частей речи (союзами, междометиями, наречиями, застывшими формами существительных, местоимений, глаголов), с которыми частицы связаны генетически [БЭС: Языкознание 1998: 396].

В отношении наличия или отсутствия лексического значения у частиц или характера этого значения можно выделить 3 основные точки зрения, которые отражают и историческое развитие изучения частиц.

Одни исследователи [Пешковский 1956: 49; Гвоздев 1958: 388 и др.] полагают, что данная категория слов имеет только грамматическое значение. Например, А. Н. Гвоздев считает: «служебные слова не обладают лексическим и грамматическим значением, как знаменательные слова, и выступают лишь как носители грамматических значений» [Гвоздев 1958, 1: 388], такой же точки зрения придерживается Е. М. Галкина-Федорук, по ее мнению «частицы лишены лексического, предметного значения» [Галкина-Федорук 1964: 229]. Следует сказать о том, что подобное отношение к частицам характерно для начального этапа их изучения, на сегодняшний день исследователи относятся к этой точке зрения критически и придерживаются, как правило, одного из мнений, приведенных далее.

Многие учёные [Шведова 1960: 97; Скиба 1969: 50; Чистякова 1951: 44; Михелевич 1960: 5] опираются на синтаксическую обусловленность лексического значения у частиц. Согласно их позиции, «взятые изолированно, вне определённого типа конструкции, частицы лишены лексических значений» [Шведова 1960: 97], т.е. частицы имеют лексическое значение только в контексте. Иначе говоря, по мнению данной группы исследователей частицы обладают своеобразным, ослабленным лексическим значением. Такое отношение к частицам связано в первую очередь с тем, что частицы не являются номинативными единицами языка. А поскольку лексическое значение есть род номинативного значения [Никитин 1996: 81], то некоторыми лингвистами и был сделан вывод о том, что частицам не присуще собственное лексическое значение.

В последнее время всё большее распространение получает точка зрения, согласно которой частицы имеют самостоятельное лексическое значение [Яцюк 1976: 99; Николаева 1985: 23; Белошапкина 1997: 603; Борисова 1990: 114 и др.]. Например, по мнению Т. М. Николаевой внимательный анализ функциональной семантики позволяет утверждать, что любая частица имеет своё лексическое значение [Николаева 1985: 23], а Т. А. Яцюк считает, что если бы частицы не имели лексического значения, это противоречило бы «характеристике знака языка как двуплановой единицы, представляющей собой единство плана выражения и плана содержания» [Яцюк 1976: 99]. На такой же точке зрения стоит и Е. А. Стародумова, утверждая, что если исходить из универсального определения двусторонности языкового знака, то частица имеет свое собственное, отличающее ее от других знаков, значение [Стародумова 1997: 10]. Действительно, внесение различных частиц в предложение по-разному влияет на его смысл. Ср.: (А) *Даже Андрей пришел.* (Б) *Только Андрей пришел.* (В) *Именно Андрей пришел.* Вокруг каждого из этих высказываний можно воссоздать различное контекстное окружение, определяемое различием семантики частиц: (а) *пришли все, и, хотя никто не*

ожидал Андрея, он тоже пришел; (б) никто не пришел, кроме Андрея; (в) пришел Андрей, а не кто-либо другой. Как видим, частицы не могут использоваться в речи безразлично, без всякого выбора, поскольку они существуют для обозначения разных смыслов в высказывании. Следовательно, можно сделать вывод о том, что каждая частица имеет свое собственное значение [Маковеева 2001:103, Николаева 1985: 23].

Особый интерес представляет позиция И. А. Киселёва, который отмечает лексическое своеобразие значения частиц, его подвижность. По его словам, «лексическая знаменательность частиц разных групп и даже отдельных частиц в пределах одного разряда (более того, даже одной и той же частицы при различных случаях её употребления) неравноценна» [Киселёв 1976: 8]. В соответствии с этим И. А. Киселев выделяет три уровня: лексическая знаменательность высшего (ЛЗВП), среднего (ЛЗСП) и низшего (ЛЗНП) порядка. ЛЗВП имеют частицы, значение которых вполне самостоятельно и выясняется без контекста. Такие частицы могут самостоятельно образовывать предложения. Для второго типа частиц важен контекст, причём в предложении они являются «структурно необходимым компонентом», изъятие которого невозможно [там же: 10]. Употребление частиц, характеризующих ЛЗНП, в большинстве случаев факультативно. Значение их можно определить лишь в структуре предложения. Кроме того, как считает И. А. Киселёв, одна и та же частица в различных случаях её употребления может иметь ЛЗВП, ЛЗСП, ЛЗНП. В качестве иллюстрации дается следующий ряд примеров с частицей *вот*: а) *Стойте-ка, находка! Вот она, в траве-то.* — ЛЗВП. б) *Забыл тебе сказать, Прохоровна, вот что: своего кочета ты не можешь резать.* — ЛЗСП. в) *А у вас много денег-с? — Много. Вот посмотри.* — ЛЗНП [там же: 11]. К сожалению, иллюстрации, которые дает исследователь, не всегда можно признать достаточно убедительными. И. А. Киселёв в своей работе «Частицы в современных восточнославянских языках» отмечает также, что некоторым частицам, например, усилительным, свойственна знаменательность одного типа — ЛЗНП. Автор данной монографии справедливо замечает, что при рассмотрении частиц целесообразно вести речь не об отсутствии у них лексического значения, а о его своеобразии и подвижности. В пользу лексического значения частиц говорят и свойственные им явления полисемии, омонимии, синонимии и антонимии [Киселев 1976: 8–11].

В 80-90-е годы лингвисты [Николаева 1985; Rathmayr 1985; Богуславский 1985; 1996] продолжают уделять частицам большое внимание, пытаются описывать их разносторонне, т.е. с учетом семантического, синтаксического и прагматического аспектов. Также устанавливается взаимодействие частиц и акцентно-просодических средств [Николаева 1982]. Кроме того, партикулы изучаются и как средство актуального членения предложения. В рамках теории актуального членения предложения частицам приписывается роль рематизаторов или тематизаторов. Выясняется, что отдельные частицы выступают только как маркеры темы (напр., *-то* и др.), другие функционируют преимущественно как маркеры ремы, таковы *только, даже, просто* [Стародумова 1997: 18]. Третьи же частицы могут выступать и как тематизаторы, и как рематизаторы.

Говоря об изучении частиц во второй половине XX века, необходимо заметить, что растущий интерес к частицам связан с бурным развитием функционального синтаксиса, семантики, лингвистики текста, теории presuppositions, интереса к коммуникативной стороне речи. Если раньше, как

отмечает И. А. Мельчук, семантика не стояла в центре интересов лингвистики, сфера языковых значений трактовалась как «плохо поддающаяся системному (=научному) описанию» [Мельчук 1999: 53], то во второй половине XX века ситуация кардинально меняется. Семантика становится неотъемлемой частью лингвистических теорий. Так как изучение частиц связано прежде всего с изучением их семантики, партикулы начинают активно изучаться. Более того, по мнению И. М. Кобозевой, частицы помогают лингвистам «продемонстрировать возможности новых семантических теорий» [Кобозева 1991: 147].

Теория пресуппозиций играет немаловажную роль в более полном описании и понимании частиц. Заметим, что под пресуппозицией понимается, как правило, «имплицитное суждение, представленное в форме предложения, которое является смысловым компонентом другого эксплицитного выражения» [Торопова 1978: 83]. Пресуппозиция входит в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников, как их «предварительный договор». Основным свойством пресуппозиции является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение [Арутюнова 1973: 85]. В одной из своих работ Т. А. Яцюк высказывает мнение о том, что частицы являются фактически носителями пресуппозиций, выразителями фона знания в свернутом виде, и представляют собой важную часть содержательной стороны высказывания [Яцюк 1985: 50], однако замечает, что пресуппозиция, «носителями которой выступают частицы, не исчерпывает <...> всего объема семантики частиц. Пресуппозиции проявляются лишь в высказываниях, отвечающих коммуникативным целям» [Яцюк 1985: 50]. Е. В. Падучева говорит о существовании в лингвистике двух пресуппозиций: семантической (т.е. пресуппозиция, рассматривающая отношения между компонентами предложения) и прагматической (пропозициональная установка, субъектом которой является говорящий) [Падучева 1996: 235]. Теория прагматических пресуппозиций позволяет определить общее свойство частиц подобного типа: вызывать в сознании воспринимающего дополнительную смысловую информацию, объединяющую его с говорящим [БЭС: Языкознание 1998: 578]. В целом же можно отметить, что в современной лингвистической литературе, как показывает Н. Д. Арутюнова, встречается употребление термина «пресуппозиция» по крайней мере в пяти значениях: экзистенциальные, логические, прагматические, синтагматические, коммуникативные пресуппозиции [Арутюнова 1973: 89]. При рассмотрении частиц необходимо учитывать прежде всего *прагматические пресуппозиции*, т.е. условия эффективности речевого акта, оценка говорящим общего фонда знаний, конкретной информативности, особенностей характера, взглядов, мнений, интересов и т.д., и *семантические пресуппозиции* (отражение объективной части содержания). Приведем пример из работы Е. А. Стародумовой, наглядно иллюстрирующий наличие двух видов пресуппозиций в семантике частиц: *Я хотел видеть именно вас. Семантические пресуппозиции*: данный объект известен; наряду с ним существуют другие. *Прагматические пресуппозиции*: говорящий подчеркивает, что данный объект является единственно верным («не сомневайтесь»); говорящий акцентирует внимание на важность объекта для данной ситуации [Стародумова 1997: 14]. Итак, теория пресуппозиций позволила выявить индивидуальное значение каждой частицы путем выделения компонентов смысла.

Остановимся несколько подробнее на прагматическом аспекте изучения частиц. Под прагматикой обычно понимается «функционирование языковых образований в речи — отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности. <...> прагматика дает ответ на вопрос — зачем (или почему) он (человек) так говорит» [Гак 1997а: 360]. Прагматика касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях. Основные проблемы, изучаемые в прагматике, — структура и классификация актов речи и интерпретация высказываний [там же]. Постепенно исследователи начинают обращать внимание на то, что частицы касаются прежде всего прагматических условий употребления высказываний, их функция состоит в выражении прагматических значений. В лингвистике появляется даже наименование частиц как прагмалексем (см. об этом: [Николаева 1985: 3; Торопова 2000: 87]). К чему сводится прагматическая интерпретация частиц в лингвистической литературе? Ученые пытаются выяснить роль частиц в оформлении речевых актов. Так, например, Р. Ратмайр утверждает, что частицы «являются такими лексемами, которые служат прежде всего для передачи прагматических, то есть соотнесенных с конкретным речевым актом, значений» [Rathmayr 1985: 321]. Она проводит анализ в рамках такого речевого акта как вопрос. Частицы модифицируют вопросы по презумпциям относительно ответов. В семантику частиц входят прагматические значения типа: ожидание отрицательного/утвердительного ответа, ожидание подтверждающего или одобряющего ответа и др. Анализ по типам речевых актов помогает объяснить различие близких по значению частиц. (Ср. (а) *Ты идешь с нами, а?* (б) *Ты идешь с нами, да?* — вопрос (а) Р. Райтмар интерпретирует как «Да ответь же!», вопрос (б) — «Я считаю, что ты пойдешь с нами, и это соответствует моим желаниям»). В то же время полученная в результате классификация речевых актов и частиц показывает, что вопрос с одной и той же прагматической характеристикой часто оформляется разными частицами. (Ср. *Ты ведь идешь с нами? Ты же идешь с нами?* — оба вопроса Р. Ратмайр интерпретирует как «Я почти совсем уверен, что ты пойдешь с нами, и я этого хочу» [Rathmayr 1985: 326–327]). В целом лингвистическая прагматика помогла ученым выявить семантику частиц, их сложную специфику, а также указала на то, что по своим прагматическим характеристикам частицы — весьма гетерогенный класс слов [Торопова 2000: 89].

В попытках разностороннего описания частиц современные исследователи подвергают их и логическому анализу. В случае рассмотрения логического аспекта функционирования частиц имеется в виду роль частиц в построении умозаключений, в операциях с понятиями, их участие в актах аргументации. Особенно популярен логический анализ класса логико-смысловых частиц. Это слова типа *только, лишь, не, даже, именно, тоже* и т.п. При этом подходе рассматриваются различные умозаключения с частицами и выделяются модусы (Barbara, Camestres и т.д.). Исследователи пытаются выяснить, в каких модусах определенные частицы наиболее часто принимают участие [Кривонос 1993; Торопова 2000: 90–95]. Для логического анализа частиц значимо также понятие «сферы действия» частицы. Под «сферой действия» понимается «семантическое» содержание тех компонентов, с которыми взаимодействует партикула, другими словами, это — «тот фрагмент предложения, на который воздействует данное слово» [Богуславский 1996: 14].

Таким образом, в последнее время стало актуальным изучение частиц и других дискурсивных слов в контекстно–семантическом и логическом ключе. При этом исследователи стремятся выявить как можно больше контекстов употребления той или иной лексемы, учитывая характер взаимодействия слова и контекста. В основе такого подхода лежит идея варьирования плана содержания слова под влиянием контекста. Обратим внимание на то, что контекстно значимые слова сейчас получают название дискурсивных слов.

В русистике одна из первых попыток лингвистического описания дискурсивных слов была предпринята авторами книги «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]. По тому же принципу была написана монография «Дискурсивные слова русского языка», вышедшая в 1998 году под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара [Дискурсивные слова русского языка 1998]. К дискурсивным словам авторы данных работ относят частицы, некоторые типы наречий и вводно-модальных слов. Они выделяют два характерных признака дискурсивных слов:

— дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление;

— дискурсивные слова устанавливают отношение между двумя и более составляющими дискурса [Дискурсивные слова русского языка 1998: 8]. Они «обеспечивают связность текста, <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, <...> выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7]. Таким образом, авторы данной книги пытаются по возможности учесть весь предшествующий опыт в изучении частиц.

На данном этапе развития лингвистики уже ни у кого не возникает сомнения в том, что частицы и другие дискурсивные слова являются одним из важнейших компонентов языка, они позволяют точнее и глубже понять позиции собеседников, особенности интерпретации обсуждаемых фактов, мнений, чувств, их оценку с точки зрения степени важности, вероятности, правдоподобия, т.е. они «эксплицитно управляют процессом общения, служат для выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому, организуют и направляют ход коммуникации, обеспечивают ее успешность» [Емельянова 2001: 76].

Необходимо также сказать о том, что в последнее время появились исследования, связанные с лексикографическим описанием слов данной части речи, делаются попытки перейти от описания контекстуальных вариантов значений частицы к формулированию семантического инварианта [Кобозева 1991: 172; Борисова 1990: 114; Борисова 1999: 77; Дискурсивные слова 1998]. Выходят отдельные словари русских частиц [Шмелева 2001: 161]. Однако наметилась также тенденция к описанию всей служебной лексики без особых акцентов на том, к какой служебной части речи принадлежит то или иное слово [СССРЯ 1997; Ефремова 2001]. Обосновывается такой подход тем, что не самое важное, к какой части речи принадлежит то или иное служебное слово, намного важнее по возможности полно и разносторонне описать служебную лексику. Так, недавно вышел «Толковый словарь служебных частей речи русского языка», в котором можно найти информацию о конкретных лексических единицах, относящихся к 6 частям речи: частицы, наречия, предикативы, предлоги, союзы и междометия [Ефремова 2001]. Сам автор

понимает вероятность возражений в свой адрес по поводу рассмотрения наречий и предикативов в одном ряду с частицами, союзами, предлогами и междометиями, т.е. с собственно служебной лексикой. Однако обоснование такого включения единиц всех 6 групп автор словаря связывает с несколькими факторами, один из которых — это способность образовывать омонимичные ряды, с одной стороны, наречий и предикативов, с другой — предлогов, союзов частиц, междометий [Ефремова 2001: 3]. Потребность же в лексикографическом описании подобных единиц объясняется важностью их функциональной нагрузки, а также выражением модальных значений и оттенков, которые до сих пор еще полностью не выявлены для служебной лексики.

Изучение частиц в сопоставительном аспекте также весьма актуально, поскольку частицы в разных языках относятся к специфическим языковым единицам и являются прагматически направленными, что осложняет их перевод. Прибегать к сопоставительному анализу частиц вынуждают также потребности теоретического и дидактического характера. Ведь употребление частиц в речи есть один из показателей знания языка. Объемы значений частиц в разных языках часто не совпадают, поэтому исследователи пытаются выявить сходства и различия употребления частиц разных языков. Вообще же существует мнение о частицах как о принципиально непереводаемых лексических единицах. Особенно подобное утверждение верно для усилительных частиц. Так, О. Йокояма относительно частицы *ведь* утверждает следующее: «*ved'* is another «untranslatable particle», it is often best rendered in English through intonation» [Yokoyama 1986: 290]. Т. М. Николаева говорит о том, что «употребление частиц нужно не усвоить, а освоить» [Николаева 1985: 10]. Она отмечает, что для ряда типологически различных языков необходим перевод, кардинально отличный по структуре, демонстрируя свой тезис иллюстрациями из учебного пособия А. Н. Васильевой по употреблению русских частиц:

(а) **Ведь** ты пойдешь в магазин. — *You're going to the shop.*

(б) Ты **же** пойдешь в магазин. — *You're going to the shop.*

(в) Ты пойдешь в магазин-**то**? — *You're going to the shop?*

(см. об этом [Николаева 1985: 10]).

Таким образом, все три частицы русского языка не реализуются в конкретных лексических единицах в английском языке, следовательно, «создаются как бы национально специфические коммуникативные слова», которые сопоставляются «не по прямой семантике, а по непереводаемости всего комплекса» [там же]. Однако такая ситуация наблюдается не всегда и не во всех языках, иногда возможно найти определенной русской частице точный эквивалент в другом языке. Приведем пример: *Это ведь все знают.* — *Seda teavad ju kõik.* (Более подробно о лексеме *ведь* в сопоставительном плане см.: Глава 5). Кроме того, для определенных частиц практически всегда можно найти эквивалент в других языках. Это характерно для так называемых логических частиц. Ср.: (а) *Даже он этого не знает* — русск.; (б) *Even he doesn't know it* — англ.; (в) *Perfino lui non lo sa* — итал.; (г) *Isegi tema seda ei tea* — эст. Наличие эквивалентных частиц в разных языках связано в первую очередь с тем, что такие частицы наряду с выражением субъективно-модальных значений имеют отношение к денотативному плану высказывания, к выражению объективной информации. Таким образом, на наш взгляд, целесообразно говорить не столько о непереводаемости частиц, сколько о

сложности их перевода, что еще раз подтверждает мнение о том, что частицы в разных языках относятся к специфическим языковым единицам.

Итак, изучение частиц не потеряло своей актуальности и в XXI веке: они были и остаются объектом внимания лингвистов. В то же время данная часть речи все еще нуждается в серьезной разработке: нельзя сказать, что отдельные конкретные частицы изучены в достаточной степени. Контекстуальная обусловленность партикул в полной мере не исследована, и поэтому изучение частиц должно быть продолжено, поскольку в контексте они имеют свое специфическое значение. Именно из контекстуальной обусловленности значения частиц мы будем исходить в нашем анализе.

1.2. Классификации частиц в русистике

Вопрос о классификациях частиц и принципах их классификации также решается по-разному. Связано это с тем, что частицы — весьма неоднородный по составу класс слов. Они «распадаются на ряд категорий, настолько различных по своим функциям, что, собственно говоря, общее название всех разновидностей частиц является чем-то условным. Их основные категории не меньше различаются между собой, чем отдельные части речи» [Мирович 1962: 104]. Кроме того, некоторые частицы многозначны, поэтому могут относиться к двум или нескольким разрядам. Полисемантность частиц приводит к тому, что существует довольно много классификаций, но в нашей работе мы остановимся лишь на наиболее известных.

Одна из первых классификаций частиц представлена в работе В. Н. Сидорова и Р. И. Аванесова «Очерк грамматики русского литературного языка», где наблюдается разделение частиц по значению на 5 разрядов: усилительные, выделительные, отрицательные, восклицательные и вопросительные [Аванесов, Сидоров 1945: 231].

Следует также отметить, что В. Н. Сидоров разграничивает служебные слова (союзы, предлоги, связки) и частицы по следующему принципу: «в зависимости от того, какого рода формальные значения — синтаксические или несинтаксические — выражаются самостоятельными словами, они делятся на два разряда — служебные слова и частицы» [Аванесов, Сидоров 1945: 233]. В отличие от служебных слов частицы выражают «различные несинтаксические значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различного рода дополнительные смысловые оттенки» [там же: 224]. В. В. Виноградов подвергает критике такое разграничение, доказывая, что оно внутренне противоречиво и что частицы нужно рассматривать «как особый тип слов, но в том же семантико-грамматическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки» [Виноградов 1972: 522]. Мнение о том, что частицы не имеют синтаксического значения, приводит, по словам В. В. Виноградова, «к поверхностной классификации данной части речи» [там же]. А это значит, что внутренняя противоречивость и нерасчлененность понятия «синтаксическое значение» негативно сказывается на определении частиц и их классификации.

Академик В. В. Виноградов разрабатывает более детальную классификацию, которая впоследствии становится традиционной. В основе этой классификации лежит семантико-синтаксический принцип. При этом речь идет о 8 основных разрядах частиц: 1) усилительно-ограничительные (выделительные) частицы;

2) определительные; 3) присоединительные частицы; 4) указательные; 5) неопределённые; 6) количественные частицы; 7) отрицательные; 8) модальные частицы. Первые два разряда выделены на функциональной основе. В семантическом отношении усилительные частицы — это очень разные слова: *даже, и, ведь, еще, уже, да, лишь, только, хоть* и др. Общей функциональной особенностью всех этих частиц является их сближение с союзами [Виноградов 1986: 547]. Определительные частицы характеризуются им как группа «смежная с выделительными частицами» [там же: 548]. Другие разряды частиц выделяются на семантической основе. Очевидно, классификация частиц, разработанная этим ученым, оказало такое большое влияние на последующие концепции ввиду того, что он попытался учесть, помимо семантического аспекта, функциональный, а также и синтаксический аспекты изучения частиц. Он говорит о том, что семантический объем частиц очень широк, «их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [там же: 544]. Необходимо отметить и то, что В. В. Виноградов не ограничивает класс частиц только этими разрядами, а подчеркивает неопределенность его границ, тесную связь с классом модальных слов и другой служебной лексикой.

В «Грамматике русского языка» 1960 года даётся виноградовское определение частиц, но представленная здесь классификация частично видоизменена. Выделяются 4 разряда частиц: 1) выражающие различные смысловые оттенки значений слов в речи; 2) вносящие в речь модальные и модально-волевые оттенки; 3) вносящие в речь эмоциональные, экспрессивные оттенки; 4) выполняющие словообразовательную и формообразующую функцию и этим приближающиеся по значению к морфемам [Грамматика русского языка 1960: 638–649].

Многие исследователи опираются именно на эту классификацию, но поскольку объем разрядов и их границы трактуются различными лингвистами по-разному, то отнесение частиц к той или иной группе не бывает строго однозначным. Внутри указанных ранее разрядов выделяются и различные семантические подразряды, количество которых тоже различно.

Попутно заметим, что если выделение первых трех разрядов встречается у большинства исследователей, то вопрос о формообразовательных и словообразовательных частицах решается по-разному: некоторые исследователи, например Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов, считают, что словообразовательные частицы должны рассматриваться в словообразовании, а формообразовательные ими вообще не выделяются [Шанский, Тихонов 1987: 244].

В основу рассмотренных классификаций положен семантический аспект. «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 года классифицирует частицы по другому принципу, а именно — по функциям, иначе говоря, эта классификация в основе своей функциональная. Здесь частицы делятся на 3 основных разряда: синтаксические, субъективно-модальные (также различаются по значению: усилительные, выделительные, вопросительные, восклицательные) и отрицательные частицы [Грамматика... 1970: 313].

Этот же принцип выделения использован и в «Русской грамматике» 1980 года, но представленная в ней классификация более детальная. Основные разряды частиц выделяются по строению, при этом особое внимание уделяется дифференциации частиц по функциям. По строению частицы делятся на

первообразные и непервообразные, на простые и составные; составные подразделяются на расчлняемые и нерасчлняемые. По функциям различаются прежде всего функция формообразования и функция разнообразных коммуникативных характеристик сообщения. Частицы со второй функцией представлены несколькими разрядами: а) отрицательные, б) вопросительные, модальные, в) частицы, характеризующие признак (действие или состояние) по его протеканию во времени, по полноте или неполноте осуществления, по результативности или нерезультативности, а также г) частицы, утверждающие или отрицающие реплики диалога. Важно и то, что внутри каждого разряда частицы разграничиваются также по функциям, даются наиболее характерные значения различных групп частиц. Например, модальные частицы подразделяются на три функциональные группы: 1) частицы, вносящие эмоциональные и др. оценки; 2) частицы, выражающие волеизъявление; 3) частицы, устанавливающие разнообразные отношения сообщения с другими частями сообщения, с другими событиями и т.д. Помимо этого представлена детализация частиц по семантическим особенностям. Так, для частиц первой группы выделяются значения сомнения, неуверенности, согласия и др. [РГ 1980, I: 723–731].

Таким образом, из проанализированного нами материала условно можно выделить два ведущих классификационных принципа, которые лежат в основе большей части классификаций частиц: семантический и функциональный. Однако оба эти принципа тесно взаимосвязаны. В зависимости от того, какой из них тот или иной исследователь считает ведущим, и строятся классификации. В то же время следует подчеркнуть, что в плане функционального анализа частиц нередко возникает проблема разграничения функции и собственного значения, что подтверждает мысль о наличии у частиц функциональной семантики, иначе говоря, семантика частиц реализуется в конкретных функциях.

Уже этот небольшой обзор классификаций показывает, что вопрос о дифференциации частиц остается сложным и дискуссионным. Сложность заключается в том, что, как уже отмечалось ранее, в лингвистике нет единого взгляда на характер частиц и их сущность, а это отражается и в классификациях исследуемой нами части речи.

Итак, мы рассмотрели некоторые способы классификации частиц, с тем чтобы продемонстрировать возможность разных подходов, точек зрения при классифицировании частиц.

1.2.1. Место лексемы *ведь* в современных классификациях частиц

Опираясь на изложенную нами теорию частиц как особой лексико-грамматической категории слов, попытаемся определить, какое место занимает интересующая нас частица *ведь* в системе современного языка.

В проанализированных нами 20 классификациях сразу обращает на себя внимание тот факт, что у многих авторов наблюдаются расхождения не только в количестве разрядов и подразрядов, но и в способах их номинации, что зависит в первую очередь от степени обобщения и от тех признаков, которые они считают ведущими. При этом распространены 3 основные точки зрения по отношению к частице *ведь*.

Так, многие лингвисты относят лексему *ведь* к частицам, выражающим различные смысловые оттенки значения, и помещают её в подразряд усилительных или выделительно-усилительных частиц [Виноградов 1972: 643; Шанский, Тихонов 1987: 245 и др.]

Другие исследователи полагают, что слово *ведь* следует относить к разряду частиц, выражающих эмоционально-экспрессивные оттенки значения, т.е. к частицам, которые усиливают выразительность речи [Галкина-Федорук 1964: 235; Шуба 1981: 376; Рахманова, Суздальцева 1997: 466]. Как правило, в данном разряде не выделяют подразряды, ссылаясь на то, что «ввиду отсутствия у экспрессивных частиц конкретного значения и их семантической недифференцированности не имеется оснований для сколько-нибудь целесообразной классификации» [Мирович 1962: 110]. В то же время некоторые лингвисты подразделяют эмоционально-экспрессивные частицы на следующие группы: 1) усилительные частицы; 2) частицы, выражающие эмоционально-экспрессивную характеристику лица, действия, предмета; 3) частицы, выражающие эмоциональную реакцию говорящего на различные явления реальной действительности. В этой классификации частицу *ведь* относят к первой группе [Киселёв 1976: 128; Шуба 1981: 377].

Очень редко партикулу *ведь* рассматривают только как эмоционально-экспрессивную частицу в подразряде восклицательных [Розенталь, Теленкова 1985: 388], при этом игнорируются иные условия употребления частицы *ведь*.

Наконец, *ведь* относят к модальным частицам, вносящим эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственные реакции говорящего, т.е. в разряд субъективно-модальных частиц с эмоционально-оценочным значением [РГ 1982, II: 728; Кривоносов 1982: 54].

В данной работе будут учитываться все три точки зрения. Связано это с тем, что частица *ведь* в разных контекстах может иметь различные значения. Кроме того, важно помнить и о субъективно-модальной стороне партикулы *ведь*.

1.3. Соотношение понятий «частица» и «союз»

В предыдущих параграфах мы дали краткий обзор изучения частиц и их классификации. Однако, прежде чем перейти к непосредственному анализу лексемы *ведь*, необходимо также рассмотреть вопрос о соотношении понятий «частица» и «союз». Связано это с тем, что слово *ведь* может выполнять не только партикулярную, но и конъюнктивную функцию.

Вначале попытаемся выяснить, какой смысл вкладывается в термин «союз». Общепринятое понятие союза следующее: «союз — это класс служебных слов, оформляющих синтаксические связи предложений и синтаксические связи слов» [БЭС: Языкознание 1998: 484]. Связующая функция является основной для союза. Однако союзную функцию выполняют не только союзы, но и другие части речи, в том числе и частицы.

Союзы занимают важное место среди грамматических средств, определяющих синтаксическую и семантико-стилистическую характеристику предложения. Они принимают участие в создании новых структурных типов предложений, вносят ярко выраженные семантико-синтаксические значения в сочинительные и подчинительные связи между словами или отдельными предложениями в составе синтаксического целого [Скиба 1968: 15]. Но такое понимание союза возникло далеко не сразу.

М. В. Ломоносов говорит о союзах в основном в лексико-морфологическом плане. По его мнению, союзы используются «для изображения взаимности наших понятий» [Ломоносов 1952, 7: 408], и как связочные слова они сравниваются с предлогами. А. Х. Востоков в «Русской грамматике» писал: «Союз есть разряд слов, показывающий связь между словами, составляющими речь» [Востоков 1839: 210], из чего видно, что эта формулировка близка ломоносовскому толкованию. Семантическая классификация союзов здесь более полная и обстоятельная. Так, в работе А. Х. Востокова союзы подразделяются на соединительные, разделительные, вопросительные, изъяснительные, сравнительные, условные, предположительные и желательные, уступительные, противительные, винословные, заключительные. В исторической грамматике Ф. И. Буслаева мы впервые сталкиваемся с функциональной характеристикой союзов. Под союзами он понимает такие слова, которые показывают связь между предложениями, «соединяемыми по способу подчинения и сочинения» [Буслаев 1875: 370]. А. А. Шахматов определяет союз как часть речи, «которая включает в себя слова, соединяющие или разъединяющие сочетающиеся слова, словосочетания и предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений» [Шахматов 1941: 506]. Однако он уделяет мало внимания одному из важных признаков союза — функционально-синтаксическому. Так, например, говоря о союзах, определяющих «сочетания со стороны тех или иных отношений», он не уточняет, какие именно отношения имеет в виду.

Труды В. В. Виноградова являются фундаментальными в лингвистике. Виноградовское понимание служебных частей речи, в том числе и союзов, до сих пор актуально. Он даёт следующее определение союзам: «это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и сочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств» [Виноградов 1986: 577]. Далее он указывает на то, что союзы выражают разнообразные синтаксические отношения, подчёркивает, что есть разница в функциях союзов, «сцепляющих» предложения, и союзов, которые служат скрепами отдельных слов и однородных групп слов, так как при соединении частей сложного предложения круг отношений, который выражается союзами, гораздо шире и разнообразнее, чем когда соединяются сочетания «внутрифразового типа» [там же], то есть делается акцент на разной роли союзов в простых и сложных предложениях.

Таким образом, союзы уже начинают определяться не просто как слова, связывающие те или иные единицы, а как указывающие на те или иные отношения между членами предложения, предложениями или группами предложений.

Интересно отметить, что В. В. Виноградов не использует деления на сочинительные и подчинительные союзы, так как считает, что грань между этими союзами часто «очень скользка и неопределенна» [Виноградов 1986: 579].

С середины XX века огромное внимание уделяется синтаксису, его разным аспектам, а следовательно — изучению простого и сложного предложения. Это означает, что активно исследуются и союзы, и другие средства связи. Появляется много работ, посвященных данной проблеме. Назовём лишь некоторых авторов: Н. С. Поспелов [1959], С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов

[1960], В. А. Белошапкина [1967], С. Г. Ильенко [1976], С. А. Шувалова [1975], А. Ф. Прияткина [1977], М. В. Ляпон [1986], Г. Ф. Гаврилова [1984], Т. А. Колосова, М. И. Черемисина [1987], Р. М. Теремова [1987], и многие другие. Выходят отдельные сборники, посвященные средствам связи [Неполнозначные слова 1980, 1982, 1985, 1988]. Вопрос о союзах актуален и сейчас, о чем свидетельствуют многочисленные работы 90-х годов, авторами которых являются: Н. К. Онипенко [1995], А. И. Печников [1998], Т. М. Николаева, И. Фужерон [1999], И. Ф. Разогица [1997], В. Б. Евтюхин [1997, 2001], В. С. Храковский [1998, 2000], Э.-О. Хааг [1998, 2004] и др. Подчеркнем, что мы перечислили статьи и монографии лишь некоторых авторов, которые были в той или иной степени значимыми для написания нашей магистерской работы, круг же исследователей, занимающихся данной проблематикой, разумеется, намного шире.

Как уже отмечалось, классификация сложных предложений традиционно основывается на классификации союзных средств, при этом, как правило, обращается внимание на общность соединяемых структур, их конструктивную и смысловую близость.

Учет пропозиции, прагматики и семантики в лингвистике оказали влияние на изучение всей служебной лексики, в том числе и союзов. Так, например, лингвистами отмечается, что союз в рамках сложного предложения оказывается «средством разграничения, разделения двух пропозициональных единиц» [Онипенко 1995: 92].

В последнее время союз изучается с коммуникативной точки зрения. При этом исходят из того, что союзы обнаруживают движение человеческой мысли, её повороты от прямого отражения действительности к её интерпретации, к обобщению наблюдений, от прямой констатации, от монолога к диалогически обусловленным суждениям, от мира вещей к миру мыслей и слов. Иначе говоря, в этом случае союз рассматривается как знак коммуникативного переключения: перехода от одного регистра к другому, взаимодействия внутренней и внешней точек зрения говорящего, перехода от динамики к статике или от статики к динамике и т.д. [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 361], поскольку «союз соединяет минимум две противоположности (простое следование в рамках одного регистра не требует союзного показателя связи)» [Онипенко 1995: 92]. Такой подход позволил по-новому взглянуть на сложное предложение и, следовательно, на союзы, помог открыть новые семантические возможности конкретных сложных предложений.

Значимым оказывается и рассмотрение сложного предложения и функционирующих в нем союзов и союзных элементов в рамках актуального членения (АЧ). При этом АЧ в рамках сложного предложения представляет собой более сложное явление, чем АЧ в простом предложении, т.к. в сложном предложении это предикация между двумя пропозициями. Например, как показывают М. В. Всеволодова и Е. Н. Виноградова, анализируя сложноподчиненные предложения, (1) причина может вытупать как тема, а следствие как рема (причина Т – следствие Р) и, наоборот, (2) следствие как тема, а причина как рема (следствие Т — причина Р). Например: (1) *Так как на улицах заносы // многие сегодня опоздали на работу.* (2) *Многие сегодня опоздали на работу, // потому что / ведь на улицах заносы* [Всеволодова, Виноградова 2001: 83]. Иначе говоря, теория актуального членения выходит за рамки простого предложения.

Таким образом, союзы, являясь грамматическими средствами языка, выступают как форманты различных синтаксических конструкций в простом и сложном предложениях. Помимо этого, союзы выполняют и неграмматические функции, участвуя в выражении коммуникативной направленности высказывания (АЧ) и играя определенную роль в семантической структуре предложения (например, как показатель модусных значений [Теремова 1987: 19–23]), что и сближает этот класс слов с частицами.

В § 1 было уже сказано о том, что в 90-е годы язык активно рассматривается и с логической точки зрения. Это направление представлено, в частности, работой А. Т. Кривоносова, который в своей монографии «Естественный язык и логика» анализирует русский язык с точки зрения форм выражения умозаключений. При описании умозаключений автор исходит из модусов и формирующих эти модусы различных синтаксических структур. При этом А. Т. Кривоносов стремится выявить все синтаксические структуры, в которых содержатся семантические причинно-следственные связи. В этой работе рассматриваются преимущественно синтаксические построения с формальными лексико-грамматическими маркерами (не только союзами, но и частицами в конъюнктивной функции), которые однозначно свидетельствуют, что та или иная синтаксическая форма есть форма выражения умозаключения. Однако исследователь отмечает, что «логические модусы различаются в естественном языке не типами, например, союзов, а другими синтаксическими параметрами предложений, что и лежит в основе различения модусов» [Кривоносов 1993: 7]. Иными словами, союз является лишь маркером семантического отношения, но не обязательным членом структуры, о чем свидетельствует наличие большого количества бессоюзных предложений. Относительно анализируемого нами слова А. Т. Кривоносов приходит к выводу, что для сложноподчиненных предложений с *ведь* характерно построение энтимем с определенной последовательностью суждений, «как правило, это такие предложения, в которых *ведь* вводит второе простое предложение, всегда функционирующее в качестве меньшей посылки силлогизма» [Кривоносов 1993: 148]. Такой же точки зрения придерживается и Э.-О. Хааг [2004: 80]. Приведем пример:

1. *По вечерам здесь (в Чили) прохладно, — ведь сейчас зима.*

Большая посылка: *Зимой в Чили прохладно по вечерам*

Меньшая посылка: *Здесь (в Чили) сейчас зима*

Умозаключение: *По вечерам тут прохладно*

Таким образом, изучение синтаксических конструкций и лексико-грамматических маркеров, свидетельствующих о типе связи между предикативными единицами, происходит в разных направлениях. Кроме того, наблюдается явное сходство в применении методов изучения частиц и союзов. Но, несмотря на обилие работ и активное изучение союзов и других служебных слов, выполняющих конъюнктивную функцию, до сих пор остается нерешенным вопрос о соотношении понятий «частица» и «союз».

Как уже отмечалось, с момента выделения частиц как особого лексико-грамматического разряда долгое время господствовало мнение о том, что частицы не обладают синтаксическими функциями, и этой особенностью они отличаются от союзов и предлогов. Однако постепенно на основе наблюдений

над функциями частиц в связном тексте стала складываться теория синтаксического функционирования частиц в сложном синтаксическом целом. В. В. Виноградов выделяет даже особую группу так называемых «присоединительных частиц», «устанавливающих разного рода соотношения и связи между предметами мысли, элементами речи, синтаксически разъединенными» [Виноградов 1972: 253]. Исследуя функции частиц в пределах предложения, Н. Ю. Шведова приходит к выводу о том, что «функция соединения для них (частиц) настолько же характерна, насколько функция выражения модальных и модально-экспрессивных значений» [Шведова 1960: 164]. Ю. И. Леденев, анализируя функции частиц, говорит о возможности совмещения в таких словах как *а, и, же, ведь* и т.д. функции союза и частицы. Он отмечает, что роль этих слов как частиц обычно проявляется в том, что они, с одной стороны, позиционно и интонационно связаны с каким-нибудь словом в предложении, выражают какие-либо модально-экспрессивные оттенки в значении этого слова или всего предложения. А с другой стороны, они служат средством связи, показателем некоторых синтаксических отношений [Леденев 1978: 19]. С. И. Богданов, рассматривая служебную лексику в целом, высказывает следующую точку зрения: «теснее всего связаны частицы с союзами, затем с наречиями и междометиями» [Богданов 1997: 32]. В середине 80-х годов данное утверждение становится общепринятым, частицы рассматриваются прежде всего в семантико-синтаксическом ключе [Черемисина, Колосова 1987].

В то же время справедливо отмечается, что не все частицы одинаково активно принимают участие в соединении предложений: некоторые из них лишь изредка «выступают в роли скрепы отдельных предложений» [Маслова 1977: 74]. Таковы, например, количественные частицы (*почти, ровно, точно, чуть*), определительные (*подлинно, точь-в-точь*) и т.д. Другие же частицы почти всегда прямо или косвенно участвуют в соединении самостоятельных предложений или частей сложного [там же], к подобным частицам относится и партикула *ведь*.

Эта же идея представлена и в работе Е. А. Стародумовой. Она классифицирует все частицы на несколько групп: 1) лексические единицы, которые существуют в языке только как частицы (указывает на немногочисленность этой группы); 2) лексические единицы, которые известны в языке прежде всего как частицы, но могут быть соотнесены с другим классом слов — союзами, наречиями; 3) полифункциональные лексические единицы, например, частицы-наречия; 4) идиоматические и устойчивые сочетания; 5) частицеподобные гибридные слова типа *довольно, совершенно, лучше бы* [Стародумова 1997: 6]. В представленной классификации отображено распространенное на данный момент представление о том, что определенные частицы функционально сближаются с союзами, но не все.

Таким образом, частицы могут быть вспомогательными средствами выражения разных синтаксических отношений. В сложносочиненных и в сложноподчиненных предложениях они выступают либо как дополнительные средства связи, объединяясь с простыми союзами, либо как основные средства связи, принимая на себя роль союзов.

Совмещение в одном слове значения и функций разных частей речи представляет особую трудность для исследователей. В лингвистических работах делаются попытки более точной номинации подобных слов: частицы-союзы, полусоюзы, союзные сочетания, аналоги союзов, союзные соединения,

частицы в роли союзов [Колосова, Черемисина 1987]. Подобные наименования точнее передают функциональные свойства обозначаемых ими слов, подчеркивают их гибридность, полифункциональность.

Показательной в этом плане является лексема *ведь*. Одни исследователи считают ее полноправным союзом [Краткая русская грамматика 1989: 503] или прагматизированным союзом [Хааг 1998, 2004], другие — частицей-союзом [Прияткина 1977; РГ 1980], третьи — частицей [Борисова 1993; Всеволодова, Виноградова 2001]. Следовательно, распространены 3 точки зрения: 1) частица, 2) частица-союз, 3) союз. Но в случае попыток дифференциации частицы и частицы-союза нередко исследователи ограничиваются, к сожалению, лишь замечанием о том, что при благоприятных условиях частицы могут брать на себя функцию союза. И такой благоприятной ситуацией считается начальное расположение *ведь* в предикативной единице.

Итак, как отмечал еще В. В. Виноградов, границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими [Виноградов 1986: 523]. Кроме того, «далеко не все слова, функционирующие как союзы, учтены и подвергнуты анализу» [Белошапкина 1967: 70], т.е. круг простых союзов не вполне установлен, «не ясны границы между союзами и частицами» [там же].

Попутно отметим, что в русской традиции, при понимании исследуемой нами лексемы как союза, ее рассматривают в разряде подчинительных союзов, оформляющих причинные связи [Краткая русская грамматика 1989: 572; Хааг 1998: 79 и др.]. Иначе говоря, нет единого мнения среди лингвистов относительно данной лексемы: считать ли слово *ведь* в определенных контекстах частицей, а в определенных союзом, говорить ли в этом случае о явлении функциональной омонимии или считать слово *ведь* частицей, которая может осложняться в определенных контекстах функцией союза (см. также: Глава 3). Однако непроходимой границы между союзами и частицами нет, поэтому нам представляется важным пословное описание каждой служебной лексемы в разных случаях ее употребления.

1.4. Отражение семантики *вѣдѣти* в словах разных частей речи

Прежде чем говорить о различных реализациях частицы *ведь* в высказываниях, необходимо выяснить общее значение частицы *ведь*. Обратимся к этимологической трактовке данной лексемы, поскольку для многих частиц, в том числе для частицы *ведь*, историческая память с соотносимым полнзначным словом оказывается важной и влияет на выбор контекстов с этой частицей. Из лексикографических источников выясняется, что слово *ведь* возникло как фонетическое видоизменение др.-рус. частицы *вѣдѣ* [Срезневский 1989, I: 480–481]. Конечное безударное *ѣ* изменилось в *е* и отпало. Частица *вѣдѣ* образовалась на базе ст.-слав. *вѣдѣ*, являющегося по происхождению формой 1л. ед. ч. старого и.-е. глагола *вѣдѣти*, значение которого *ведать, знать* [Фасмер 1964, I: 284–285]. Таким образом, для лексемы *ведь* релевантна сема «знание», обладания сведениями (информацией). Попутно напомним, что частотное в современном русском языке слово *знать*, семантически близкое слову *ведать* имеет следующие значения: 1) обладать сведениями о чем-либо; 2) обладать каким-либо знанием,

иметь о ком-чем-нибудь понятия, представления [Ожегов 1985: 201]. Однако в какой степени частица *ведь* сохраняет этимологическую память, каким образом последняя сказывается на контекстах с рассматриваемым словом, какое знание передается при помощи *ведь*? На данные вопросы еще предстоит ответить в нашей работе. Для того чтобы лучше понять семантику служебного слова *ведь*, рассмотрим, как реализуется этимологическая память глагола *вѣдѣти* в полных словах.

В современном русском языке глагол *ведать*, от которого произошла частица *ведь*, воспринимается как устаревший синоним слова *знать*. Эта форма глагола узнаваема и сейчас. До сих пор в разговорной речи можно услышать поговорки и выражения типа: *знать не знаю и ведать не ведаю; не ведает, что творит; герою не ведом страх*, которые понимаются всеми носителями языка и не требуют каких-либо дополнительных объяснений. Кроме того, корень глагола *ведать* можно найти и во многих других полных лексемах, широко употребляемых как в письменной, так и в устной речи. Приведем лишь небольшой список слов, в которых встречается данная форма. Например: *выВЕДать, отВЕДать, уВЕДОмлять, осВЕДОмить, ВЕДОмость, уВЕДОмление, искусствоВЕДение, заВЕДУющий, проповЕДовать* и др. Все эти лексемы выражают разные отношения, принадлежат к разным частям речи, обладают разной стилистической окраской, но несмотря на это во всех словах выражена идея, заложенная в глаголе «ведать»: иметь сведения, информацию о чем-либо. Рассмотрим некоторые лексемы несколько подробнее. Так, слово *выведать* означает «разузнавая, получить какие-либо сведения»:

(1) *Эраст Петрович слегка поклонился, решая сложную моральную проблему: порядочно ли будет воспользоваться ослабленным состоянием Ахтырцева, чтобы выВЕДать у него необходимые сведения, благо «зутулый», кажется, и сам не прочь пооткровенничать* (Б. Акунин, Азазель).

В глаголе *отведать* также легко вычленивается значение *знать*. Наиболее часто этот глагол используется в значении «попробовать, узнать на вкус что-либо».

(2) *Бизнес-класса на линии Таллинн-Хельсинки у Finnair нет, так что все пассажиры находятся на равных правах. А вот на линиях Estonian Air клиентам предлагается отВЕДать пищу при помощи острых металлических приборов* (газета «Молодежь Эстонии», 15/12/03).

Помимо приведенного значения можно выделить у *отведать* еще одно — «познать на опыте, испытать». Напр., *отведать горя на чужбине*.

Употребление глагола *уведомить* характерно прежде всего для официально-деловой, юридической среды. Он имеет значение «известить о чем-либо, поставить в известность», от этого глагола можно образовать и существительное, активно используемое в официальном стиле — *уведомление*. Во втором значении этого существительного «документ, которым уведомляют о чем-нибудь» также легко прослеживается сема «знать».

(3) *Заккрытие аккредитива в банке поставщика производится: а) по истечении срока аккредитива. О закрытии аккредитива исполняющий банк уВЕДОмляет*

банк-эмитент; б) по заявлению поставщика об отказе от дальнейшего использования аккредитива до истечения срока на основании заявления поставщика об отказе дальнейшего использования аккредитива. Банку-эмитенту посылается **уВЕДОмление** исполняющим банком (К. Парфенов, Учет и операционная техника в коммерческих банках).

(4) О созыве общего собрания следует **уВЕДОмлять** не позднее чем за семь дней, если уставом не предусмотрен более продолжительный срок (газета «Молодежь Эстонии», 12/07/03).

В названии должности *заведующий* связь с глаголом *ведать* тоже довольно прозрачная, так как в задачи заведующего входит умение руководить, знать что и как делать. Тесная связь с глаголом *ведать* довольно легко обнаруживается и в таких абстрактных существительных как *искусствоведение*, *литературоведение* и др.: наука, знание об искусстве, литературе.

Итак, мы обратили внимание лишь на небольшую часть полнзначных слов, в корне которых сохранилась связь с глаголом *вѣдѣти*. Следовательно, логично предположить, что и для служебного слова *ведь* характерно сохранение в своей семантике этого значения. У частицы *ведь* это значение выражается несколько иначе, чем у полнзначных слов: семантика слова *ведь* проявляется не столько в самой лексеме как автономной единице, сколько в контекстах с ней. Судя по нашему материалу, значение «знания, достоверности» характерно в той или иной степени для всех контекстов с *ведь*. Вероятно, именно поэтому слово *ведь* нередко вводится, как будет показано далее (см: Главы 2, 3), для передачи общеизвестной информации, а также в конструкциях типа: *ты ведь знаешь, я ведь понимаю*.

(5) А другого от них и нельзя было ожидать, **ведь** каждый кулик хвалит свое болото (из телепередачи «Город женщин», 11/02/2004).

(6) Мать: *Нельзя есть деньги, ты что. **Ведь** деньги очень грязная вещь, их нельзя брать* (корпус Е. Протасовой).

(7) *Ну да, Барыбу-то этого. Чтобы поопределенней как-нибудь на суде показал. Я **ведь** знаю, он у вас специалист, ну чего там, чего там, люди свои* (Е. Замятин, Уездное).

(8) — *Мне так трудно, Вася, так трудно.*

— *Ну, ну, я-то **ведь** понимаю* (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

Иначе говоря, этимология частицы определяет и то, что значения знания, достоверности в контекстах с *ведь* заложены уже на пропозициональном уровне [Дискурсивные слова 1998: 428; McCoу 2001: 294], т.е. является инвариантным.

Итак, несмотря на то, что в лингвистике общепринято мнение о крайней абстрактности усилительных частиц, этимология слова дает возможность понять, выявить если не все скрытые смыслы той или иной усилительной частицы, то, по крайней мере, основное инвариантное значение, которое заложено в семантике служебного слова.

1.5. Употребление лексемы *ведь* в функции вводного слова

В научной литературе при рассмотрении лексемы *ведь* обычно выделяется два функциональных значения: партикулярное и конъюнктивное.

Однако в лексикографической практике встречается трактовка лексемы *ведь* и как вводного слова. Так, в «Словаре русского литературного языка» под редакцией В. И. Чернышева относительно данной лексемы утверждается следующее: «произносится без ударения, примыкая к ближайшему ударяемому слову; употребляется в разговорной речи как *вводное слово*» (выделено нами — Н. В.) [СРЛЯ 1951, II: 115]. В словаре под редакцией К. С. Горбачевича также отмечается возможность использования *ведь* в функции вводного слова [СРЛЯ 1991: 75]. Поскольку в разных грамматиках можно найти такую помету, были просмотрены источники лексикографических иллюстраций. Мы попытались выяснить, на каком основании авторы названных словарей относят *ведь* к вводным словам с точки зрения синтаксиса, т.е. к модальным — с точки зрения морфологии.

Подобно частицам, модальные слова — это довольно обширная и легко пополняющаяся группировка слов и словосочетаний. В. В. Виноградов, рассматривая модальные слова, подчёркивал, что диапазон модальных слов активно расширяется в русском языке в связи с тем, что модально-смысловые оттенки высказывания становятся всё более разнообразными [Виноградов 1986: 575]. Модальные слова выражают субъективно-модальные значения, и это сближает их с модальными частицами. При этом круг подобных значений широк и разнообразен: он близок к кругу значений, выражаемых модальными частицами, хотя полностью с ним не совпадает [РГ 1982, II: 229].

Интересно отметить, что не все исследователи считают необходимым разграничивать модальные слова и частицы. Так, А. Минович утверждает, что с точки зрения функций разграничение модальных слов и частиц несущественно [Мирович 1962: 106]. Вероятно, такое отношение к модальным словам и частицам возникло в результате функционально-семантической и морфологической неизменяемости модальных слов, что сближает их с модальными частицами. В свою очередь, это приводит к тому, что в многообразных контекстах речи грани между ними варьируются, затрудняя их точное определение [Черткова 1970: 261]. Кроме того, как отмечает П. П. Шуба, «у многих частиц модальные значения развиваются настолько ярко, что они приближаются к модальным словам, соединяясь с ними в одну грамматическую категорию модальности. С другой стороны, категория модальности, вовлекая в свою систему полнозначные слова, нередко даже их превращает в частицы» [Шуба 1981: 377–378]. Таким образом, в языке наблюдается двусторонний процесс.

Кроме того, модальные слова представляют собой «функционально прагматическое средство предложения» [Панков 2003: 68]. То же самое можно сказать и о частицах, поскольку модальные слова и частицы позволяют говорящему не только оформлять высказывание, но и воздействовать на адресата, передавая информацию и выражая определенное отношение к ней [там же]. Ср.: *Посмотри-ка, это, пожалуй, Вася идет.* / *Посмотри-ка, это ведь Вася идет.* Оба высказывания передают отношение к сообщаемой информации: в первом случае некоторое сомнение, во втором, наоборот, уверенность.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению лексемы *ведь* и попытаемся выяснить, возможно ли ее употребление в функции вводного слова. Учитывая примеры, приведенные в словарях, можно предположить, что трактовка *ведь* как вводного слова опирается на пунктуационное выделение этой лексемы. В Академическом словаре 1951 года даются следующие примеры:

(1а) *Я, **ведь**, тебя знаю: ты, **ведь**, сердобольная такая* (И. Тургенев, Однодворец Овсяников).

(2а) *Андрей Сергеевич, бумаги-то, **ведь**, не мои, а казённые. Не я их выдумал* (А. Чехов, Три сестры).

(3а) *А, **ведь**, признайся, есть из кумушек моих таких кривляк пять-шесть* (И. Крылов, Зеркало и обезьяна).

В словаре 1991 года под редакцией К. С. Горбачевича в качестве иллюстрации к рассматриваемому нами тезису приведён лишь один пример, который уже встречался в словаре под редакцией В. И. Чернышева (пример 1). Это даёт нам, в свою очередь, возможность полагать, что в словаре 1991 года при создании статьи о лексеме *ведь* была использована картотека предшествующего словаря.

Кроме того, данные иллюстрации мы решили проверить по источникам, в результате чего были сделаны довольно интересные наблюдения. К сожалению, нам не известно, книги какого года издания использовались в качестве иллюстраций к словарю, но можно предположить, что это издания, вышедшие не позднее 1950 года.

В более позднем же издании 1975 года представлена следующая пунктуационная картина данного в качестве иллюстрации примера 1:

(1б) *Я **ведь** тебя знаю: ты **ведь** сердобольная такая.*

Ведь уже не выделяется с двух сторон запятыми. Такая же пунктуационная картина наблюдается и в книгах А. П. Чехова «Пьесы», вышедших в Санкт-Петербурге в 1910 и 1980 годах:

(2б) *Андрей Сергееч, бумаги-то **ведь** не мои, а казённые. Не я их выдумал.*

В примере из И. А. Крылова можно встретить несколько пунктуационных вариантов:

(3б) *А, **ведь** признайся, есть
Из кумушек моих кривляк пять-шесть* (1887 г.).

(3с) *А **ведь** признайся, есть
Из кумушек моих кривляк пять-шесть* (1949 г.).

(3д) *А **ведь**, признайся, есть
Из кумушек моих кривляк пять-шесть* (1955 г.).

Таким образом, не совсем понятно, на каком основании авторы словаря выделяют лексему *ведь* запятыми с двух сторон. Значительные пунктуационные различия свидетельствуют, по-видимому, о том, что статус *ведь* до середины XX века не был достаточно определенным.

Кроме примеров, представленных в словарях, нами было обнаружено несколько примеров из художественных текстов, в которых *ведь* обособляется. Необходимо отметить, что таких случаев встретилось немного, но они есть.

(4) *Персиков побагровел, взял бумагу и показал её Иванову.*

Тот прочёл её и иронически усмехнулся.

— *М-да... – сказал он многозначительно.*

— *И, ведь, заметьте... Я своего заказа жду два месяца, и о нём ни слуху ни духу. А этому моментально...* (М. Булгаков, Роковые яйца).

(5) *Но, ведь, я только скромный журналист. Я предполагал, что буду изображён за письменным столом* (Б. Темиряев, Повесть о пустяках).

(6) *...Князь Петя, как путешествия Гулливера, как нечто совсем нереальное и в действительности жизни, конечно, ненужное; ведь, жизнь так пленительна, надо спешить, торопиться, поспеть* (Б. Темиряев, Повесть о пустяках).

(7) *Но, сквозь догадку, мелькает мысль, даже не мысль, а возможность мысли: ведь я мог и не услышать? И, в самом деле, мог, ведь, Коленька Хохлов не услышать странного мычания Дивидова* (Б. Темиряев, Повесть о пустяках).

(8) *Ах, вы знаете: Шмита, ведь, на гаупвахту посадили на три дня. За что? Он даже мне не сказал* (Е. Замятин, На куличках).

(9) *Первые же речи этого профессора рассеяли всякие мои сомнения. Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? — Бесспорно, — согласился неузнаваемый Иван* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Интересно, что в примере (7) автор, используя два раза слово *ведь*, вначале употребляет его как частицу, а затем выделяет запятыми. У других авторов пунктуационное выделение *ведь* также не является регулярным, систематичным.

Как относиться к выделению *ведь* в этих случаях? Считать его вводным словом или частицей? Ответить на этот вопрос сложно, так как большинство имеющихся у нас в наличии примеров относятся не к современному периоду развития языка. А, как известно, современная пунктуация — результат исторического развития. Поскольку пунктуация обслуживает постоянно изменяющийся и развивающийся язык, она также изменчива и нестабильна с точки зрения исторической. Именно поэтому в разные периоды могут происходить изменения в функциях знаков, в условиях их применения. В этом случае правила всегда отстают от практики, и со временем нуждаются в уточнении и пересмотре. Изменения в функционировании знаков происходят постоянно, они отражают жизнь языка [Валгина 1995: 77]. Кроме того, необходимо заметить, что до трудов В. В. Виноградова в русистике не было четкого представления о модальных словах, также было много неясного и в

области служебных слов, в частности — частиц. Таким образом, до середины 1940-х годов XX века не существовало чётких правил разграничения модальных слов и частиц, поэтому многие частицы могли восприниматься и как модальные слова.

Обратим внимание на некоторые отличия частиц от модальных слов. Модальные частицы, как правило, обладают различными вторичными эмоционально-экспрессивными значениями и оттенками значений. Для них характерна неустойчивость основного значения. Так, С. И. Буглак отмечает: «дополнительным разграничением модальных слов и частиц является наличие у частиц различных эмоционально-экспрессивных оттенков и значений и почти полное отсутствие их у модальных слов» [Буглак 1985: 103].

Как известно, одно из основных отличий модальных слов от частиц заключается в том, что частицы — это застывшая форма, образовавшаяся от полнозначных слов, но потерявшая своё первоначальное значение, довольно часто они имеют деформированный звуковой облик, в то время как вводные слова в большинстве случаев сохраняют лексико-грамматические связи с соответствующим знаменательным словом, т.е., как правило, обладают одним устойчивым значением. В научной литературе отмечается также, что во всем корпусе модальных слов практически нет лексем, которые нельзя было бы квалифицировать как «особое употребление вполне определенных немодальных частей речи» [Панков 2003: 72].

Кроме того, частицы обычно легко сочетаются с другими частицами, в отличие от модальных слов. В качестве иллюстрации этого тезиса приведем некоторые сочетания частиц с *ведь*: *ведь же, ведь только, вот ведь, то-то ведь* и др. В. В. Виноградов, рассматривая модальные слова и частицы, указывает на то, что модальные частицы часто являются «продуктом сращения разных сочетаний слов с частицами» [Виноградов 1986: 574]. Таким образом, по всем этим критериям *ведь* следует относить к частицам.

Однако, как уже отмечалось, в речи имеются и такие частицы, которые употребляются во вводной позиции, и поэтому их особенно трудно отличить от сходных по семантике модальных слов. Один из критериев разграничения модальных слов и частиц в таких случаях заключается в том, что модальные частицы во вводной позиции не выполняют функции слов-предложений в ответных репликах диалогов [Буглак 1985: 101]. Такая же ситуация наблюдается и в нашем конкретном случае. Даже если предположить, что возможно употребление *ведь* как обособленное, то данная лексема все равно остается частицей, так как не может использоваться в функции слова-предложения.

Интересно отметить, что о частотности ошибок, связанных с выделением *ведь*, говорит и Д. Э. Розенталь в своей книге «Справочник по правописанию и литературной правке». В одном из примечаний он пишет: «Не являются вводными и не выделяются запятыми слова и словосочетания: *авось, буквально, будто, в довершение, вдруг, ведь* <выделено нами — Н. В.> и др.» [Розенталь 1985: 121]. Встречающийся разноречивой в пунктуации у этих слов связан, по его мнению, с несколькими причинами: 1) некоторые из слов списка принадлежат к модальным частицам, которые могут употребляться и как частицы и как вводные слова; 2) у части слов играют роль смысловые оттенки, допускающие обособление; 3) возможно влияние прежних правил или индивидуальной авторской позиции [там же].

Думается, возможно и объяснение пунктуационного выделения *ведь* через этимологию этого слова, т.е. через глагол *знать* (подробнее см.: Глава 1, § 4), иначе говоря, смысловой оттенок лексемы *ведь* приводит к тому, что пишущий приходит к выводу о необходимости ее обособления. Как известно, вводные слова отглагольного происхождения типа *видишь (ли)*, *знаешь (ли)*, *пойми* и т.п. представляют собой призыв к собеседнику с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым мыслям, фактам. Лексема *ведь* действительно сближается с одной из групп модальных слов поскольку, как будет показано далее, и для нее характерна функция привлечения внимания к излагаемому. Таким образом, можно предположить, что *ведь* в сознании пишущего может ассоциироваться с глаголом *знать* в вводной функции.

Подводя итоги рассуждениям о возможности употребления лексемы *ведь* в качестве вводного слова, отметим, что, с одной стороны, такое понимание может объясняться субъективным восприятием авторами словаря лексемы *ведь* как модального слова. С другой стороны, существуют примеры, где *ведь* действительно выделяется с двух сторон запятыми. В этом случае можно предположить, что трактовка *ведь* как вводного слова опирается на а) пунктуационное выделение, б) этимологическую память слова. Однако следует принять во внимание, что в изданиях разных лет пунктуация в одном и том же тексте бывает разной. Причем иногда в более ранних изданиях *ведь* не выделяется запятыми, а в более поздних — обособляется. Кроме того, пунктуационный знак иногда ставится лишь с одной стороны: или слева, или справа. Иными словами, поскольку единства в пунктуации не наблюдается, выделение *ведь* запятыми следует рассматривать как авторскую пунктуацию.

В современной пунктуационной норме требование выделять *ведь* запятыми отсутствует, что и позволяет трактовать это слово, прежде всего, как частицу или союз. В любом случае пунктуация не может быть основным аргументом в пользу отнесения его к модальным словам, тем более, что многие исследователи в сфере частиц выделяют особую группу модальных частиц.

На основе рассмотренного материала в главе 1 можно сделать следующие выводы. Понимание частиц как отдельного класса слов сформировалось в русистике не сразу. На разных этапах развития лингвистики они определялись исследователями в зависимости от взглядов того или иного ученого. Окончательное понимание частиц как особого разряда слов со специфическим значением закрепилось лишь после работ В. В. Виноградова.

Мы рассмотрели основные направления в изучении частиц. Выяснилось, что сложность изучения частиц заключается в том, что для них необходимо многопараметровое описание, отражающее семантические, прагматические, коммуникативные и другие свойства служебных слов, характерные для их современного употребления. Заслуживает учета при описании семантики слова и этимологическое значение, или внутренняя форма слова. Для служебного слова это значение той лексемы, от которой оно произошло. Нередко эта связь достаточно прозрачна. Так, инвариантное значение слова *ведь* определяется этимологией этой лексемы (*ведь* от *ведать*, т.е. *знать*).

Неоднородность, полисемантность частиц сказывается и на их классификации. В русистике существуют различные классификации частиц, но основными принципами в них все-таки являются семантический и функциональный.

Выделение частиц в отдельный класс слов затрудняется их связью с другими служебными классами, например, союзами, модальными словами. Способность частиц выполнять связующую функцию приводит к тому, что лингвистами нередко решается вопрос остается та или иная лексема частицей или переходит в разряд союзов. Слово *ведь* как раз и является той лексемой, при рассмотрении которой часто встает вопрос, в каких случаях ее следует рассматривать как частицу, а в каких — как союз. В лексикографической практике встречается и трактовка *ведь* как вводного слова, но проведенный нами анализ языкового материала показал, что *ведь* является частицей и в том случае, когда она обособляется запятыми.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦЫ *ВЕДЬ*

2.1. Общие наблюдения над позиционными возможностями частицы *ведь*

Традиционно при определении функции частицы в предложении лингвисты обращают внимание на то, какой дополнительный оттенок смысла в значение отдельного слова или всего предложения привносит частица, является ли она препозитивной, постпозитивной или эта частица не имеет закрепленности по ее месту в предложении. В то же время не все частицы изучаются с точки зрения позиции в предложении. В отношении одних партикул, например, *только*, *даже*, которые способны менять семантическую структуру предложения при изменении позиции в предикативной единице, ведутся активные исследования. В отношении же других, в частности частицы *ведь*, лингвисты ограничиваются лишь утверждением о свободе места частицы в предложении. Так, по словам Е. М. Галкиной-Федорук, «большинство частиц, которые вносят добавочные оттенки значения в целое предложение, не имеет в нем постоянного места. Таковы частицы: *ведь, уже, еще*» [Галкина-Федорук 1964: 230] Более того, в разных лингвистических источниках [Шапиро 1953: 245; Шведова 1960: 207; Современный русский язык 1981: 259] отмечается, что частица *ведь* — это одна из самых свободных частиц русского языка, т.е. она может стоять практически перед любой частью речи и в любом месте предложения. Однако анализ собранного материала и проведенный нами лингвистический эксперимент позволяют утверждать, что свобода местоположения *ведь* несколько преувеличена. Рассмотрим позиционные возможности частицы *ведь* в рамках предикативной единицы более подробно.

Лингвистический эксперимент заключался в перестановке *ведь* в предложении *Родители не понимают сына*. Мы попытались выяснить, действительно ли возможна любая позиция частицы *ведь* в рамках этой предикативной единицы.

- 1 а) *Ведь родители не понимают сына.*
- б) *Родители ведь не понимают сына.*
- в) *Родители не понимают ведь сына.*
- г) **Родители не понимают сына ведь.*

Как показывают примеры, при изменении позиции частицы *ведь* семантика предложения не меняется. В любой позиции в предложении *ведь* отсылает содержание синтаксической структуры к предтексту, к ситуации, причем отсылает через глагол-сказуемое. Таким образом, партикула *ведь* тяготеет к глаголу-сказуемому и относится ко всему предложению. В то же время с коммуникативной точки зрения более значимой оказывается информация, выраженная словами, находящимися рядом с частицей.

Последний пример (1г) помечен звездочкой, так как в рамках литературной нормы употребление *ведь* в данной позиции, на наш взгляд, является спорным. Конечно, по сравнению с письменной речью порядок слов в разговорной речи

отличается большей свободой и вариативностью. Но и в разговорной речи свобода расположения слов не безгранична. Разговорная речь в силу своей спонтанности, неподготовленности допускает некоторые варианты, часть из которых все-таки можно объяснить речевой небрежностью. Вообще, чем распространеннее предложение, тем менее вероятно употребление частицы *ведь* в конце или ближе к концу высказывания. Связано это, вероятно, с тем, что частицы, как правило, маркируют наиболее значимую информацию с точки зрения говорящего, а информативно значимая часть высказывания обычно стремится к инициальному расположению, в конечной же позиции находится менее существенная часть [РГ 1982, II: 208–209]. Собранный нами материал свидетельствует о тенденции инициального расположения лексемы *ведь*. Что же касается законченного корпуса текстов, то в «Русской разговорной речи: тексты» под редакцией Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе на 81 случай употребления слова *ведь* был выявлен только 1 пример употребления рассматриваемой нами частицы в абсолютном конце высказывания (здесь имеются в виду высказывания, содержащие не менее трех лексических единиц, поскольку для высказываний с 2 лексическими единицами постпозиция *ведь* частотна). Приведем этот пример:

- (2) А. (пришла из магазина) А куда положит утку?
Б. Ну куда? В морозку конечно //
А. А может на улицу?
Б. На улице больше нуля она растает / а ей до Нового года лежать *ведь* //
А. Ну ладно //

В приведенном примере постпозицию лексемы *ведь* можно объяснить контактным расположением *ведь* с глаголом, который, как правило, является ядром высказывания (сравните, например, с маловероятным *а ей лежать до Нового года *ведь*).

Таким образом, правильнее говорить об относительной свободе расположения частицы *ведь* в предложении, так как для нее не характерна способность завершать предложение.

Впрочем, существует ряд высказываний, в которых допускается финальная позиция *ведь*. Остановимся на рассмотрении одного из случаев употребления частицы *ведь* в финальной позиции в рамках предикативной единицы. Дело в том, что в разговорной речи в ситуации, когда один из собеседников желает убедить другого в чем-либо и при этом считает, что на его высказывание обращается мало внимания, или он не видит соответствующей реакции на сообщение, говорящий может добавить к своему высказыванию частицу *ведь* с тем, чтобы высказанная мысль выглядела более аргументированно. Для таких высказываний характерна довольно большая пауза между основным сообщением и *ведь*. При помощи *ведь* говорящий старается внушить собеседнику определенное, согласное с ним, отношение к излагаемым фактам, действиям, привлечь к ним внимание.

- (3) — Оставь, ты не справишься.
— Как не справлюсь? всегда справлялся, всегда-всегда.... // *ведь* (из живой речи).

Однако подобные высказывания занимают особое положение. Изначально говорящий не собирается употреблять *ведь*, но ввиду того, что его первоначальные ожидания не оправдываются, он несколько меняет речевую тактику.

Эти факты подтверждают распространенное мнение о значимости частиц в акте коммуникации.

В русском языке можно выделить другой тип предложений, в которых использование частицы *ведь* в конечной позиции является нормированным. В самом конце предложения употребление рассматриваемой нами частицы, как правило, не отступает от нормы русского литературного языка в таких небольших по объему и состоящих из предикативного ядра предложениях, в которых рематичным является сказуемое, чаще всего глагольное:

(4) *Что ты, стыдись! Молодая красивая женщина, да на мужчину разораться! Не старуха **ведь*** (А. Островский, Последняя жертва).

(5) *Карташев вопросительно посмотрел на Корневу.*
— *Ерунда все это, — сказал Корнев — знаешь **ведь**...* (Н. Гарин-Михайловский, Гимназисты).

(6) — *Заработаешь **ведь**. Я не обижу.*
— *И не заикайся! Обсыпь золотом — не соглашусь* (И. Арамилев, На охоте).

Помимо описанных случаев употребления *ведь* в финальной позиции, нужно отдельно сказать и о такой синтаксической конструкции, в которой *ведь* также обычно употребляется в конце предложения. Речь идет о предложениях, у которых первая часть повествовательное предложение, вторая часть — вопрос. Иначе говоря, это предложения с сочетанием лексем *правда ведь (ведь правда)? так ведь (ведь так)? верно ведь?*

(7) *И эти старые обои, и милые знакомые, родные вещи — все это так прекрасно, **правда ведь?*** (А. Арбузов, Потерянный сын).

(8) *Но ведь снаряды у них должны быть к утру, **так ведь?*** (Н. Погодин).

(9) *Ну, будет, ну перестань.... Ты только скажи, ты того-то, тогдашнего, не любишь **ведь? правда?*** (А. Куприн, Ночлег).

(10) *Один денек помотался по степи, зато целый год живи, как министр. Ленька, ты-то знаешь? **Так ведь?*** (М. Горький, Дело Артамоновых).

(11) *Счастливей меня во всем городе человека нет. Только вот грехов много, да ведь и то сказать, один бог без греха. **Верно ведь?*** (А. Чехов, Степь).

Обращает на себя внимание тот факт, что пунктуация перед осложненной частицами частью может быть разной, чисто авторской, а это служит подтверждением мнения, что между частями нет тесной обязательной связи. Интонация подобного типа высказываний до сочетаний *правда ведь (ведь правда)* и *так ведь (ведь так)*, отделенных запятой (точкой, вопросительным знаком), аналогична повествовательным предложениям, т.е. нисходящая к

концу сегмента. После этого делается небольшая пауза, затем — при произнесении вопросительной части — интонация резко повышается вверх. Другими словами, такие синтаксические структуры состоят из двух частей: первая часть — утверждение, а вторая часть предложения — собственно вопрос (с оттенком побуждения к согласию). В результате такого распределения интонационных контуров в разделительных вопросах типичным является употребление *ведь* в финальной позиции. Поэтому данный тип вопросов не противоречит, по нашему мнению, высказанному ранее тезису о нехарактерности употребления частицы *ведь* в конце большой по количеству словоформ предикативной единицы. Относительно рассмотренных предложений с *так ведь, правда ведь* хотелось бы добавить, что возможна и интерпозиция этих сочетаний:

(12) *Сверху камень летел, правда ведь, дочка?* (В. Чивилихин, Елки-моталки).

Во всех случаях употребления вводные элементы с *ведь* относятся ко всему высказыванию в целом или к какой-либо значимой части, выделяя ее, требуя подтверждения (Ср.: *Сверху, правда ведь, дочка, камень летел?* Или *Сверху камень, правда ведь, дочка, летел?*) Очевидно, с коммуникативной точки зрения вводная конструкция выделяет рематическую часть высказывания.

Кроме того, необходимо отметить, что использование частицы *ведь* в финальной позиции является приемлемым лишь в спонтанной разговорной речи, а также в художественных текстах, имитирующих разговорные черты. Собранный нами языковой материал показывает, что в научных и публицистических текстах (исключение — жанр интервью) возможно употребление *ведь* только в препозиции или интерпозиции. Причем интерпозиция встречается реже, чем препозиция. Приведем несколько примеров на интерпозицию *ведь*:

(13) *На основании этого ведь никто не станет говорить о «субъективности выделения слов»* (Чан Нгок Тхем, Абзац как грамматико-стилистическая сущность).

(14) *Каждое правильно произведенное умножение ведь представляло большую ценность* (А. Волков, Арифметические действия у римлян).

(15) *Первый Всегосударственный слет ведь состоялся в Нарве 26-27 июня 1937 года* (газета «Молодежь Эстонии», 21/05/2003).

Итак, в заключение разговора о позиционных возможностях частицы *ведь*, нам представляется немаловажным сделать одно уточнение — позиция частицы *ведь* в высказывании относительно свободна. При этом смысл предложения не зависит от местоположения данной частицы, так как *ведь* относится ко всему предложению и актуализирует семантику сказуемого. Кроме того, наиболее типичными для *ведь* являются две позиции в предложении: 1) позиция абсолютного начала; 2) при предикате. Нормированное же употребление *ведь* в конце предикативной единицы возможно только в относительно коротких по объему предложениях.

Все сказанное ранее о местоположении частицы *ведь* наглядно представлено в таблице:

Таблица 1.

Позиция <i>ведь</i> в высказывании		Нормативное употребление	
		Разговорная речь, худ. литература	Научные тексты, публицистика
начальная		+	+
интерпозиция		+	+
финальная	в предложении с 3 и более лексическими единицами	+(при предикате)	—
	в предложении с 2 лексическими единицами	+	

Обсудив позиционные возможности частицы *ведь*, мы можем перейти к рассмотрению функционально-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей употребления частицы *ведь* в разных по цели высказывания предложениях.

2.2. Особенности функционирования частицы *ведь* в повествовательных предложениях

В зависимости от намерений, целей говорящего, его коммуникативной установки используется та или иная конструкция с определенным лексико-грамматическим наполнением, которая реализуется в рамках высказывания. При этом выбирается один из трех типов предложений по цели высказывания: повествовательное, вопросительное или побудительное. Мы не выделяем в отдельную группу восклицательные предложения, так как специального структурного сигнала «восклицательности» в русском языке нет. Каждое из трех типов предложений по цели высказывания (повествовательное, вопросительное, побудительное) может стать восклицательным, если придать ему особую интонацию и эмоциональную окраску [РГ 1982; 355; Бабайцева, Максимов 1981: 72]. Конечно, в разговорной речи существует целый ряд конструкций, которые употребляются только в роли экспрессивных оценок. Как правило, это выражения типа *Ну, вот еще выдумал! А еще тоже мне друг называется!* Частица *ведь* не образует таких устойчивых сочетаний, с этим и связано то, что восклицательные высказывания в отдельную группу нами не выделяются. Рассмотрим каждый из трех типов предложений в отдельности и постараемся определить, какую роль играет в них частица *ведь*.

Повествовательное предложение — это конструкция, в которой содержится сообщение о каких-либо фактах действительности, событиях, явлениях [Бабайцева, Максимов 1981: 69]. Это наиболее распространенный тип предложения. Повествовательные конструкции разнообразны по содержанию,

функциям, структуре: они могут сообщать, описывать, повествовать, изображать. *Ведь* активно участвует в повествовательных высказываниях. При этом значение «знания», как уже говорилось ранее (см.: Глава 1, § 4), в контекстах с *ведь* является инвариантным. Это отражается в том, что *ведь* употребляется преимущественно в повествовательных предложениях, передающих уверенность говорящего в предмете речи.

уверенность

(1) *Когда мы с тобой говорили о мюзикл-холле / мы говорили / ах какие были актеры / Мы с тобой **ведь** не сказали / что там был Чирков / там был Черкасов // (Русская разговорная речь: тексты).*

Значение уверенности может осложняться в высказывании и разными прагматическими и модальными смыслами (оправдания, упрека, жалобы).

уверенность + оправдание:

(2) *Саша смутился, спохватился, начал оправдываться: «Да нет же, я **ведь** хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная» (Ф. Сологуб, Мелкий бес).*

(3) — *Честное слово, я **ведь** это не для того, чтоб от нее избавиться, — сказал он. — Мы к ней уже, в общем, и привыкли (М. Веллер, Приключения майора Звягина)*

(4) — *Что ж, **ведь** я ходил, и пойду еще, коли пошлют, — пролепетал он. — Да и пошлют. — Ну и пойду (Л. Толстой, Из кавказских воспоминаний).*

уверенность + упрек:

(5) *Неприменно надо обои переклеить. Я **ведь** вам присылала обойщика с образчиками (Ф. Достоевский, Бесы).*

(6) *Госпожа Простакова: Когда они выедут?
Скотинин: **Ведь** ты слышала, поутру в семь часов (Д. Фонвизин, Недоросль).*

(7) *Все это так дико было видеть в человеке, за которого Лопухов считал Кирсанова, что гость сказал хозяину: «Послушай, **ведь** мы с тобою приятели: ведь это, наконец, должно быть совестно тебе» (Н.Чернышевский, Что делать?).*

уверенность + жалоба:

(8) *Одно стоит на своем. До слез **ведь** довел нас с женою (А. Новиков-Прибой, В бухте).*

Таким образом, частица *ведь* может сопровождаться модальностью упрека, оправдания, жалобы, т.е. она способна вносить в предложение дополнительные модальные смыслы. Причем нами были выявлены также некоторые случаи употребления *ведь*, частотные для разговорной речи, в которых частица является структурно важным компонентом для адекватного понимания высказывания в целом:

(9) А. Ну сходите вы на «Гамлета» //

Д. Хорошо?

А. Хорошо

Б. Смоктуновский *ведь* (Русская разговорная речь: тексты).

Последний участник выражает согласие, указывая на то, что игру Смоктуновского стоит посмотреть. Высказывание без частицы *ведь* бессмысленно в представленном полилоге, оно теряет свою иллокутивную направленность, теряет свой объяснительный смысл и становится просто номинативным средством. В таких высказываниях значима и позиция — это, как правило, постпозиция *ведь* относительно существительного.

(10) —Тебе понравилось? (собеседник только что вернулся с концерта)

—Задорнов *ведь* (из живой речи).

(11) —Ты читала «Статский советник»?

— Акунин *ведь* (из живой речи).

В таких диалогических блоках особенно важна презумпция, которая должна восприниматься обоими / несколькими участниками коммуникации одинаково (пример 10) или, по крайней мере, учитываться (пример 11). Роль пресуппозиции состоит в том, чтобы дать информацию, которую субъект речи и адресат сообщения должны знать заранее, чтобы прийти к правильному выводу [Теремова 1987: 16]. Несовпадение пресуппозиций приводит к тому, что собеседник неправильно понимает говорящего. Так, последние реплики в диалогах можно понять по-разному, в зависимости от того, является ли собеседник почитателем определенного автора, артиста или нет. Например, в диалоге (10) вопрос о том, понравился ли концерт, был задан одному из почитателей М. Задорнова, поэтому полученный ответ интерпретируется как «конечно, понравился»; в диалоге же (11) представлен отрицательный ответ, что выводится из знания о негативном отношении собеседника к произведениям Б. Акунина. Встает вопрос, с какой целью задаются подобные вопросы, если ответ уже заранее предполагается? Дело в том, что спрашивающий знает об отношении своего собеседника к какой-то личности, но в чем-то все-таки не уверен. Действительно, ведь концерт может и не понравиться, а книга может быть прочитана даже и в том случае, если автор не является одним из любимых.

Необходимо отметить, что *ведь* имеет структурно важную для адекватного понимания функцию лишь в высказываниях с именем собственным. В других же случаях высказывания без *ведь* также понятны. Сравните:

(12) — Пойдем гулять?

— Холодно / Холодно *ведь*

В ответной реплике употребление *ведь* факультативно. В обоих случаях собеседником имплицитно выражается мнение, что гулять он не пойдет, но в высказывании с частицей ответ представлен более убедительно, категорично. В высказываниях с *ведь* идет апелляция к общности информационных баз говорящего и слушающего, которая может иметь или не иметь место.

Анализ языкового материала дает основания говорить о еще одной особенности высказываний с *ведь*. Нередко частица *ведь* помогает оформлять высказывания с недомолвками, часто имеющими негативную оценку. Употребление *ведь* в таких оценочных высказываниях обуславливает высокую экспрессивность конструкций, а расплывчатость семантики этого служебного слова обеспечивает широкую вариативность оценочных смыслов в зависимости от контекста.

(13) А. Ревел?

Б. Начал / она ему сразу какую-то палку / и все нормально //

А. Вот все-таки что значит подход у врача есть // А у той **ведь** (другой врач не имел подхода к детям) (Русская разговорная речь: тексты).

Говорящий лексически не выражает критику в адрес предыдущего врача, однако все понимают, что она подразумевается. Другой пример:

(14) А. Но мне попал... экономический который меня совершенно не интересует//

Д. Трудно?

Г. А-а!

А. **Ведь** эта специальность какая... (Русская разговорная речь: тексты).

В примере (14) также выражена негативная оценка по адресу экономического факультета. Говорящий не описывает подробно, какая именно это специальность, а ограничивается лишь намеком на то, что учиться ему там было неинтересно. Кроме того, ситуация представлена так, как будто это не только мнение говорящего, но и окружающих его собеседников.

Во многих высказываниях партикула *ведь*, не являясь структурно обязательным компонентом в предложении, маркирует субъективное отношение адресанта к окружающему миру. Так, довольно часто частица *ведь* используется как средство, которое дает возможность преподнести всем известную истину с субъективной точки зрения.

(15) А главное, заносющийся так, жутким криком кричащий о своем праве, никогда **ведь** своего крика не слышит. И жалко становилось Верочку (А. Ремизов, Крестовые сестры).

(16) Послушай, Байгузин, — заговорил Козловский искренним, дружелюбным голосом, — бог **ведь** у нас у всех один (А. Куприн, Дознание).

(17) Вы можете выписаться хоть сейчас. Но помните... — Она примирительно предупредила его: — Умирают **ведь** не только от рака (А. Солженицын, Раковый корпус).

В подобных предложениях с помощью частицы *ведь* говорящий призывает собеседника согласиться с очевидностью излагаемого. Обратим внимание также на то, что говорящий акцентирует внимание слушающего не только собственно частицей, но и другими лексическими единицами. Прежде чем высказать важную с точки зрения говорящего информацию, он сигнализирует

об этом определенными лексемами *главное, важно* и т.п. или же призывом к вниманию *послушай, помните*.

Нередко говорящий сам прекрасно понимает, что высказывает банальную мысль, но считает, тем не менее, необходимым ее озвучить, при этом сам же отмечает общеизвестность высказываемого факта.

(18) *Вы поймите, что любовь приходит без нашего ведома, не по закону... **Ведь** это банальнейшая истина, и приходится ее напоминать всем и каждую минуту...* (М. Арцыбашев, Жена).

Частица *ведь* употребляется и в том случае, когда говорящий желает высказать свое собственное мнение, но при этом гримирует его под объективность, под норму, взгляд на которую разделяется и собеседниками:

(19) *Я **ведь** в молодости красавицей была. **Каждый** это подтвердит.*

(20) ***Ведь** он дурак. **Все** говорят* (из живой речи).

(21) ***Ведь** как здорово там было! Кого ни спроси, **любой** со мной согласится* (из живой речи).

В этом случае после предложения с *ведь*, как правило, идут резюмирующие предложения с местоимениями *каждый, все, любой*. Таким образом, частица *ведь* помогает преподнести свою мысль как непреложный факт. Следовательно, возможны два варианта преподнесения информации с частицей *ведь*: с одной стороны, при помощи *ведь* мотивируется повторение всем известных истин в акте коммуникации, а с другой стороны, *ведь* дает возможность представить свою мысль как истину.

Необходимо отметить, что любое высказывание с частицей кажется аргументированным, в то время как «высказывания без частиц оспаривать легче, так как они лишены сильной иллюкативной нагрузки» [Николаева 1982: 58]. Вероятно, именно поэтому как в разговорной речи, так и в газетно-публицистическом стиле очень широко используется названная часть речи, в частности, частица *ведь*. Кроме того, в нашем случае оттенок аргументированности заложен уже в самой семантике лексемы *ведь*.

По мнению многих лингвистов [Кривоносов 1982: 56; Белошапкина 1997: 603 и др.], частица *ведь* выражает субъективное отношение к окружающему миру и является субъективно-модальной частицей. Следовательно, она вносит в предложение субъективно-модальное значение. В свою очередь, подавляющее большинство субъективно-модальных предложений функционирует в разговорной речи не изолированно, а опирается на предшествующий контекст или предшествующие (исходные) реплики, находясь с ними в формальной связи [Кривоносов 1982: 54]. А по словам Т. М. Николаевой, для частицы *ведь* свойственна не только «ориентация на контекст» [Николаева 1985: 104], но и «установка на контекст» [там же].

В этом отношении интересны такие разговорные тексты, в частности диалогические, в которых встречаются особые синтаксические единства, представляющие реплики собеседников, объединенные по смыслу. В ответной реплике находится интересующая нас языковая единица. Частица *ведь* в высказывании помогает говорящему выразить свой отказ не прямо, а косвенно.

Иначе говоря, говорящий строит свой ответ таким образом, что непосредственно отказ остается невысказанным, но для собеседника он очевиден:

(22) — *Дай еще денег!* — *Тарантьев.*

— ***Ведь*** у тебя останется сдача от красненькой (И. Гончаров, Обломов).

Как видно из примера (22) второй участник коммуникации не отвечает открыто «нет, не дам денег», а мотивирует, аргументирует свой отказ, называет только причину своего несогласия, нежелания давать деньги, по которой первый участник коммуникации сам должен вывести следствие: «денег он не получит». Кроме того, *ведь* придает высказыванию субъективно-модальное значение возражения. Но в то же время рассматриваемая нами частица помогает говорящему высказать свой отказ в более мягкой форме. Таким образом, и данный случай подтверждает мнение Р. Ратмайр и других лингвистов о том, что частицы играют огромную роль в процессе коммуникации [Rathmayr 1985: 325], помогает выразить имплицитный смысл высказывания. Приведем еще один пример, в котором говорящий дает понять собеседнику, что он не согласен выполнить определенное действие:

(23) Огудалова: <....> *Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.*

Паратов: *Тетенька, тетенька! **Ведь** уж человек с трех взяла! Я тактику-то вашу помню* (А. Островский, Бесприданница).

Для частицы *ведь* характерно ее использование в высказываниях-рассуждениях. Как правило, в таких высказываниях *ведь* находится во второй части. С помощью сочетания частицы *ведь* с местоимением *это* высказывание нередко приобретает значение итогового утверждения. Говорящий дает свое видение ситуации, сложившегося положения и т.д., невольно оценивая его. Это своего рода оценка-вывод.

(24) *Даже о таланте не просил я, а ты **ведь** все знаешь, что такое талант — **ведь** это же больше жизни* (Л. Андреев, Жизнь человека).

(25) — *Как же так!* — *сочувствовал я младшим,— **ведь** это ужасно!* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

(26) *Тут чем бы свое дело делать, ты — то стонешь от измены девчонки, то плачешь о разлуке с другом, то страдаешь от душевной пустоты, то от полноты ощущений: ну что же это за жизнь? **Ведь** это пытка!* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

(27) *На столе лежал исписанный лист бумаги. Михаил Яковлевич невольно на него взглянул: «ну, что ж, **ведь** это не частное письмо, да я и не читаю, а только смотрю, как он творит...»* (М. Алданов, Истоки).

Кроме рассмотренных случаев, необходимо обратить внимание и на такой тип оценочных восклицаний как:

(28) *Ведь как танцует!*

(29) *Ведь сколько работы переделал!* (из к/ф «Трое против всех»).

При использовании подобных синтаксических конструкций говорящий наряду с подчеркнута позитивной оценкой («очень хорошо танцует», «очень много работы переделал») выражает удивление («вопреки ожиданию говорящего кто-то хорошо танцует», «вопреки ожиданию говорящего кто-то что-то сделал»), а также восхищение. Попутно заметим, что в высказываниях без частицы *ведь* выражается только оценка. Таким образом, частица *ведь* делает высказывание с прагматической точки зрения более насыщенным. Для подобных восклицаний характерен и важен момент неожиданности для говорящего. Приведем другой пример:

(30) *Ой, ведь ты компьютер не выключил!* (пример из [Дискурсивные слова русского языка 1998: 437]).

(31) *Черт, у нас ведь номерок к врачу на 4 часа взят!* (из живой речи).

В данной ситуации важен момент неожиданного припоминания о чем-либо, т.е., как отмечается авторами книги «Дискурсивные слова русского языка», «прозрение говорящего» [Дискурсивные слова 1998: 437]. Такие конструкции фактически являют побуждениями к действию, иначе говоря, интенция говорящего заключается в стремлении не только сообщить о чем-то забытом, но и указать на необходимость сделать то, что участники коммуникации не сделали. Таким образом, это высказывания-напоминания, в которых имплицитно содержится побуждение к действию.

Для предложений с *ведь* характерно использование экспрессивно-оценочной лексики, фразеологии или устойчивых сочетаний.

(32) — *А что, братцы! Ведь она, Клемантинка, хоть и беспутная была, а правду молвила!* — *говорили одни* (М. Салтыков-Щедрин, История одного города).

(33) *А сначала я думал лучше об вас, да ошибся! Видишь, ведь каким тихеньким прикинулся!* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

(34) — *Знаю, что белые; да сдобные?*
— *Этакий ведь столб!* — *сказала Аграфена, — и слова-то путем не умеет молвить, а еще петербургский* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

В последних трех высказываниях эмоционально-оценочная лексика: «беспутная» «тихеньким прикинулся», «столб». Употребление по отношению к человеку неодушевленного существительного «столб» говорит о ярко выраженной негативной оценке говорящего. Но лексема *ведь* употребляется не только в высказываниях, в которых дается негативная оценка. Наш анализ подтверждает мнение Н. Д. Арутюновой, что частица *ведь* безразлична к характеру оценки: в синтаксических конструкциях с этой лексемой может выражаться как позитивная (примеры 28, 29), так и негативная (примеры 32, 33, 34) оценка [Арутюнова 1988: 100].

Итак, частица *ведь* в повествовательных предложениях выполняет разнообразные функции. Обычно ее наличие факультативно в синтаксической конструкции, и она служит для усиления тех смыслов, которые заложены в лексико-грамматическом наполнении. Высказывания с этой лексемой нередко осложняются различными модальными оттенками. Для всех контекстов с *ведь* характерна уверенность в сообщаемом, в таких предложениях явно прослеживается позиция говорящего «я знаю, что говорю / делаю».

Проанализировав поведение частицы *ведь* в повествовательных предложениях, перейдем к рассмотрению данной частицы в вопросительных конструкциях.

2.3. Особенности функционирования частицы *ведь* в вопросительных предложениях

Вопросительными являются такие предложения, в которых выражается запрос об информации, стремление говорящего узнать что-либо от собеседника. Все вопросительные предложения делятся на 2 основные группы: а) общевопросительные, т.е. направленные на получение информации о ситуации в целом (*Как поступить? Что делать?*) и б) частновопросительные, заключающие вопрос об отдельной стороне какого-либо факта, о деятеле, о тех или иных обстоятельствах и т.д. (*Кто это плачет?*) В зависимости от осведомленности говорящего все вопросы можно разделить на:

- собственно-вопросительные предложения, которые отражают полную неосведомленность автора о предмете речи;
- неопределенно-вопросительные, совмещающие вопрос с догадкой, предположением, неуверенностью, сомнением;
- констатирующе-вопросительные, совмещающие вопрос с почти полной уверенностью, с утверждением [РГ 1982, II: 394].

Грамматически вопросительные конструкции оформляются либо с помощью вопросительного слова, либо без вопросительного слова.

Собранный нами фактический материал позволяет утверждать, что употребление частицы *ведь* в вопросительных высказываниях ограничено. *Ведь* используется прежде всего в одном из видов вопросительных предложений. Речь идет о предложениях, в которых нет вопросительных слов. С вопросительными же словами ее употребление имеет свою специфику. Рассмотрим, какую именно информацию хочет получить говорящий, задавая вопрос с *ведь*.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСРЯ 1935, I: 240] отмечается тот факт, что вопросительные предложения с *ведь* приближаются к вопросительным структурам с *разве не*, *неужели не*. Но, на наш взгляд, такая точка зрения не соответствует действительному положению дел. Для того, чтобы убедиться в этом, проведем лингвистический эксперимент, заключающийся в сравнении возможности модификации одного и того же вопроса при помощи подстановки в него частиц *ведь*, *разве не*, *неужели не*:

1. а) — *Вы **ведь** снимали маску со Льва Толстого? — спросил кто-то из нас.*
— *Снимал* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

б) — *Вы разве не снимали маску со Льва Толстого?*

в) — *Неужели вы не снимали маску со Льва Толстого?*

Все три вопросительные конструкции содержат в себе вопрос о соответствии сообщаемого действительности, но они отличаются своими семантическими оттенками. Так, вопрос с *ведь* содержит элемент утверждения, сочетание же частиц *разве не, неужели не* вносит в вопрос оттенок недоумения, удивления. Кроме того, ответ на поставленный вопрос с *ведь* ожидается положительным, а на вопрос с двумя другими частицами — отрицательным. Теория анализа толкования вопросов А. Вежбицкой помогает еще более наглядно представить семантические различия рассматриваемых нами вопросов (см. об этом [Падучева 1996: 303]). Так, вопрос с *ведь* имеет следующее толкование:

- Я считаю, что вы снимали маску со Льва Толстого;
- Я исхожу из того, что вы думаете то же самое;
- Я хочу, чтобы вы подтвердили, что вы думаете то же самое.

Вопрос с *разве не; неужели не*:

- Я считаю, что вы снимали маску со Льва Толстого;
- Я исхожу из того, что вы не думаете то же самое;
- Я хочу, чтобы вы подтвердили, что вы не думаете то же самое.

Следовательно, два из трех возможных компонентов толкования вопроса с *ведь* отличаются от компонентов толкования вопросов с *разве не* и *неужели не*. При этом толкования вопросов с *разве не* и *неужели не* полностью совпадают. Таким образом, говорить о синонимии вопросов с *ведь* и *разве не, неужели не* не представляется возможным, несмотря на то, что у этих вопросов есть некоторое сходство. У всех трех вопросов с частицами совпадает план прошлого: говорящий, задавая вопрос с *ведь, неужели не, разве не* говорит об уже известных ему вещах. Однако в плане настоящего эти частицы имеют различия.

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению вопросительных предложений, в которых присутствует лексема *ведь*.

Наши наблюдения над языковыми иллюстрациями приводят к выводу, что частица *ведь* в вопросительной конструкции способствует выражению смысла относительной уверенности, но с элементом сомнения: говорящий почти уверен в чем-то и хочет получить подтверждение от своего собеседника

(2) — *Я рад, что ты пошел по этой дороге, — с трудом проговорил он, — я бы всю ночь не заснул, если б я не догнал тебя. Дай мне руку. **Ведь** ты домой идешь?*

— *Домой* (И. Тургенев, Накануне).

(3) — *Я пришел проститься с вами, я через час еду в деревню.*

— ***Ведь** это отсюда недалеко?* — *спросила Лиза.*

— *Верст двадцать пять* (И. Тургенев, Дворянское гнездо).

(4) — *И не думал сердиться. Я только хотел разыграть роль медведя в басне «Мартышка и зеркало». Что, **ведь** искусно разыграл? Лиза, а?* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

В подобных вопросах адресант дает понять адресату, каков ожидаемый или желаемый ответ. Говорящий, сигнализируя своему собеседнику, как он оценивает презумпцию, т.е. какой ответ он желает получить, тем самым дает собеседнику возможность продолжать разговор в соответствии со своими интересами. По мнению Р. Ратмайр, влияние частиц на ход разговора состоит в том, что они «характеризуют позицию говорящего по отношению к презумпции и / или к его собеседнику» [Rathmayr 1985: 325]. Действительно, в примере (4), во-первых, презумпция вопроса заключается в том, что отправитель информации ожидает получить утвердительный ответ «да, здорово разыграл»; во-вторых, вопрос с частицей *ведь* указывает на близкие отношения между участниками коммуникации.

Как мы уже говорили, частица *ведь* придает вопросу оттенок уверенности в том, о чем спрашивается, и предполагается, что будет положительный ответ. При этом заметим, что в большинстве случаев ожидания говорящего оправдываются:

(5) — *Нет / а как Бортников / ведь один исполнитель?*
— Один (Русская разговорная речь: тексты).

(6) — ***Ведь** это у нас огонь?*
— *Так точно-с...* (Л. Толстой, Война и мир).

(7) — ***Ведь** вам направо идти?*
— Направо (И. Тургенев, Дворянское гнездо).

(8) — *Хорошее дитя у меня?*
— *Да. Очень!*
— *Не налюбуюсь. Умница **ведь**?*
— Мудрец (М. Горький, Страсти–мордасти).

Ответная реплика, как правило, содержит согласие, при этом нередко в ответе повторяется та же лексема, которая содержится в вопросе, или дается ее синоним. В вопросах с *ведь* говорящий как бы подсказывает собеседнику правильный с его точки зрения ответ. Однако возможен и отрицательный ответ при вопросе с частицей *ведь*:

(9) — *Но, голубчик Степан Трофимович, стало быть, вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о том, кто вас успокоит. Несчастны, **ведь так**?*
— *Теперь счастлив...* (Ф. Достоевский, Бесы).

При рассуждении говорящего о чем-либо вопрос с *ведь* призывает собеседника согласиться с тем, о чем говорится. При этом, если сам говорящий продолжает свою речь, то ответ на автовопрос является положительным.

(9) — *А как же в Вавилоне акведуки строили? Хорошо **ведь** строили? Хорошо! Прочно? Прочно!* (А. Платонов, Город Градов).

(10) *Вот вы тоже человек умный, а простой вещи сообразить не можете: все **ведь** вы сделали, а? Все* (Л. Андреев, Савва).

О некоторой осведомленности о предмете речи свидетельствует также возможность наличия вводных слов в вопросительных предложениях с *ведь*. Интересно отметить, что вводные слова не используются в предложениях с вопросительными словами.

(11) *Вы напрасно ждете. Я готов. К вашим услугам. Вот мой паспорт, книжка со стихами, две фотографии, тело и душа. Мы **ведь, очевидно**, поедem в автомобиле?* (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене).

(12) — **Ведь, кажется**, у него детей не было?
— *Не было, — любезно подтвердил Остап* (Ильф и Петров, Двенадцать стульев).

(13) — *Кроме того, ведь у нее же ваши деньги? **Ведь** она их, **конечно**, сохранила?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Вопрос, содержащий в себе *ведь* и модальное слово, фактически граничит с утверждением. Понять, что это вопросительная конструкция, можно только по интонации в устной речи или по вопросительному знаку в конце предложения в письменной. Сравните:

(14) *Но **ведь** тут, **по-моему**, имелась и иная любовная линия?* (Б. Акунин, Чайка).

(15) Зоя: *Павлик, я заплачу, погодите.*
Оболянинов: *Нет, нет, нет. С какой стати...*
Зоя: **Ведь** у вас, **кажется**, нет больше (М. Булгаков, Зойкина квартира).

При замене вопросительного знака на утвердительный практически не возникает понятийных изменений в высказывании, тем самым можно говорить о том, что в данном случае нейтрализованы иллокутивные силы вопроса и утверждения.

Используя вопрос с *ведь*, говорящий может иметь своей единственной целью привлечение внимания собеседника. Обычно при этом представленная точка зрения как-либо характеризуется:

(16) — *Правда, волка бояться — в лес не ходить. Но с твоей точки зрения, политика вообще ерунда, **ведь** так? Ты мне когда-то говорил, что единственное важное дело в жизни — это биология, и что величайший в мире человек — Пастер* (М. Алданов, Самоубийство).

Частица *ведь*, находясь в конце предложения, усиливает побуждение к ответу. Обратим внимание также на то, что вопрос с *ведь* может быть переспросом:

(17) — *А на фронт вы с ним поедете?*
— *Конечно! Егор Павлович, поедem **ведь**?* (К. Федин, Необыкновенное лето).

Вопросительные высказывания с *ведь* функционируют в языке и в роли косвенного речевого акта просьбы. Вообще же необходимо отметить, что для частицы *ведь* участие в вопросах, содержащих в себе просьбу, типично:

(18) — *Наташ, ты ведь сходишь в магазин?* (из живой речи).

(19) — *Они дали мне ключ.*

— *Какие любезные! Если недалеко, пойдём. Ты ведь, Надя, тем временем разберешь вещи?* (М. Алданов, Самоубийство).

Как видно из примера (19), с прагматической точки зрения это косвенная просьба, которую можно представить следующим образом: «Настя, убери, пожалуйста, тем временем вещи». Однако в вопросе просьба представлена в еще более мягкой форме: «я почти уверена, что ты будешь так добра, что сможешь убрать вещи», иначе говоря, говорящий пытается ненавязчиво повлиять на действия собеседника.

Если вопрос с *ведь* повторяется 2 или более раз, то в этом случае выражается желание говорящего услышать положительный ответ и в то же время неуверенность в том, что подтверждение будет получено:

(20) *Цеплялась Маруся за глаза Андрей-Иванычевы, озябшей, неверящей улыбкой молила его сказать, что неправда это, что ничего со Шмитом... — Ведь, неправда же, ведь — неправда? — вот сейчас, кажется, станет она на колени. — Правда,— только и мог сказать Андрей Иванич* (Е. Замятин, На куличках).

(21) — *Ты ведь так не думаешь, ведь нет?*

— *Думаю* (из живой речи).

Сама форма построения вопроса должна подсказать слушающему ответ. Так, вопросительные высказывания с частицей *не* подчеркивают нежелание говорящего услышать утвердительный ответ.

Таким образом, рассмотренный материал подтверждает мнение лингвистов, которые не считают вопросительные высказывания с модальными словами и частицами, такими как *значит, может быть, наверное, ведь, правда*, подлинно вопросительными, а характеризуют их в качестве иллюкутивного акта догадки, предположения [Голубева-Монаткина 1988: 150–151] или гипотезы [Булыгина, Шмелев 1992: 130–132]. Однако следует добавить, что вопросы с *ведь* функционируют и в роли косвенного речевого акта просьбы. Отметим также, что Тэк-Гю Хонг высказывает мысль о том, что к подобным вопросам надо подходить с формально-языковой точки зрения и трактовать их как «косвенный речевой акт нейтрализации вопроса и ассерции» [Тэк-Гю Хонг 2003: 183]. Такие вопросы он относит к псевдовопросам.

Мы рассмотрели наиболее типичные случаи употребления частицы *ведь* в вопросах без вопросительных слов. Но следует остановиться и на несколько менее частотных возможностях употребления исследуемого нами служебного слова в вопросе. Это участие частицы *ведь* в вопросах с вопросительными словами. В таких вопросительных высказываниях позиция частицы *ведь* фиксирована — препозиция перед вопросительным словом. Кроме того, эти вопросы являются риторическими, т.е. не нацеленными на ответ, на получение

какой-либо информации. Иначе говоря, ответ вытекает из самого вопроса, подсказан в нем. *Ведь* в этом случае употребляется для придания высказыванию очевидности, аргументированности и имеет значение «сами бы должны это понимать».

(22) Катерина: *Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!*

Борис: *Лучше б мне не видеть вас!*

Катерина (с волнением): ***Ведь что*** я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли?

Борис: *Успокойтесь!* (А. Островский, Гроза).

(23) (в цветочном павильоне) — *Вы за цветами?*

— ***Ведь зачем*** же еще я мог сюда приехать? (из к/ф «Следствие ведет дилетант»).

Другой возможный случай употребления частицы *ведь* с вопросительным словом представлен в высказываниях-рассуждениях, когда сам говорящий отвечает на поставленный им же вопрос.

(24) — *Вот как всегда хороших людей здесь и не дождешься. **Ведь почему** Максим не пришел? Знал, что припрется эта заноза* (из к/ф «Следствие ведет дилетант»).

(25) — ***Ведь почему*** хочется быть генералом? — *потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь* (Н. Гоголь, Ревизор).

Однако хочется еще раз подчеркнуть, что такие случаи употребления частицы *ведь* с вопросительными словами в нашей картотеке редки. Подобными вопросительными высказываниями говорящий не стремится побудить собеседника сообщить нечто ему неизвестное, т.е. они также не являются собственно вопросами, и, следовательно, находятся на стыке вопросительных и повествовательных конструкций. В высказываниях с вопросительным словом, с помощью которых говорящий желал бы получить какую-либо информацию, *ведь* нам не встретилось. Очевидно, семантика известности у этой частицы не предполагает ее участия в таких вопросах.

Итак, на основе рассмотренного материала можно сделать следующие выводы. Вопрос с частицей *ведь* предполагает утвердительный ответ, это своего рода вопрос-уточнение. Задавая такой вопрос, говорящий не ожидает получить новой информации, а желает подтвердить старую, уже известную. Иначе говоря, частица *ведь* в данном случае показывает желание говорящего найти подтверждение своей мысли, получить положительный ответ. Другая разновидность вопроса с *ведь* — это вопрос-просьба. Следовательно, *ведь* в вопросительной конструкции имеет усилительно-уточняющее значение с оттенком уверенности; эта конструкция нацелена на подтверждение информации со стороны адресата, т.е. вместе с запросом об информации выражается и уверенность в содержании ответа. В случае же неуверенности говорящий, тем не менее, настоятельным образом намекает на желаемый ответ.

Возможно участие *ведь* и в риторических вопросах, в этих случаях могут встречаться вопросительные высказывания с вопросительными словами. Таким образом, вопросительные предложения с *ведь* занимают периферийное место в системе вопросительных предложений и находятся на пересечении вопросительных и повествовательных высказываний. Представим сказанное в виде схемы, в которой буквой А обозначены вопросительные высказывания, В — повествовательные и АВ — вопросительные конструкции с *ведь*.

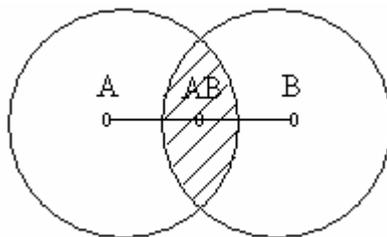

Рисунок 1

2.4. Особенности функционирования частицы *ведь* в побудительных предложениях

Функционирование ряда частиц в императивных конструкциях на данный момент уже довольно хорошо изучено [Храковский, Володин 1986: 176–210; Кобозева 1990: 194–203; Безяева 2000: 27–59 и др.]. К таким частицам относятся прежде всего усилительная постпозитивная частица *же*, «модально-волевая» постпозитивная частица *-ка*, «смягчительная» частица *пожалуйста*, а также модальная частица *ну*. Интерес к ним связан в первую очередь с тем, что они наиболее широко употребимы в императивных контекстах. Функционирование же в этих условиях других частиц в русистике практически не рассматривается. И именно к таким не рассматриваемым в императивных конструкциях частицам относится лексема *ведь*. Это не случайно, поскольку ее употребление в императивных высказываниях имеет определенные ограничения. Как известно, основная задача побудительных высказываний — «волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо» [РГ 1982, II: 110].

Наше исследование показало, что частица *ведь* избирательна по отношению к иллокутивной функции императива. Императив с *ведь* встречается в высказываниях, призывающих что-либо понять, с чем-либо согласиться, т.е. с классом ментальных глаголов.

(1) — ***Ведь ты пойми!*** — закричал Коля. — *Какая-нибудь свинья котлета отнимает у человека неделю жизни!*
— Пусть отнимает, — сказала Лиза, — *фальшивый заяц отнимает полгода* (Е. Замятин, На куличках).

(2) — *Саша, друг мой,* — сказал он с необыкновенной выразительностью, — ***ведь ты подумай*** только, какой ты для меня человек, у меня нет большего друга (Г. Газданов, Призрак Александра Вольфа).

(3) — *Увы!* — с сожалением ответил Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. **Ведь согласитесь**, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(4) **Ведь вспомните**, мы сроду укуской ели (В. Чивилихин, Елки-моталки).

(5) **Ведь подумай**, к чему все это может привести! (из к/ф «Трое против всех»).

(6) *Не слабеют ни руки, ни ноги твои,
Хоть известны мне многие муки твои.*

Ведь подумай: ходил по таким ты дорогам,

По таким ты оврагам бродил и отрогам,

Где, как кровь, солона и багряна роса... (Л. Мартынов, В эту душную ночь я беседовал с богом).

Во всех случаях после призыва к вниманию, к какой-либо умственной деятельности следует пояснительное высказывание. При этом *ведь* в таких высказываниях легко можно переставить в пояснительную часть (напр., *Ты пойми, ведь какая-нибудь свиная отбивная...*). Таким образом, *ведь* действует в данном случае на весь аргументативный блок высказывания.

Кроме того, собранный нами языковой материал свидетельствует в пользу вывода о том, что синтаксические конструкции, состоящие из двух предикативных единиц, первая часть которой собственно императив, а вторая часть является пояснительной конструкцией (индикатив с *ведь*), более частотны. Следует отметить, что служебное слово *ведь* в этих случаях приобретает уже союзную функцию и маркирует причинно-следственные отношения:

(7) *Давай сюда, сюда! Погляди, я ведь не расстелил парашюта* (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене).

(8) *А вы одна из очень немногих женщин в Москве с огромным вкусом. Гляньте, ведь это прелесть* (М. Булгаков, Зойкина квартира).

(9) — **Поймите же**, — заговорил хозяин примирительным тоном, — **ведь я не могу на это согласиться** (Е. Замятин, На куличках).

(10) *(о еде) Оставь / ведь второе будет //* (Русская разговорная речь: тексты).

(11) *Закрой окно, сквозняк ведь* (из живой речи).

Другая возможная реализация повелительного наклонения с *ведь* — это использование формы повелительного наклонения в значении условного (см.: Глава 3, § 4).

Может возникнуть вопрос, почему частица *ведь*, которая в некоторых контекстах выступает в качестве синонима *же* (сравните: *Я ведь / же как лучше хотел*), не может функционировать так же свободно, как и *же*, в

императивных конструкциях (напр., *Пойдем же* / * *Пойдем ведь*). Связано это прежде всего с тем, что в языке не существует абсолютных синонимов. Две синонимичные лексемы для успешного сосуществования в системе языка должны иметь наряду со сходством некоторые различия. Синонимия частиц проявляется в схожести их семантики в определенных контекстах, но не во всех. Каждая частица имеет индивидуальные семантические и синтаксические свойства, что отражается на способности участвовать в одних контекстах и не функционировать в других. По нашим наблюдениям, а также наблюдениям ряда ученых [Дискурсивные слова 1998: 431; McCoу 2001: 292] *ведь* вводится в предложение для правильной интерпретации ситуации адресатом речи. И в этом *ведь* и *же* пересекаются, поскольку инвариантное значение *же* в том, что «говорящий использует *же*, когда предполагает, что партнер может выйти за пределы актуализованной зоны» [Дискурсивные слова 1998: 406]. Таким образом, *же* помогает построить правильное поведение или знание. В. С. Храковский и А. П. Володин приводят следующее описание значения *же* с императивом: «говорящий напоминает слушающему, что он ожидает от него выполнения действия, причем говорящий полагает, что слушающий знает, что он должен выполнять действие, и ситуация, создавшая прецедент ожидания, возникла до момента речи» [Храковский, Володин 1986: 192], т.е. употребление *же* связано с повторной каузацией. Кроме того, *же* «выражает большую настойчивость побуждения» [Vasilyeva 1993: 43]. По этому параметру значения *же* и *ведь* отличаются. В значении слова *ведь* не содержится идеи повторной каузации в императиве, *ведь* не указывает на большую интенсивность в реализации коммуникативных заданий. Это и приводит к тому, что ее употребление не характерно для императивных конструкций, имеющих семантику требования, мольбы и т.д.

Другое различие этих двух частиц удалось показать С. Маккой. Она приходит к выводу, что частица *же* употребляется в речи преимущественно для активизации у собеседника недавно полученной информации, а использование *ведь* характерно для активизации информации, полученной в отдаленный промежуток времени [McCoу 2001: 334]. Т.е. при употреблении частиц *ведь* и *же* субъект речи учитывает временную удаленность активизированной информации в момент коммуникации. Так как императив всегда тесно связан с настоящим моментом (важна немедленная реализация действия), то повторное требование не отстоит далеко от первого. Для наглядности проведем эксперимент. Возьмем предложение, состоящее из двух предикативных единиц: *Я гибну, спаси меня*. Первая предикативная единица представлена индикативом, а вторая — императивом.

- 12 а) *Я гибну, спаси же меня.*
- б) **Я гибну, спаси ведь меня.*
- в) *Я же гибну, спаси меня.*
- г) *Я ведь гибну, спаси меня.*
- д) *Я ведь гибну, спаси же меня.*
- е) * *Я же гибну, спаси ведь меня.*

Поочередно поставив частицы сначала в императивную часть, а затем в индикатив и, наконец, обе частицы в разные части высказывания, замечаем, что в случае, когда *ведь* находится в императивной части (12б, 12е) предложение воспринимается носителем языка как несколько странное,

неверное. В случае же расположения *ведь* в индикативной части (12г, 12д) все высказывание воспринимается как нормальное, употребимое. Возможность употребления *ведь* в первой части высказывания связана с пояснительным характером этой части, в контекстах пояснения *ведь* широко употребима. Служебное слово *же* может быть использовано как в императиве (12а, 12д), так и в индикативе (12в) во всех приведенных примерах.

Частица *же*, находящаяся в императивной части, усиливает побуждение к действию, тем самым говорящий выражает требование в более настойчивой форме. Несмотря на то, что требование, вероятно, вводится впервые, частица указывает на мнение говорящего, что второй участник коммуникации и сам мог бы прийти к такому же выводу.

Следовательно, неупотребительность частицы *ведь* в императивных высказываниях определяется семантикой этой частицы.

Таким образом, на основе приведенного в этом параграфе материала можно сделать вывод о том, что императивные высказывания с *ведь* стоят на периферии функционирования русского императива.

Результаты рассмотрения языкового материала в главе 2, § 2–4 мы оформили в виде таблицы. Звездочка указывает на существование ограничений в употреблении *ведь*:

Таблица 2.

Тип предложения по цели высказывания		Возможность/невозможность употребления частицы <i>ведь</i>
Повествовательное		+
Вопрос	с вопросительными словами	*+
	без вопросительных слов	+
Побудительное		*+

На основе этой таблицы можно сделать итоговый вывод о том, что *ведь* активно используется в повествовательных предложениях, а также в одном из типов вопросительных предложений — в вопросе без вопросительных слов. В побудительных высказываниях *ведь* встречается редко и только при ментальных глаголах. Следовательно, *ведь* является утвердительной частицей русского языка, которая принадлежит прежде всего к реактивным и информативным регистрам и не принадлежит к волюнтативным.

2.5. Высказывания с *ведь* как способ воздействия на собеседника

Представление о том, что беседа или разговор является не хаотичным, а упорядоченным явлением, отразилось в многочисленных работах по исследованию речевого общения. Определение принципов этой упорядоченности, механизмов диалогического взаимодействия до сих пор не является решенной задачей в современном языкознании. Значимым для анализа диалога оказывается понятие коммуникативной стратегии, под которой имеют в виду «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2002: 54], иначе говоря, стратегия исходит из

желания участника коммуникации каким-либо образом воздействовать на собеседника, контролировать ход беседы. Заметим, что в русистике активно изучаются коммуникативные стратегии говорящих, совершающих речевые акты — задающих вопросы, обращающихся к окружающим с просьбами, командами и т.д.

Сразу хочется отметить, что этот параграф содержит только определенные дополнения к рассмотрению коммуникативных тактик высказываний с *ведь*, поскольку данная тема уже в той или иной степени отражалась в предыдущих частях работы при рассмотрении функционирования *ведь* в повествовательных, вопросительных, побудительных высказываниях. Цель же этой части — несколько подробнее остановиться на возможности использования *ведь* в тех или иных диалогических контекстах.

Частица *ведь* относится к числу частиц, которые активно участвуют в диалоге. Об этом свидетельствует и ее ориентация на контекст, и использование в таких ситуациях, в которых характерно наличие нескольких точек зрения. При этом с помощью частицы *ведь* могут оформляться как эксплицитные, так и имплицитные смыслы высказывания. По мнению Е. Г. Борисовой, «именно в диалогической речи с наибольшей отчетливостью обнаруживается важнейшее свойство ИС (имплицитных смыслов) — их диалогенность т.е. способность речестимулирования, речепорождения», эти смысловые элементы воспринимаются, интерпретируются слушающим и вызывают его ответную реакцию [Имплицитность в языке и речи 1999: 88]. Имплицитные и эксплицитные смыслы задают свой круг речевых реакций, некоторые из которых могут совпадать. Е. Г. Борисова приводит в качестве иллюстрации 2 высказывания с *ведь*, в одном из которых информация «Он студент» выражена эксплицитно (1), а в другом имплицитно (2), и дает варианты возможных ответов для каждого из них:

(1) *Саша ведь студент.* — *Да, он студент / Нет, он не студент / Разве он студент? / Как студент? Он же работает / Какой он студент? Он еще школьник / Никакой он не студент.*

(2) *Саша ведь учится в университете.* — *Да, он студент / Разве он студент? / *Как студент? /* Какой он студент? /* Никакой он не студент [там же: 90].*

Как видно из примеров, приведенных Е. Г. Борисовой, вариативность при реагировании на имплицитный смысл оказывается более ограниченной. Однако *ведь* в этих случаях не участвует в выражении имплицитного или эксплицитного смысла, ее наличие в приведенном примере факультативно. В нашу задачу не входило выявление всех возможных реакций на исходную реплику. Мы хотели лишь показать, что существует довольно большой (но все-таки ограниченный) выбор возможностей реагирования на ту или иную реплику, и, далее, обратить внимание на то, что говорящий реагирует на ответную реплику в соответствии с выбранной им стратегией поведения, учитывая либо не учитывая желания и намерения собеседника. Распознаванию намерений могут служить «почти что неуловимые маркеры на «поверхности» речи: частицы, коннективы, колебания, повторы» [Иссерс 2002: 132]. Итак, как же реализует себя эта частица в диалоге и какие стратегии и тактики выбирает участник коммуникации?

Как показывает собранный нами иллюстративный материал, выразить свое мнение, представить информацию более аргументированно, повлиять на точку

зрения собеседника можно по-разному. Одна из таких коммуникативных тактик, которая нередко реализуется в вопросительных высказываниях с *правда ведь*, — это призыв в союзники.

(3) — *Я пошутил. — Колотилин все еще стоял над Евксентьевским. — Слышь, неужели ты шуток не понимаешь? Родион, правда ведь, он совсем шуток не понимает? — Родион пожал плечами, кивнул Пине, и они ушли наверх смотреть полосу* (В. Чивилихин, Елки-моталки).

(4) — *Орел ты, Гриша! Правда ведь, дядя Федя, орел? — Да еще какой! — отозвался Неелов* (В. Чивилихин, Елки-моталки).

Тем самым говорящий демонстрирует, что его точки зрения придерживается несколько человек.

Другая коммуникативная стратегия представления своей информации как единственно верной — это ссылка на авторитет, особенно на общепризнанный авторитет, поскольку оспаривать такие высказывания сложнее. Действительно, далее, как правило, следует реплика собеседника, выражающая согласие:

(5) А. ...*Совсем теперь не играю // уж вероятно около года // И некогда / да и после такой детренированности / уже удовольствия это не доставляет*

Б. Да

А. *Скорее огорчения // Ведь Рубинштейн говорил / что если он день не поиграет / заметит он сам / если два не поиграет / заметит его сестра / а если он три дня не поиграет / не позанимается / заметит публика // Так что уже тут после этого говорить //*

Б. Да (Русская разговорная речь: тексты).

Если подобного мнения об игре на музыкальном инструменте придерживался такой всемирно известный исполнитель, как Рубинштейн, то с этим, с точки зрения говорящего, просто невозможно спорить.

В ситуации уговора говорящий в качестве убеждения может использовать тактику «делай как я», т.е. указать на то, что оба участника находятся в одинаковом положении. Обычно это просьба отправителя сообщения следовать его примеру, как наиболее правильному. Таким образом, говорящий пытается повлиять на поведение другого участника коммуникации.

(6) Татьяна: *Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это! Петр... Уйди!.. или — молчи! Я ведь вот — молчу!* (М. Горький, Мещане).

(7) ... *И тогда все, все расскажу. Потерпите. Ведь я-то терплю* (В. Ерофеев, Москва-Петушки).

Другой возможный случай попытки влияния на поведение собеседника — это указание на какой-либо факт (ситуацию), который второй участник коммуникации должен был бы понимать или знать, но не понимает / не знает. Это стратегия напоминания об особо значимом для говорящего факте, действии.

(8) — *Ты идешь? **Ведь** я жду!*
— *Бегу уже* (из живой речи).

(9) — *Зачем ты ему все рассказал! **Предаст ведь!***

Имплицитная информация в примере (8), заложенная в высказывании первого участника: «Поторопись!» Второй участник коммуникации понимает свой проступок, поэтому отвечает, несколько преувеличивая интенсивность своего действия (не просто иду, а бегу). Как мы видим, в последних примерах реализуются уже причинно-следственные отношения, иначе говоря, высказывания можно трансформировать следующим образом: «т.к. я молчу, ты тоже можешь помолчать; я терплю, поэтому вы тоже потерпите; я тебя жду, поэтому ты должен был бы уже идти; зря ты ему все рассказал, потому что предаст».

Очень часто в целях убеждения собеседника говорящий вызывает к разуму слушателя. О. С. Иссерс отмечает, что апелляция к разуму нередко включает маркеры, «указывающие на очевидность аргумента и объективность аргументатора» [Иссерс 2002: 154]. Такими маркерами, по его мнению, являются следующие лексемы: *действительно, понятно, ясно, ведь* и др. [там же]. Поясним высказанный тезис примерами:

(10) (рассказывается о поездке в Москву). *В общем времени у нас там совсем не было. **Сам ведь посуди:** то туда сходить надо, то сюда....* (из живой речи).

(11) — *Увы!* — *с сожалением ответил Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. **Ведь согласитесь,** что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

При уговаривании может быть использована стратегия указания на неизбежность, подчеркивается какой-либо очевидный всем факт, который рано или поздно будет иметь место:

(12) — *Зачем я буду объяснять вам мои поступки?*
— *Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Все равно ты умрешь **ведь**.... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы останемся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...* (М. Горький, Старуха Изергиль).

Выражая свое мнение, говорящий может использовать несколько стратегий. Например, апелляция к разуму + апелляция к каким-либо качествам, характеристикам партнера. В таких высказываниях *ведь* нередко используется в каждом из приводимых доводов. Например:

(13) Савва: *Послушай, я **ведь** понимаю... Конечно, при людях... Но ты **ведь** понимаешь, Кондратий, — ты **ведь** умный, очень умный, — что это чепуха. Подумай, брат, подумай. Ведь икону вынесли — какое же тут чудо?* (Л. Андреев, Савва).

Если выделить смысловую цепочку доводов, увидим: «я *ведь* понимаю — ты *ведь* понимаешь — ты *ведь* умный — это чепуха». В приведенной

иллюстрации субъект речи желает представить свои доводы как очевидные, для чего апеллирует к разуму и к такому положительному качеству собеседника как ум. Таким образом, говорящий также дает оценку умственных способностей собеседника: «такой умный человек не может не понимать того, что я говорю».

Следовательно, в выражениях с *ведь* говорящий воздействует на собеседника разными способами, среди которых наиболее частотные — обращение к разуму собеседника, к его способностям, ссылка на авторитет или призыв в союзники. С помощью *ведь* собеседнику дается возможность построить правильное знание или выбрать правильное поведение.

2.6. Особенности функционирования сочетаний частицы *ведь* с другими частицами

В научной литературе обычно констатируется факт, что частицы обладают способностью сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложении легко возникают и легко распадаются [Шапиро 1953; РГ 1982; Виноградов 1986; Николаева 1985; Богданов 1997; и др.]. При этом значение таких частиц объясняется, как правило, либо как сочетание значений одной и другой частицы, либо как усиление второй частицей значения первой, особенно, если вторая частица имеет выделительно-усилительный характер [Шапиро 1953: 278].

Собранный нами материал указывает на то, что наиболее употребимыми сочетаниями с частицей *ведь* являются *ведь... же (же ведь), то ведь, ведь даже, ведь и, ведь только, вот ведь (ведь вот)* и др. Возможны и более сложные сочетания частиц, например; *ну вот ведь, ведь только и* и др.

Необходимо отметить, что наличие нескольких частиц в одной предикативной единице характерно прежде всего для разговорной речи, и следовательно — в литературных текстах, имитирующих разговорную речь. Связано это с тем, что сочетания частиц «более экспрессивно выражают различные оттенки основного значения высказывания» [Грамматика русского языка 1960, I: 647].

Рассмотрим конкретные случаи сочетания частиц. Среди возможных сочетаний частиц с *ведь*, наиболее частотными следует признать *ведь... же (же ведь)*. Оба дискурсивных слова относятся в различных классификациях частиц, как правило, к одному и тому же разряду: либо в разряд усилительных частиц [Щерба 1951: 198; Шанский, Тихонов: 1987: 245], либо в разряд модальных частиц [РГ 1982, I: 728], либо в разряд эмоционально-экспрессивных [Галкина-Федорук 1964: 235]. Кроме того, лингвистами отмечается синонимия частиц *ведь* и *же* в определенных контекстах [Николаева 1985: 8; Киселев 1982: 128; Дискурсивные слова 1998: 449]. При употреблении этих партикул в одной предикативной единице между лексемами наблюдается распределение функций: частица *ведь* относится ко всей ситуации, а партикула *же*, сочетаясь с какой-либо частью речи, «логически подчеркивает это слово и усиливает его смысловую, эмоциональную и модальную выразительность» [Киселев 1982: 129]. При этом возможны два варианта расположения частиц: а) *же* предшествует *ведь*; б) *ведь* предшествует *же*. В последнем случае частицы находятся в дистантном расположении: *ведь* начинает собой высказывание, а *же* занимает позицию после выделяемого ею слова. Отметим, что в

зависимости от расположения этих частиц различается и просодия их употреблений: постпозиция *ведь* относительно *же* свидетельствует о быстром и нечетком произношении этой лексемы, а партикула *же* в таких высказываниях имеет, наоборот, ясное и четкое произношение. В ситуациях, когда *ведь* начинает собою высказывание, это слово имеет более громкое и отчетливое произношение, чем в первом случае. Приведем примеры:

(1) — *Я прошу вас! — слышалось сквозь рыдания. — Вы же ведь разорили и погубили мужа, спасите его...* (А. Чехов, Хористка).

(2) — *Только вы поскорее пришлите мне дело, я же ведь не знаю* (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

(3) *После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить, как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, — дом пустеет* (М. Влади, Владимир, или Прерванный полет).

(4) *Как все ужасно, как все стыдно. Если правда — директору, так ведь это же... Ну, его хоть, по крайней мере, так — босого — не запрут* (Е. Замятин, Апрель).

(5) — *Ах ты, господи, — уныло воскликнул Филипп Филиппович, — встречаются спрашивают... — Воображаю, что вы им говорите. Ведь я же вам запрещал шляться по лестницам* (М. Булгаков, Собачье сердце).

Сочетание двух частиц *ведь* и *же* делает высказывание убедительным. В таких предложениях, по мнению К. Бонно и С. В. Кодзасова, происходит своеобразное «распределение труда» *ведь* выполняет аргументативную, а *же* — усилительную функцию. Причем в подобных случаях намечается «переход от защитной полемики к агрессии» [Дискурсивные слова 1997: 415]. Действительно, в этих предложениях имеет место большая напористость, но, вероятно, не всегда представляется возможным говорить об агрессивном характере таких высказываний, поскольку они могут носить и просто объяснительную функцию. Следует отметить, что огромную роль здесь играет интонация и лексико-грамматическое наполнение. Так, например, в иллюстрациях (2, 3) вряд ли выражается какая-либо агрессия. В последнем же примере (5), напротив, ситуация связана с проявлением некоторой агрессии, что выясняется из лексико-грамматического наполнения, поскольку в предложении говорится о неподчинении приказу, нарушении запрета.

Другое частотное сочетание усилительных частиц — *-то ведь*. Частица *-то*, как и *же*, всегда расположена после слова, которое выделяет. При участии частицы *-то* в высказывании возникает импликация: «обрати особое внимание на данный предмет речи» и «к другому сказанное отнесено быть не может» [Имплицитность в языке речи 1999: 38, 77]. Кроме того, частица *-то* активизирует, по мнению исследователей, уже известную для говорящего информацию [McCoу 2001: 118]. Таким образом, сочетание частиц *-то* и *ведь* в одной предикативной единице связано с желанием говорящего преподнести свою мысль убедительно, эмоционально, указать на очевидность высказываемого.

(6) — *Ой, слушай, а мы с тобой вчера-то ведь к Андрею так и не зашли* (из живой речи).

(7) — *Да, погиб, погиб, но мы-то ведь живы* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(8) — *Кстати, Сергей-то ведь пошел к врачу* (из живой речи).

В данной работе мы лишь затронули проблему сочетания частиц *то ведь, же ведь* (*ведь...же*). Конечно, функционирование партикул *-то, же* и *ведь* как в отдельности, так и их сочетаний требует своего дальнейшего изучения, так как до сих пор до конца не выяснены сходства и различия функционирования этих частиц в определенных контекстах: все они пригодны для выражения усиления, подчеркивания смысла, выражения причинного значения [Борисова 1999: 72].

В русском языке можно встретить и сочетание партикул *ведь даже* (*даже ведь*) в одной предикативной единице. В таких высказываниях каждая частица выполняет свою функцию. *Ведь* усилительную, а *даже* выделительную. Значение частицы *даже* И. М. Богуславский определяет следующим образом: «семантическая задача, решаемая частицей *даже*, состоит, говоря огрубленно, в том, чтобы указать на расхождение между реальным положением вещей, касающимся некоторого выделяемого объекта Q и его свойства P, и тем, которое можно было бы ожидать» [Богуславский 1996: 306–307]. В приведенном нами примере (9) описание действительного положения дел можно представить как: *сейчас перевод Холодковского считают приятнее, чем многие более поздние*. Выделяемый объект Q (*сейчас*) обладает свойством P (*перевод Холодковского считают более приятным*), а ожидаемое — *можно было бы с бóльшим основанием ожидать того, что более поздние переводы будут лучше перевода Холодковского, чем того, что его перевод останется лучшим*. *Ведь* указывает на очевидность приводимых доводов, которые разделяются обоими участниками коммуникации.

(9) А. ...И с другой стороны один из лучших переводчиков «Фауста» // *Сейчас даже ведь его (Холодковского) перевод*

Б. Да //

А. *считают приятнее*

Б. *Конечно*

А. *чем многие более поздние* // *Чем фетовский перевод «Фауста»* (Русская разговорная речь: тексты).

Комплексное сочетание усилительных частиц *ведь и* приводит к большей аргументированности высказывания. Отметим, что при сочетании этих двух лексем частица *ведь* приобретает уже связующую функцию, так как находится обычно на стыке двух предложений.

(10) *Вот так именно и было. Жили, любили, деток рожали и больше ни о чем не думали. Это мы теперь за них что-то придумываем, а они просто жили, да и все тут. Ведь и я тоже живу сейчас и все* (Ю. Домбровский).

(11) — *Так что же вы? **Ведь** и я с вами!* — всполохнулся Липутин, вскочил и побежал вслед за Алексеем Нилычем (Ф. Достоевский, Бесы).

Одна из разновидностей оценочных конструкций может быть представлена предложениями с соединением частиц *вот ведь*. Частица *вот* в зависимости от контекста выступает либо как указательная, либо как усилительная частица. Общее значение частицы *вот* «указание на какое-либо содержание» [Борисова 1999: 78–79]. Выступая в сочетании с частицей *ведь*, частица *вот* теряет, как правило, свое указательное значение и переходит в группу эмоционально-экспрессивных (12) или усилительных частиц (13, 14), т.е. сочетание *вот ведь* (*ведь вот*) привлекает внимание не к объекту действительности (что характерно для указательной частицы), а относится к фрагменту высказывания.

(12) *Анатолий взобрался на прибрежный камень. Говорил печально:
— Нет не ловится; **ведь вот** какая незадача!* (Ф. Сологуб, Тяжелые сны).

(13) *Ну его хоть по крайней мере так — босого не запрут. **Вот ведь** не зря он говорил о неравноправии девочек с мужчинами...* (Е. Замятин, Апрель).

(14) *И лошадей позагоняли, и ямщиков перемучили, и сами чуть не подошли, а все же добрались, **вот ведь** какое дело* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Частица *ведь* свободно сочетается и с другими частицами, например, с выделительной частицей *просто*, в значении которой заложена сема обычности, элементарности, естественности предметов, признаков, явлений, действий и т.д. [Карасева 2003: 139].

(15) — *Да почти ничего... Я **ведь просто** еду в Петушки, к любимой девушке (ха-ха! К «любимой девушке») — гостинцев вот купил...* (В. Ерофеев, Москва-Петушки).

Частица *ведь* может сочетаться и с выделительно-ограничительной частицей *только*:

(16) — *Продолжайте о фон Лембке, если и в самом деле есть что сказать, и кончите когда-нибудь, прошу вас; я устала.
— Еп ип тот, я **только ведь** хотел сказать, что это один из тех начинающих в сорок лет администраторов, которые до сорока лет прозябают в ничтожестве и потом вдруг выходят в люди посредством внезапно приобретенной супруге* (Ф. Достоевский, Бесы).

В данном примере частица *только* указывает на то, что у говорящего было единственное намерение сообщить определенную новость, т.е. *только* выражает выделительно-ограничительное значение, а *ведь* усиливает значение оправдания, которое выявляется из лексико-грамматического наполнения частей. Кроме того, сочетание этих двух частиц усиливает экспрессию высказывания.

Возможны и более сложные сочетания частиц: *ведь только и, вот ведь как и* др.

(17) *Понятно, почему Раскольников раздражается: хотя у него самого диалектика, на которую он ведь только и рассчитывает, «отточена как бритва», он чувствует, что у Свидригайлова, которого презирает, как заведомого «мерзавца», она, пожалуй, еще острее* (Д. Мережковский, Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники).

В примере (17) сочетаются три частицы, две из которых усилительных (*ведь, и*) и одна выделительно-ограничительная (*только*). Это комплексное сочетание трех частиц, каждая из которых выполняет свою функцию, но весь этот комплекс работает на усиление выразительности высказывания.

Приведем еще одно сложное сочетание частиц в одной предикативной единице:

(18) — *Что ты об этом думаешь?*

— *Ну... я не знаю, вот ведь как бывает-то, а?* (из к/ф «Любительница частного сыска»).

Ответная реплика состоит из сочетания нескольких частиц. Каждая частица в ответе выполняет свою коммуникативную задачу. Модальная частица *ну* указывает на некоторое затруднение, возникающее при вербализации ответа, это затруднение подтверждается и последующим высказыванием, оформляющимся с помощью отрицательной частицы *не* и глагола *знать*, далее мнение собеседника выражается целым рядом частиц *вот ведь как ... -то*, с помощью которых говорящий выражает свое удивление по поводу только что услышанного, а затем апеллирует к мнению собеседника с помощью частицы *а*.

Таким образом, представленная картина возможностей употребления частицы *ведь* с другими частицами указывает на ее широкую сочетаемость с разными по своей семантике частицами. Однако рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что частица *ведь* сочетается преимущественно с усилительными и выделительно-ограничительными частицами.

Итак, сочетания частиц делают речь более выразительной, эмоциональной. Они служат для выражения определенных коммуникативных задач. Широкое употребление частиц и их сочетаний составляет характерную черту разговорной речи, что связано с их диалогичностью, экспрессивностью, непринужденностью и неподготовленностью [Земская 1979: 88]. Сочетаясь, частицы реализуют каждая свое значение, а иногда приобретают новое значение, нехарактерное для каждой частицы в отдельности.

Подведем итоги. Анализ употребления *ведь* с учетом классификации предложений по цели высказывания показывает, что наиболее типичным следует признать её употребление в повествовательных предложениях. Использование *ведь* в побудительных предложениях имеет ограничения в употреблении: эта частица в императиве встречается лишь с классом ментальных глаголов. Редкое употребление *ведь* в собственно императивных конструкциях вызвано, по видимому, той причиной, что её значение входит в противоречие с целью побудительных высказываний. Сказанное относится и к

собственно вопросительным предложениям, в структуре которых имеется вопросительное слово. Однако в собранном нами языковом материале представлены интонационно (а на письме — пунктуационно) оформленные вопросительные предложения с *ведь*, структурно сходные с повествовательными. В таких синтаксических единицах вместе с запросом об информации выражается уверенность в ответе, это своего рода вопросы-уточнения, т.е. вопросы находящиеся на периферии вопросительных конструкций. Исключение составляют риторические вопросы, в которых *ведь* может сочетаться с вопросительным словом, но в обязательной препозиции к нему. Возможность употребления *ведь* в риторических вопросах с вопросительными словами является возможным потому, что эти вопросы выступают в качестве аргумента, ответ на которые очевиден. Таким образом, слово *ведь* принадлежит к утвердительным частицам.

С точки зрения функционально-семантического аспекта, в синтаксической конструкции *ведь* относится ко всей ситуации в целом. Основное значение, реализуемое в высказываниях с *ведь*, уверенность говорящего в предмете речи. Однако общее значение частицы *ведь* может реализовываться по-разному в высказываниях, т.е. осложняться частным значением, но в высказываниях происходит «не столько изменение исходного смысла <...>, сколько достраивание смысла слова, его конкретизация за счет заполнения конкретными дискурсивными словами» [Дискурсивные слова 1998: 400]. В результате этого значение уверенности в высказываниях с *ведь* может осложняться и другими смыслами: возражения, оправдания, упрека и т.д.

В контекстах с *ведь* реализуются различные прагматические смыслы, но во всех них говорящий имеет целью убедить в чем-либо собеседника или повлиять каким-либо образом на него, так как вводимая информация позволяет либо выбрать правильное поведение, либо построить правильное знание. Достигается поставленная задача и с помощью указания на очевидность фактов.

Позиционные возможности *ведь* в предикативной единице широки, но не безграничны. Обычно частица *ведь* расположена в высказывании в начале или в середине предложения, а в конце встречается довольно редко.

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *ВЕДЬ* В СОЮЗНОЙ ФУНКЦИИ

3.1. К вопросу о статусе лексемы *ведь* в функции союза

Вопрос о том, что граница между частицами и союзами нередко трудно определима, уже обсуждался в главе 1. Но в связи с анализом слова *ведь* в союзной функции необходимо остановиться на этой проблеме несколько подробнее.

Выход исследователей за пределы предложения привел к тому, что появилась возможность рассматривать частицы и с синтаксических позиций. Стало ясно, что говорить о несинтаксичности частиц «можно лишь в рамках простого предложения, в котором последние играют роль актуализаторов отдельных слов и словосочетаний» [Леденев 1982: 8]. Выяснилось и то, что если рассматривать функции усилительных, выделительных, ограничительных частиц в более широком контексте, то они обладают ярко выраженными синтаксическими функциями.

В то же время на данном этапе развития лингвистики до сих пор нет четких критериев отграничения частиц, способных выполнять союзную функцию, от союзов. Как правило, используются следующие приемы: 1) замена частицы союзом-синонимом; 2) сравнение конструкций, имеющих в своем составе частицу, с конструкциями, лишенными ее. Эти приемы могут показать, насколько значительна роль частицы в соединении предложений, однако ясного ответа на вопрос о том, переходит ли частица в том или ином случае в разряд союзов, не дают.

Связано это с тем, что многие частицы по своему значению и по своим функциям в определенных случаях не противостоят резко союзам, а совмещают в себе качества партикулы и союза. Соответственно, внутри одного класса частиц выделяются слова, совмещающие партикулярные функции с функциями союзов, в результате чего возникают новые гибридные образования, такие как частицы-союзы. В связи с огромным количеством лексем (не только партикул), способных в определенных условиях принимать на себя функцию союза, все активнее в научный оборот включаются такие лингвистические термины, как «союз-частица», «аналог союза», «функционал союза», «функционал частицы», «союзные сочетания», «союзные соединения» и некоторые другие [Черемисина, Колосова 1987]. Тем самым проявляется стремление ученых наиболее точно определить статус той или иной лексемы в определенных условиях ее употребления.

Однако в лингвистике существует два подхода к таким гибридным словам: одни исследователи стремятся наиболее четко дифференцировать возможности того или иного служебного слова, в результате чего и употребляются приведенные выше термины; другие же ограничиваются тем, что используют термин «скрепа» для обозначения различных показателей связи [Леденев 1982: 8–9]. Но предпочтителен, на наш взгляд, первый подход, поскольку наименования типа «частица-союз», «аналог союза», «функционал частицы» и др. точнее передают функциональные свойства обозначаемых ими слов, их гибридность, полифункциональность, синкретичность.

Как отмечалось в главе 1, § 3, способность лексемы *ведь* приобретать союзную функцию отмечается всеми исследователями. Но существуют разногласия в определении статуса данной лексемы. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова решают эту проблему по-своему: они говорят о том, что, несмотря на различия в номинации лексемы *ведь* в связующей функции («союз», «частица-союз», «полусоюз»), «участие слова *ведь* в организации сложного предложения признается всеми лингвистами, а значит, это скрепа» [Черемисина, Колосова 1987: 127–128]. Таким образом, вопрос о номинации частицы *ведь* в союзной функции зависит от взглядов того или иного ученого. Мы же предпочитаем термин «частица-союз», поскольку он, на наш взгляд, наиболее точно передает особенности функционирования лексемы *ведь*, о которых и пойдет речь далее.

Фактический материал позволяет утверждать, что смысловые отношения между предикативными единицами, в оформлении которых используется лексема *ведь*, уже заложены в лексико-семантическом наполнении предложений. Введение же лексемы *ведь* усиливает смысловые отношения, делает их более явными, очевидными, т.е. активизирует смысловые отношения между предикативными единицами, поэтому *ведь* рассматривается нами как частица-союз. Тем не менее мы понимаем, что подобный критерий не может быть основным в деле разграничения частиц-союзов и союзов, поскольку и в высказываниях со специализированными союзами в лексико-грамматическом наполнении нередко уже заложены определенные смысловые отношения, а союз их эксплицирует. В. Б. Евтюхин справедливо отмечает, что имеется определенное смысловое соответствие между частями «биситуативных структур обусловленности» [Евтюхин 1997: 16]. Так, для причинно-следственных отношений причина «плохо» порождает следствие «плохо», из «хорошо» следует «хорошо» [там же]. Однако частицы занимают промежуточное место: с одной стороны, они эксплицируют информацию об отношениях между предложениями, а с другой стороны, их понимание требует «значительных выводов слушающего» [Имплицитность в языке и речи 1999: 76]. Приведем пример:

(1) *Очевидно, в свое время кто-то мудрый, опытный, придерживающийся не слишком лестного мнения о людской природе, рассудил, что одного надзирающего и приглядывающего ока для беспокойной империи маловато. **Ведь** недаром и человекам Господь выделил не по одной зенице, а по две* (Б. Акунин, Статский советник).

(2) *Должно быть, я долго пробыл в отлучке, **потому что** в отряде подняли крик* (В. Арсеньев, По Уссурийскому краю).

В случае употребления союза *потому что* говорящий сразу маркирует тип смысловых отношений, если же автор высказывания использует *ведь*, то от собеседника требуется несколько большая вовлеченность в ситуацию, учитывается способность слушателя делать выводы на основании контекста, нередко необходимы какие-либо фоновые знания. Иначе говоря, использование того или иного средства связи, как и отмечается лингвистами, во многом зависит от коммуникативной ситуации [Борисова 1999; Всеволодова, Котвицкая 1999 и др.]

По мнению Т. П. Томиловой, частицы, которые функционируют в сложноподчиненном предложении, можно сгруппировать следующим образом:

- 1) частицы, не имеющие специализации в сложноподчиненном предложении, ведущие себя так же, как в простом; напр., частица *же*;
- 2) частицы, используемые в главной части сложноподчиненного предложения и выделяющие соотносительные слова; напр., *только*;
- 3) частицы, используемые в главной части и усиливающие соответствующее (условное, уступительное, целевое) значение слова; напр., *все-таки*;
- 4) частицы, непосредственно сопровождающие союз и изменяющие его грамматическое значение; напр., *даже*;
- 5) частицы, используемые непосредственно в качестве подчинительного союза [Томилова 1984: 89–90]. К этой группе относятся частицы *только, только лишь, лишь*, а также *ведь*.

Согласно мнению Т. П. Томиловой, «частицы последней группы выполняют собственно структурную роль и создают конструктивный каркас предложения, изъятие их оказывается невозможным» [там же: 91]. Однако наш анализ показал, что ситуация с опущением *ведь* проблематична. Возможность / невозможность элиминации *ведь* зависит от лексико-грамматического наполнения предикативных единиц сложного предложения: в одних случаях она воспринимается как нормальная (*Ничего, не тревожьтесь... сядьте там... Не подходите ко мне: **ведь** моя болезнь заразительная.* И. Тургенев, *Отцы и дети*), в других случаях опущение *ведь* действительно невозможно (*И какая она милая! Место в губернском городе обещано наверно. Славно они заживут — **ведь** они всегда были точно родные...* З. Гиппиус, *Мисс Май*). По нашим наблюдениям, в письменном тексте иногда на помощь приходит пунктуация, в частности оформление придаточного причины через двоеточие. Сравните:

(3а) *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца, **ведь** прошло так мало времени после его смерти* (Н. Евдокимов, *Страстная площадь*).

(3б) *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца: прошло так мало времени после его смерти.*

Причинный смысл последнего предложения без оформления через двоеточие оказывается затемненным. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изъятие частицы *ведь* из предложения не всегда оказывается возможным. И это, в свою очередь, подтверждает мысль о союзной функции частицы *ведь*. Но несмотря на конструктивную функцию в предложении в таких случаях, слово *ведь* не превращается в полноправный союз, хотя и максимально приближается к нему.

При анализе лексемы *ведь* в сложном предложении мы вынуждены были обратить внимание и на пунктуационное оформление *ведь*, т.е. на то, какой знак препинания: запятая, двоеточие, тире или точка с запятой — стоит перед придаточной частью, с тем чтобы охватить самые разные случаи использования слова *ведь*, тем более что русская пунктуация выполняет семантическую функцию. Как известно, при постпозиции придаточной части, выражающей причинные отношения с помощью союза *потому что*, обычно между главной и придаточной частью ставится запятая, употребление других знаков препинания перед причинным союзом *потому что* менее характерно. В то же время в предложениях с *ведь* пунктуация очень разнообразна.

Запятая перед *ведь*:

(4) *Чутье тупо подсказывало ей, что волчата в Бостоновой кошаре — больше им быть негде, **ведь** там скрылся похититель, за которым они гнались по пятам* (Ч. Айтматов, Плаха).

Двоеточие перед *ведь*:

(5) *Между тем романтическая эпоха пользовалась цитатами, как другие эпохи — словами естественного языка: **ведь** не будем же мы подозревать в неискренности человека, который в разговоре употребляет слова, уже употребленные до него другими людьми* (Ю. Лотман, Беседы о русской культуре).

Тире перед *ведь*:

(6) *И какая она милая! Место в губернском городе обещано наверно. Славно они заживут — **ведь** они всегда были точно родные...* (З. Гиппиус, Мисс Май).

Тире с запятой перед *ведь*:

(7) *Впрочем, Лансье охотно прощали его слабости, — **ведь** не так часто попадают хорошие люди, которые умеют принимать друзей* (И. Эренбург).

Точка с запятой перед *ведь*:

(8) *Обаяние обломовской атмосферы, образа жизни и привычек простиралось и на Верхлево; **ведь** оно тоже было некогда Обломовкой* (И. Гончаров, Обломов).

На основе пунктуации нельзя однозначно ответить на вопрос, какой частью речи в подобном предложении является лексема *ведь*: частицей или союзом. Можно только утверждать, что во всех случаях слово *ведь* делает причинные отношения между двумя частями предложения более очевидными. Пунктуационный критерий, на наш взгляд, косвенно свидетельствует в пользу вывода о том, что рассматриваемое нами слово *ведь* остается частицей и в том случае, когда осложняется конъюнктивным значением.

Кроме того, в русском языке частица *ведь* может использоваться и в сложных предложениях после причинного союза *потому что*:

(9) *По такому учению, значит, надо было добровольно вырвать из-под себя всю почву, на которой все стоят и которую все живут, и, следовательно, улетать все выше и выше в надзвездия, а там, разумеется, как-нибудь испариться, **потому что** **ведь** больше-то ничего не оставалось и делать* (Ф. Достоевский, Господин — бов и вопрос об искусстве).

В сложных предложениях после причинного союза *потому что* частица *ведь* является своего рода сигналом для слушающего, предупреждающим, что далее будет высказана важная, с точки зрения говорящего, мысль, последует обобщение или объяснение ситуации. В подобных предложениях специализированный союз констатирует само наличие той или иной связи между фактами, событиями, явлениями, указывает на логическую сторону восприятия. Лексема же *ведь* обладает экспрессивным зарядом, т.е. говорящий использует частицу с целью эмоционально убедить в своей правоте. В случае, когда союз *потому что* и частица *ведь* находятся в одной предикативной

единице, *ведь* выступает, как отмечает М. В. Ляпон, в роли прагматического корректора, а «ответственность» за каузальный характер связи несет союз *потому что*. И это подтверждает тот факт, что каузальная функция не является доминантной для *ведь*, так как, по наблюдениям названного исследователя, «каузальные релятивы не дублируют друг друга в рамках ближайшего контекста» [Ляпон 1986: 184]. В то же время, в случае четкости логических отношений между главной и придаточной частью, *ведь* оказывается способной принимать на себя функцию связи предикативных единиц. Однако взаимозаменяемость союза *потому что* и *ведь* в предложениях с причинными отношениями не абсолютна. Существует ряд контекстов, в которых может быть употреблена лишь одна из лексем.

3.1.1. Ограничения в употреблении *ведь* / *потому что* в предложениях с причинными отношениями

Обычно отмечается тот факт, что лексема *ведь* в функции союза прежде всего оформляет причинные отношения и при этом является синтаксическим синонимом союза *потому что*. В большинстве случаев такая замена производится свободно, но не всегда. Проведем лингвистический эксперимент, который заключается в следующем: главная часть предложения не изменяется, а в придаточную часть вводится разный субъект:

- (1а) *Я не мог приехать, потому что (=ведь) был ураган.*
- (1б) *Я не мог приехать, потому что (=ведь) у меня сломалась машина.*
- (1в) *Я не мог приехать, потому что (=ведь) было очень холодно.*
- (1г) *Я не мог приехать, потому что (≠ведь) заболел.*

Результаты эксперимента показывают, что при наличии в предикативных единицах сложного предложения двух разных субъектов (в примерах 1а и 1б в главной части предложения называется одушевленный (живой) субъект, в придаточной — неодушевленный (неживой); в примере 1в в первой части называется живой субъект, а придаточная часть представляет собой безличное предложение) возможна замена союза *потому что* на *ведь*. Если же подлежащее главной и придаточной части — один и тот же субъект, но при этом в придаточном предложении имеет место эллиipsis подлежащего, то *ведь* не используется (пример 1г). Однако в том случае, когда в придаточной части имя субъекта повторяется, то возможно и употребление *ведь*. Ср.: *Он не мог поехать, потому что / ведь он болел*. Таким образом, взаимозамена одной лексемы на другую не всегда возможна. Почему в случае эллиipsis в придаточной части (при действии одного и того же субъекта) не может быть использовано *ведь*? Ответ на этот кажущийся с первого взгляда сложным вопрос прост. Дело в том, что, как уже отмечалось, частицы в союзной функции используются только в случае четкости смысловых отношений между частями высказывания. В отличие от *ведь* союз *потому что* всегда маркирует наличие причинной связи между частями, а также в сознании говорящего сразу активизируются имена субъектов. При использовании частицы-союза *ведь* объяснение причины не является обязательным, так как выражение причинных отношений для этой лексемы — функция факультативная. В результате этого для предложений с *ведь* такое «держание» одного субъекта в поле зрения,

видимо, менее характерно. Кроме того, русский глагол обладает категорией лица только в форме настоящего или будущего времени изъявительного наклонения. Следовательно, в примере (1г) с *ведь* непонятно, кто именно заболел (я / ты / он заболел), иначе говоря, субъект не выражен четко. При употреблении союза *потому что* — в случае отсутствия четкого указания на субъект — говорящий автоматически связывает ситуацию с предшествующей и соотносит ее с тем субъектом, о котором идет речь в первой части. В предложениях с *ведь* этого не наблюдается. С этим и связано то, что в предложениях со сказуемым в форме прошедшего времени при выражении причинных отношений с помощью частицы *ведь* должны быть четко выражены субъекты. Заметим, что в предложениях со сказуемым в настоящем времени и с *ведь* во второй части субъект лексически может не называться (если речь идет об одном и том же действующем лице), т.к. информацию о лице передает глагол (ср.: *Я не могу приехать, ведь болею / Он не может приехать, ведь болеет*). В этом случае языковая корректность выражения не вызывает сомнения.

Другое отличие слова *ведь* от союза *потому что*, как показала Е. Г. Борисова, заключается в способности *ведь* оформлять причинно-следственные отношения не только между повествовательными, но и между вопросительным и повествовательным предложениями.

(2а) *Где мне найти объяснение нового материала, я ведь не был на прошлом уроке?* [пример из: Борисова 1993: 55].

(2б) * *Где мне найти объяснение нового материала, **потому что** я не был на прошлом уроке?*

(3а) *Зачем придуман целочисленный тип данных? Разве нельзя обойтись вещественными числами, **ведь** целые числа полностью входят в вещественный тип данных?* (Ю. Федоренко, Алгоритмы и программы на QBasic).

(3б) * *Зачем придуман целочисленный тип данных? Разве нельзя обойтись вещественными числами, **потому что** целые числа полностью входят в вещественный тип данных?*

В приведенных примерах невозможна замена слова *ведь* союзом *потому что*. Таким образом, в отличие от союзов, для частиц допустимо такое использование, когда в предложении отношения причины и следствия возникают между модальными рамками высказывания [Борисова 1993: 55]. Это наблюдение Е. Г. Борисовой представляется нам убедительным. Хотелось бы добавить, что в подобных высказываниях *ведь* используется с целью эмоционально убедить своего собеседника в чем-либо, а свойство эмоционального убеждения является характерной особенностью частиц.

Следует также сказать о том, что союзная частица *ведь* может варьировать свою позицию в составе присоединяемой части. В ходе анализа фактического материала было выявлено, что частица-союз *ведь* может находиться и в препозиции, и в интерпозиции в рамках предикативных единиц.

(4) — *Май, — шептал Андрей. — Не мучай меня больше. За что? Я так утомлён. Реши, согласишься, чтоб мы были муж и жена, ведь я тебя люблю...* (З. Гиппиус, Мисс Май).

(5) *Опять нахлебник у нас родился, кабы не он, ты бы задаром жил! А теперь ты нам никак не нужен — ты одна обуза, мамка тебя ведь не рожала, ты сам родился* (А. Платонов, Чевенгур).

(6) *Дома ходит она неряхою, с непричесанною головою, в запачканном, узеньком и коротком платьишке линючего ситца, в стоптанных башмаках, в грязных, спустившихся чулках: в деревне ведь кто же нас видит* (В. Белинский, Евгений Онегин).

Способность лексемы *ведь* перемещаться в предложении подтверждает мысль о том, что *ведь* является прежде всего частицей, так как место союза *потому что* фиксировано. Справедливости ради следует отметить, что в разговорной речи союз *потому что* может находиться и в интерпозиции второй предикативной единицы, однако такое положение союза воспринимается носителем языка как небрежное употребление [РГ 1982, II: 209].

С другой стороны, в русском языке есть лексемы, которые в зависимости от позиции слова являются союзом или частицей. Показательным в этом отношении является служебное слово *и*, которое приобретает функцию частицы-союза по мере продвижения в глубь предложения. В случае же соединения двух предикативных единиц или словосочетаний *и* выступает в синтаксической конструкции как союз, не осложненный какими-либо дополнительными значениями.

(7а) *В бане спят, и там живут.*

(7б) *В бане спят, там и живут* (пример из [Николаева 1985: 72]).

Тем самым позиция в предложении для определенных лексем играет немаловажную роль. Рассмотрим позицию лексемы *ведь* между предикативными единицами более подробно.

3.1.2. Позиция лексемы *ведь* с коммуникативно-прагматической точки зрения

В изучении позиционных возможностей союзной частицы *ведь* до последнего времени лингвисты ограничивались, как правило, констатацией факта ее расположения при союзной функции в начале (или, по крайней мере, ближе к началу) второй предикативной единицы, а в рассмотрении частицы *ведь* в рамках предложения сообщением о ее свободном размещении в высказывании. О позиции слова *ведь* в функции частицы уже говорилось в главе 2, § 1. В этой же части речь пойдет об определенных тенденциях расположения *ведь* в связующей функции в начале / середине второй предикативной единицы, в зависимости от коммуникативных задач говорящего. Впервые на коммуникативную сторону расположения слова *ведь* обратили внимание К. Бонно и С. В. Кодзасов [Дискурсивные слова 1998]. Представленная авторами книги «Дискурсивные слова» точка зрения

заключается в том, что *ведь*, находясь в начале второй части высказывания, вводит информацию как аргумент, в случае же интерпозиции *ведь* информация преподносится в качестве пояснения, объяснения ситуации. Высказанная этими исследователями мысль подтверждается и нашими данными. Инициальная позиция *ведь*, как правило, указывает на то, что последующая информация служит доказательством только что сказанного, а при постановке *ведь* в интерпозицию цель говорящего — пояснить предыдущую информацию, сделать ее более ясной. Сравните:

(1) *Затем у нее появились какие-то обязанности. Маруся заказывала афиши. Организовывала положительные рецензии в местных газетах. И даже вела бухгалтерию, что не требовало особого профессионализма. **Ведь** ей приходилось только складывать и умножать* (С. Довлатов, Иностранка).

(2) *Освоить QBasic должен, пожалуй, каждый программист, **ведь** он является самым распространенным языком программирования в мире* (Ю. Федоренко, Алгоритмы и программы на QBasic).

(4) *Политическая ситуация получается разная. Каждая страна **ведь** докладывает по-своему* (программа «Вести», 17/03/2004).

(5) *Вот теперь все сходится. Известно **ведь**, что между близнецами существует невидимая связь* (из к/ф «Любительница частного сыска Даша Васильева»).

Кроме того, наши наблюдения над языковым материалом свидетельствуют в пользу того мнения, что инициальная позиция *ведь* характерна в ситуациях, когда говорящему важно убедить собеседника в правильности какой-либо точки зрения, в случае выбора среди двух мнений, находящихся в ситуации конфликта, если говорящий изначально предполагает, что слушающий может иметь другое мнение, отличное от его. В случае же пояснительного *ведь* говорящий вводит лишь дополнительную информацию, и при этом он не считает, что мнение, которое им высказывается, может найти опровержение у слушателя.

Отметим также, что в устной речи аргументативное *ведь* отличается от пояснительного *ведь* и в просодическом плане: *ведь* аргументативное произносится более четко и громко по сравнению с *ведь* пояснительным [Дискурсивные слова 1998: 431].

Интересно, что в научных и публицистических текстах, по нашим наблюдениям, инициальная позиция преобладает. Вероятно, это связано с тем, что введение аргументативного *ведь* для таких текстов более уместно, т.к. нередко дается информация, которая предполагает несколько точек зрения, а основная интенция субъекта речи в этом случае — доказать правильность своих взглядов. Но встречается и интерпозиция, поскольку пояснение также занимает немаловажное место в научной литературе.

(6) *Итак, «хорошо (бы)» — знак желания, а «лучше (бы)» — знак воли. Первое сопоставляет наличие и отсутствие некоторой ситуации, **ведь** человек хочет того, чего нет, и недоволен тем, что есть; второе сопоставляет любые альтернативы...* (Н. Арутюнова, Типы языковых значений).

(7) *Все это отнюдь не является спецификой уровня абзацев, но наблюдается на всех значимых уровнях, кроме самого высокого — уровня текста. Возьмем, например, слова: здесь имеются и составные (сложные) слова, и структурно не завершённые слова (типа предлогов, союзов и т.п.), и содержательно не завершённые слова (типа местоимений, числительных, абстрактных существительных и т.д.). На основании этого **ведь** никто не станет говорить о «субъективности выделения слов». То же самое на уровне высказывания (Чан Нгок Тхем, Абзац как грамматико-семантическая сущность).*

Как уже отмечалось, инициальная позиция *ведь* частотна прежде всего в ситуациях, когда говорящий хочет повлиять каким-либо образом на поведение / мнение собеседника. т.е. выражается желание говорящего иметь контроль над собеседником.

(8) — *Что ж, опять молчание? — спросил он через минуту. — **Ведь** надо же о чем-нибудь разговаривать?* (Ф. Достоевский, Преступление и наказание).

Так, в примере (8), по мнению отправителя сообщения, поведение остальных участников коммуникации не соответствует правильному поведению в данной ситуации, поэтому он пытается каким-либо образом повлиять на ситуацию, указывая на «правильное» поведение.

Таким образом, позиция частицы *ведь* обусловлена коммуникативной задачей говорящего. Несмотря на то, что расположение лексемы *ведь* не меняет семантику высказывания, тем не менее есть определенные различия в употреблении *ведь* в высказываниях в инициальной позиции или в интерпозиции.

Итак, уточнив статус слова *ведь* в конъюнктивной функции на примере предложений, выражающих причинные отношения, обсудив вопрос о позиции *ведь* во второй предикативной единице, мы переходим к более подробному анализу интересующей нас частицы-союза в причинно-следственных, уступительных и условных предложениях.

3.2. Лексема *ведь* в предложениях с причинными отношениями

3.2.1. Позиция придаточной части с *ведь*

Сразу необходимо отметить, что в данном параграфе нас прежде всего интересовала позиция придаточной части с *ведь* в сложноподчиненном предложении, а также позиция автономной синтаксической конструкции с *ведь* в предложениях, отношения между которыми подобны главной и придаточной части в сложноподчиненном предложении. По мнению некоторых лингвистов, при оформлении причинных отношений между предикативными единицами придаточная часть с *ведь* всегда находится в постпозиции [Шапиро 1953: 246; Бабалова 1983: 105]. Действительно, наиболее частотная конструкция с рассматриваемой частицей-союзом — постпозиция придаточной части с *ведь*. Однако собранный нами материал позволяет утверждать, что придаточная часть с лексемой *ведь* в предложениях, выражающих причинные отношения, может находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции. Причем *ведь*

может соединять и части сложного предложения, и текстовые единства из автономных предикативных единиц, отношения между которыми подобны причинно-следственной связи в сложноподчиненном предложении. Иначе говоря, *ведь* может быть средством связи а) в сложном предложении, б) между простыми предложениями и даже в) между абзацами. Приведем примеры:

(1) *Что сдерживает обычно читателя? Многих отпугивает сложность аппарата, **ведь** общение с ним требует какой-то квалификации* (журнал «Наука и жизнь», № 10, 1998).

(2) *Я не помышляю убивать себя. **Ведь** мне живется спокойно* (З. Гиппиус, Лунные муравьи).

(3) *...Ввести такую сенсационную в смысле сюжетном главу <...> в отдельное издание, в то время как в только что напечатанном ее не было, — не значило ли это: сделать эту главу еще более выпуклой, привлечь к ней особое внимание.*

***Ведь** как понять самый-то факт: «Катков отказался печатать...»* (Д. Мережковский, Пророк русской революции).

Лексема *ведь* в приведенных высказываниях является средством связи и при этом очевидна взаимозаменяемость союза *потому что* и частицы-союза *ведь*. Но следует отметить, что при замене частицы союзом высказывание утрачивает определенную специфическую семантику, вносимую *ведь*, а именно: теряется значение очевидности сообщаемого для говорящего, так как частицу-союз *ведь* адресант использует с целью эмоционального убеждения в своей правоте, в то время как союз *потому что* традиционно считается одним из нейтральных союзов. Другое отличие заключается в том, что для союза *потому что* не характерно свойство начинать собою абзац, в то время как для *ведь* такая позиция довольно частотна.

По словам В. А. Колесникова, многие союзы в русском языке используются только внутри сложноподчиненного предложения, т.е. они не могут быть показателями синтаксических отношений между самостоятельными предложениями, а также между текстовыми единствами из автономных единиц. Но «отсутствие большей части причинных союзов в числе показателей причинно-следственных отношений между самостоятельными предложениями «компенсируется» другими, притом более многочисленными и разнообразными средствами» [Колесников 1975: 124]. И одним из таких средств, на наш взгляд, являются частицы-союзы, в частности *ведь*. В случае, когда слово *ведь* соединяет две автономные предикативные единицы (пример 2), связь между этими предикативными единицами менее тесная. При употреблении *ведь* в союзной функции между самостоятельными предложениями автор хочет подчеркнуть большую степень автономности, поэтому *ведь* так легко начинает предложение и при этом не воспринимается как парцеллят. Заметим также, что для союзов характерна не только способность выражать логическую связь между двумя соединяемыми отрезками, но и осуществлять объединение в одно целое двух однородных членов или двух предложений в сочетании с ритмомелодическими средствами, которые «всегда распределяются между объединяемыми единицами речи так, что при произнесении первой из этих единиц слушающий знает, что за ней последует вторая» [Шапиро 1953: 246]. При употреблении *ведь* такое

объединение ритмомелодическими средствами не наблюдается. И это позволяет говорить о том, что для лексемы *ведь* более характерно выражение не собственно-причинных отношений, а причинно-аргументирующих.

Пример (3) демонстрирует возможность участия частицы *ведь* не только в соединении отдельных предложений, но и в скреплении абзацев в одно синтаксическое целое. Другими словами, стоящая на границе двух абзацев лексема *ведь* соединяет не только два соседних предложения, но и является показателем связи между группами предложений, так как *ведь*, отсылая к ситуации первого отрывка, в то же время относится ко второй группе предложений сложного текста.

Между двумя абзацами, второй из которых начинается с частицы-союза *ведь*, возможны два способа распределения информации. В первом случае в базовом абзаце идет подробное описание чего-либо или рассуждение о чем-либо, а во втором абзаце с *ведь* заключен вывод, итог сказанному ранее, в предыдущем абзаце. Вероятно, выделение абзаца в этом случае связано с подчеркиванием важности сообщаемого. Подобный абзац с *ведь*, как правило, состоит из одного-двух небольших по объему предложений. Например:

(4) *...Позавчера, войдя в палату, Павел Петрович не мог бы себе представить, что так быстро почувствует себя в чем-то соединенным с этими людьми.*

Ведь о шее шла речь! У троих у них — о шее (А. Солженицын, Раковый корпус).

(5) *А с другой стороны все знали, что и Маракулин не прочь бы по доброте ли своей душевной или еще по какому качеству, по излишней ли доверчивости своей и воображению — любил ведь ладить с людьми! — да, сам он не прочь был временно, конечно, талон выдать и лицу, совсем не причастному ни к какому получению, ну ввиду каких-нибудь просьб особенных или стесненности приятеля, хоть бы тому же Александру Ивановичу!*

Ведь с Маракулиным что угодно можно было сделать! (А. Ремизов, Крестовые сестры).

Отметим также, что при подобных примерах стоит говорить не столько о причинно-следственных связях между предложениями, между сложными синтаксическими целыми, сколько о предложениях (сложных синтаксических целых), в которых вторая часть с *ведь* содержит обоснование, мотивировку.

Информация между двумя абзацами, второй из которых начинается с *ведь*, может распределяться и по-другому: в первом абзаце дается какое-либо утверждение, а во втором представлено подробное объяснение того, на каком основании было сделано утверждение. Причем в этом случае первый абзац, как правило, состоит из одного-двух предложений, а второй абзац с *ведь* более объемный:

(6) *Все это было гораздо сложнее, и более чуткие современники ощущали кровную связь Белого и со страной, в которой он жил, и с его эпохой.*

Ведь писала же мать Блока, А. А. Кублицкая-Пиоттук, своей сестре в Лугу 8 июля 1920 года: «Вчера я таки была на вечере Андрея Белого. И обошлось — припадка не было. Душенька (А. А. Блок — Л. Д.) тоже был. Боря читал прекрасно из Котика Летаева, из записок мечтателей, потом свои стихи. Он уезжает в Москву, потом надеется получить пропуск за границу. Дай ему Бог.

Но Россия останется без Андрея Белого» (Л. Долгополов, Андрей Белый и его роман «Петербург»).

Таким образом, в сложном синтаксическом целом, в котором *ведь* начинает собой абзац, принцип тематического единства, организующий содержание абзаца, уступает более общему текстовому принципу «выделять не только то, что "работает" на исчерпание микротемы, но и то, что "работает" на главную мысль текста» <выделено нами — Н. В.> [Дигмай 2002: 56].

В синтаксических конструкциях с *ведь* встречаются случаи, когда цепочка причинно-следственных связей надстраивается еще одним звеном:

(7) *Пусть ты не веришь в Христа, но если в тебе есть хоть капля благородства, ты должен уважать его, чтить его благородную память: **ведь** он же несчастен, **ведь** он же был распят — распят, Савва!* (Л. Андреев, Савва).

(8) *Да знаете ли вы, стихийный вы человек, за что Николай Артемьевич гневается на меня? **Ведь** я с ним сегодня целое утро провел у его немки; **ведь** мы сегодня втроем пели «Не отходи от меня»; вот бы вы послушали* (И. Тургенев, Накануне).

Говорящий считает необходимым каждый раз начинать фразу с *ведь*, с целью представить свое мнение более аргументированно.

Помимо перечисленных возможностей использования лексемы *ведь* в предложениях с постпозитивной придаточной частью, назовем еще одно: слово *ведь* дает возможность дистантного расположения частей, связанных причинно-следственными отношениями:

(9) *Спать на полатах прекращается. Понятно? Что за нахальство! **Ведь** вы мешаете* (М. Булгаков, Собачье сердце).

В приведенном примере предложения, связанные причинно-следственными отношениями: *Спать на полатах прекращается. **Ведь** вы мешаете*. Однако между этими двумя предложениями находятся еще два, одно из которых — вопрос (*Понятно?*), другое содержит эмоциональную оценку ситуации: возмущение (*Что за нахальство!*). Весь этот комплекс эмоционально насыщен. Использование союза *потому что* в данном случае менее уместно, а лексемы *ведь*, наоборот, более приемлемо.

Подобное распределение информации является очень типичным для сложных синтаксических целых с союзом-частицей *ведь*. В связи с этим приведем еще ряд примеров:

(10) — *Первый месяц все работают бесплатно. Это традиция. **Ведь** мы создаем новую фирму* (С. Довлатов, Иностранка).

(11) *«Данное» в целом тяготеет к такому компоненту ЛИС предложения, как «начало». Это понятно. **Ведь** начало отражает исходную точку маршрута движения через ситуацию, а в качестве исходной точки естественно выбирать те аспекты ситуации, которые уже активированы в данной ситуации общения* (И. Кобозева, Лингвистическая семантика).

(12) *Дмитрий Корлуков работает в Англии, Олег Сидоров — в Дании, Виталий Дмитриев — в Швеции. Не забывают они о театре, создали там свои театральные студии. Нина Попова рассказывает об этом с гордостью. И эта гордость понятна. Она оправданна. Ведь это уровень работы театра, уровень ее, Нины, воспитательной работы, режиссерского мастерства* (газета «Молодежь Эстонии», 12/03/2004).

На основании приведенного иллюстративного материала можно сделать вывод о том, что дистантное расположение частей встречается не только в разговорной, эмоционально-насыщенной речи, но и в научных текстах, публицистике в ситуациях рассуждения. В этих случаях говорящий также не только предоставляет какую-либо информацию, но и дает рациональную оценку сложившейся ситуации, поэтому и считает необходимыми вставные предложения типа: «Это понятно», «Она оправданна».

Перейдем к анализу придаточной части с *ведь* в интерпозиции. В этом случае можно говорить о вводных предложениях с *ведь*, в которых содержатся добавочные, попутные замечания к содержанию главного предложения. Так, авторы «Русской грамматики» отмечают, что вводная конструкция с *ведь* выполняет роль факультативной ремарки, оправдывающей (мотивирующей) само включение этого фрагмента в предшествующую информацию [РГ 1982, II: 579].

(13) *Когда незнакомец исчез в дверях ресторанчика, мы обернулись и увидели два силуэта, пересекавших туман; один толст и высок, выделяясь сложением, но лица не могли разобрать (ведь силуэты лиц не имеют); и все ж разглядели: распущенный зонт и калоши да полукотиковую шапку с наушниками* (А. Белый, Петербург).

(14) *Настроение у меня хорошее (ведь я как кошка — играю своим хвостом!), падает, только когда гипертония разгуливается* (И. Грекова, Хозяйка гостиницы).

По мнению В. М. Ковалевой, вставная конструкция не является необходимой с точки зрения структуры основного предложения, она не выводима, в то же время на коммуникативном уровне такая связь существенна, поскольку «во вставном компоненте заключается информация, оттеняющая основное предложение» [Ковалева 1982: 77]. Она также обращает внимание на то, что вставные конструкции могут выполнять разные функции в содержании всего предложения. Нередко вставные конструкции представляют собой добавочные, второстепенные сведения, по сравнению с основной частью высказывания (13, 14), однако в определенных ситуациях автор может придавать большое значение сведениям, заключенным во вставку, несмотря на их дополнительный характер (15) [Ковалева 1980: 66]. Так, в примере (15) говорящий попутно указывает, объясняет ту информацию во вставной части с *ведь*, которая с его точки зрения также является значимой для слушающего.

(15) *Естественно, если сравнивать ауру над кончиками пальцев и над запястьем, то над кончиками пальцев она оказывается более толстой. Причины этого описаны в моей статье: богатая сенсорная зона (ведь*

рецепторов в кончиках пальцев больше, чем в коже запястья) заставляет строить более выраженную проекцию (Д. Верещагин, К. Титов, Полный учебный курс школы навыков ДИЭР).

Таким образом, в подобных синтаксических конструкциях говорить о «чистых» причинно-следственных отношениях не представляется возможным. По мнению М. В. Всеволодовой и Е. Н. Виноградовой, в рассматриваемых нами предложениях причинный компонент переходит на позиции парентезы [Всеволодова, Виноградова 2001: 83]. Позиция парентезы позволяет в сложном предложении вернуться к квазипростому предложению, давая возможность автору решить определенную коммуникативную задачу: «вывести на первый план отношения предидирования в простом — следственном — предложении и рассматривать причинную ситуацию как менее значимую» [там же].

Придаточная часть с частицей-союзом *ведь* может находиться и в препозиции. Заметим, что препозиция придаточной части с *ведь* характерна прежде всего для разговорной речи. В случае препозиции придаточной части рассматриваемая нами лексема становится синтаксическим синонимом союза *так как*. В подобных конструкциях сначала говорится о причине, а затем о следствии:

(16) — *А знаете, князь, — сказал он совсем почти другим голосом, — **ведь** я вас все-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, может быть, захочет посмотреть на однофамильца, подождите, если у вас время терпит* (Ф. Достоевский, Идиот).

(17) Огудалова: *Как это вы вздумали (зайти)?*

Кнуров: *Брожу **ведь** я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.*

(18) *Все, в чем отказала ему судьба — уют, заботу, преданность, — он находил здесь. Не мрачную, жертвенную преданность, а светлую, веселую, мастером которой была Вера. «**Ведь** я эгоистка, — говорила она, — жертвовать собою не умею»* (И. Грекова, Хозяйка гостиницы).

(19) *Птеродактор: Как же вам не совестно? Из-за вашей нечестности редакция журнала «Родная речь» среди зимы осталась без крыши над головой. **Ведь** у нас уникальное издание, призванное оберегать чистоту русского языка. Оставьте нам хотя бы первый этаж!* (Б. Акунин, Зеркало Сен-Жермена).

Следовательно, можно говорить о том, что лексема *ведь* может быть связана не только с предшествующим высказыванием, но и с последующим.

Итак, мы показали все разнообразие позиционных возможностей частицы-союза *ведь*. Выяснилось, что частица-союз *ведь* активно принимает участие в соединении частей предложения, самостоятельных предложений, а также выступает в роли средств связи единиц более высокого уровня — абзаца. Способность *ведь* соединять текстовые единства из автономных предикативных единиц говорит в пользу вывода о том, что связь между частями в таких случаях более опосредованная, менее тесная, чем в предложениях с союзом *потому что*, на это указывает и возможность дистантного расположения причинно-следственных частей с *ведь*, а также

вставные конструкции с этим словом. Очень часто в таких единствах находят выражение не собственно причинные, а, скорее, объяснительные отношения.

3.2.2. Функционально-семантические и прагматические особенности предложений с *ведь*

По характеру смысловых отношений сложноподчиненные предложения с *ведь* в союзной функции, а также текстовые единства из автономных единиц, в которых отношения между предложениями подобны причинно-следственным отношениям в сложном предложении, имеют свои особенности. Для того, чтобы выявить эти особенности, нужно по возможности полно рассмотреть контексты, характерные для сложноподчиненных предложений с *ведь*, выяснить тип информации, передаваемый в этих синтаксических конструкциях, обратить внимание на их семантическое и прагматическое своеобразие.

Употребление *ведь* всегда предполагает наличие собеседника (как в диалоге, так и в монологе), мнение которого может совпадать с мнением автора, а может и не совпадать. Конечно, в письменной монологической речи нет говорящего и собеседника в условиях непосредственного речевого общения, тем не менее, и в монологе проявляется направленность на адресата. Для *ведь* это стремление повлиять на мнение адресата, желание представить свое сообщение как единственно верное, не подлежащее сомнению.

Прежде всего, остановимся на том, какую информацию вводят предложения с *ведь*, выражающие причинные отношения. Наблюдения над языковым материалом дают основания полагать, что для *ведь* характерно свойство вводить информацию, которая говорит в пользу данного ранее тезиса. Типичная ситуация для синтаксических конструкций с *ведь*: говорящий сообщает / напоминает о каком-либо значимом (с его точки зрения) факте, который собеседник, возможно, не учел, и в результате может сделать неверный вывод. Иначе говоря, субъект речи, используя предложения с *ведь*, исходит из того, что для правильного понимания ситуации адресатом необходимы некоторые дополнительные сведения. Таким образом, с одной стороны, вторая часть с *ведь* является дополнительной, факультативной, а с другой — она важна, так как помогает говорящему представить свою позицию более убедительно, аргументируя, объясняя свой тезис. Итак, *ведь* указывает на значимость вводимой информации с тем, чтобы устранить возможное рассогласование в интерпретации ситуации между говорящим и слушающим.

(1) — *Пойдем в магазин, ведь у нас закончились продукты* (Г. Змеенков, Дача).

(2) *Для зоолога, будь он русский, француз или американец, дробление страны не сулит ничего хорошего. Ведь природа не знает политических границ, а при разделе территории масса неповторимых ландшафтов и их обитателей оказывается за пределами досягаемости* (журнал «Наука и жизнь», № 10, 1998).

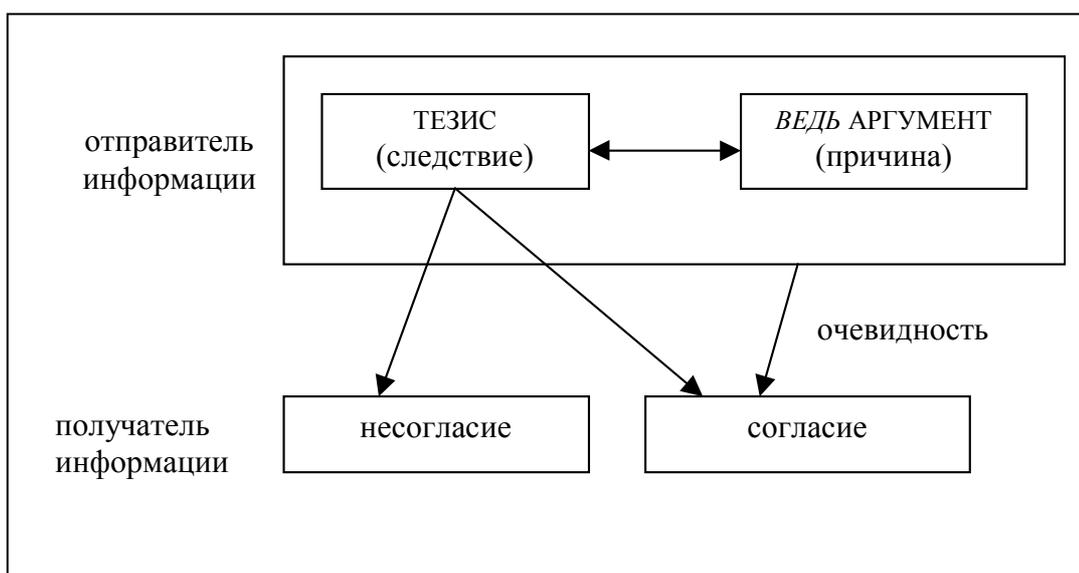
Кроме того, говорящий надеется на то, что слушающий в состоянии сделать верный выбор (т.е. сходный с выбором автора) на основе приводимых доводов,

даже в том случае, если в данный момент участник коммуникации придерживается другой точки зрения, отличной от точки зрения говорящего.

Важно подчеркнуть также, что, как правило, отправитель сообщения имеет намерение преподнести вторую часть с *ведь* не просто как мнение, а как факт.

В виде схемы отношения между частями причинных предложений с *ведь* (или двумя предложениями, отношения между которыми подобны причинно-следственной связи в сложном предложении) и намерения субъекта речи можно представить следующим образом:

СХЕМА 1: Особенности причинных предложений с *ведь*

В качестве аргумента выступает либо факт действительности, либо событие, которое интерпретируется как причина. В качестве тезиса выступает событие, действие, истолкование ситуации, которое воспринимается как следствие. Логически причина предшествует следствию, но в тексте / речи они обычно расположены иначе: тезис → аргумент.

Важно отметить, что говорящий, руководствуясь целью представить свою информацию как неоспоримую, нередко высказывает в качестве аргумента половицы, поговорки или другие общеизвестные истины, заложенные в культуре народа. Тем самым наши данные подтверждают мнение других исследователей, которые отмечают, что *ведь* является маркером прежде всего энциклопедических и культурных знаний, т.е. активизирует уже известные знания [Yokoуama 1986: 293; McCoу 2001: 294]. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что говорящий идет от частных ситуаций, фактов к общим, т.е. стремится генерализовать ситуацию.

(3) Ты должен забыть ее. Найди себе другую, *ведь* клин клином вышибают (из разговорной речи).

(4) Всегда полезно выполнять резервное копирование программ, и не только потому, что с бесценными их оригиналами может что-нибудь случиться, хотя и от таких неприятностей никто, разумеется, не застрахован. Часто это делают для сохранения оригинала программы перед его модернизацией.

Ведь не зря же говорят: «лучшее — враг хорошего»... (Ю. Федоренко, Алгоритмы и программы QBasic).

(5) *Но ты могла проболтаться, **ведь женщины так болтливы*** (Л. Андреев, Иуда Искарот).

(6) Г-жа Простакова (подняв руки к Стародуму): *Батюшка! Прости и ты меня, грешную. **Ведь я человек, не ангел*** (Д. Фонвизин, Недоросль).

В таких синтаксических конструкциях в качестве лексического маркера высказываемых энциклопедических знаний могут выступать вводные выражения типа *как известно*:

(7) *Дима был хорошим человеком. Пороки его заключались в отсутствии недостатков. **Ведь недостатки, как известно, привлекают больше, чем достоинства.** Или, как минимум, вызывают более сильные чувства* (С. Довлатов, Иностранка).

Попутно хотелось бы заметить, что нередко говорящий представляет высказываемую мысль не только как свое мнение, но прежде всего и как мнение, разделяемое другими людьми. Лексически это может выражаться через глагол *говорят*:

(8) *Вы верите в чудо? Я в такое чудо верить могу, **ведь я сам, говорят, чудо, чудо хирургии и выносливости.** И вот я смотрю на этот шарик и жду... он должен зашевелиться* (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

(9) — *Мне совестно отрывать у вас время. **Ведь вы, говорят, Федор Михайлович, по вечерам работаете на радость вашим бесчисленным почитателям, от них же первый емь аз,** — сказал Черняков* (М. Алданов, Истоки).

При использовании лексемы *ведь*, как уже отмечалось, всегда явно прослеживается интенция говорящего представить информацию как единственно верную. При этом отправитель сообщения осознает, что излагаемая им информация может быть воспринята негативно, поэтому стремится подтвердить ее фактами или псевдофактами. Иными словами, частицу-союз *ведь* говорящий употребляет, чтобы представить свою информацию более убедительно.

(10) *А между тем, первая мировая до сих пор разъединяет Европу, **ведь из сегодняшних членов Евросоюза одни оказались победителями, другие побежденными*** (газета «Эстония», 12/11/1998).

Выбор между *потому что* и *ведь* связан с коммуникативной установкой говорящего. Как известно, констатирующе-причинный союз *потому что* используется в ситуации, при которой автор высказывания, опираясь на собственное или общечеловеческое опытное знание, констатирует само наличие причинной связи между фактами, событиями, явлениями [Хааг 2004: 62]. При его использовании, как отмечают лингвисты, отсутствует

комментирование информации, стремление убедить адресата. Иными словами, при собственно союзной связи интенция говорящего изначально предполагает подачу информации как такой, которая с точки зрения отправителя информации обладает абсолютной достоверностью. Таким образом, при употреблении союза *потому что* имеет место воздействие на логическую сторону восприятия.

Иную ситуацию мы наблюдаем при использовании частицы-союза *ведь*. Говорящий предполагает, что возможно и иное мнение, иная точка зрения на эту проблему, поэтому стремится обосновать свою позицию, что и достигается использованием слова *ведь* с целью эмоционально убедить в своей правоте, так как в семантике слова *ведь* заложено значение очевидности сообщаемого, знания.

При употреблении лексемы *ведь* в высказываниях наряду с ее выраженным текстовым значением явно присутствует подтекст, т.е. внутренний, скрытый смысл. В текстовых фрагментах с *ведь* говорящий, передавая какую-либо информацию, всегда интерпретирует ее. Таким образом, данная лексема помогает оформлять повороты от прямого отражения действительности к ее интерпретации. При этом предложения с *ведь* переводят высказывание из области мнения в область знания.

(11) *Web-папки, с которыми, как предполагается, пользователь будет работать так же активно, как с Рабочим столом, появились в Office не случайно. Ведь одна из значимых черт нового пакета — его интеграция с Internet* (журнал «Подводная лодка», № 12, 1998).

В этом текстовом единстве вторая часть содержит частицу-союз *ведь*, которая, маркируя причинно-следственные отношения между предложениями, помогает говорящему выразить свою точку зрения, представить свое мнение в виде знания, которое разделяется и другими людьми. Не случайно Т. М. Николаева пишет о двойственной сущности частиц и частиц-союзов и называет их «двуликим Янусом», который обращен «одной стороной в высказывание, в состав которого они входят, в другой же своей ипостаси посылающий объективную коммуникативную нагрузку воспринимающему текст» [Николаева 1982: 58]. Иначе говоря, частицы-союзы передают помимо субъективной и объективную информацию.

Необходимо подчеркнуть также, что исследуемые нами структурно-смысловые объединения часто строятся по принципу контраста: в первой части комплекса предложений информация может быть прагматически разнообразной: утверждение, вопрос, просьба, догадка и т.д., а во второй части при помощи *ведь* информация подается как очевидный факт, истина, т.е. в предложениях с *ведь* задается установка на неопровержимость, неоспоримость. Дадим несколько примеров:

утверждение + утверждение

(12) *Высохшие тростники горят, как вата. Это большая проблема. Ведь сугоры очень привязаны к своей гнездовой территории и обычно не удаляются от нее далее ста километров даже в зимнее время* (журнал «Наука и жизнь», № 10, 1998).

запрос об информации + утверждение

(13) *Да, наконец, хватит ли души вместить вдруг неожиданно развивающуюся картину мира? **Ведь** это дерзость почти титаническая!* (И. Гончаров, Фрегат «Паллада»).

(14) *Как можем мы вспоминать наши прежние существования (если это не явно литературный прием), когда мы были в бездне, где мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют? **Ведь** каждая из них отрицается нашим бытием и в свою очередь отрицает его* (Н. Гумилев, Наследие символизма и акмеизм).

предположение (догадка) + утверждение

(15) *Тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то поблизости! **Ведь** это их ногами истоптан жухлый снег в кустах и вокруг деревьев* (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке).

(16) *Если думать так, если сомневаться в каждом научно принятом сегодня методе, не будет ли он позже опровергнут или опровергнут, — тогда можно черт знает до чего дойти! **Ведь** смертные случаи описаны даже от аспирин: принял человек свой первый аспирин и умер!* (А. Солженицын, Раковый корпус).

Приведенные примеры подтверждают мнение М. В. Ляпон о том, что для частицы-союза *ведь* характерно участие в построениях, «организованных по принципу модального контраста» [Ляпон 1986: 181]. Кроме того, анализ материала позволяет согласиться с выводом о том, что значение *ведь* формируется как синтез двух компонентов: 1) достоверности, неопровержимости, самоочевидности (*в самом деле, действительно* и т.д.) и 2) необходимости принять во внимание (*не следует забывать, что; хорошо известно, что; обращаю ваше внимание на то, что*) [там же: 183]. Такое сочетание компонентов (достоверности излагаемого и необходимости принять во внимание) связано с этимологией слова *ведь*, поскольку у исследуемой нами лексемы, как уже говорилось ранее, до сих пор сохранилась этимологическая связь с глаголом *вѣдѣти*, имеющим значение «знать», отсюда и основное предназначение этой лексемы как в функции союза, так и в функции частицы: выражать значение уверенности, очевидности сообщаемого. Этот фактор, свидетельствует в пользу того, что для частицы-союза *ведь* оформление причинно-следственных отношений не является доминантной функцией, поэтому придаточное предложение, вводимое союзом *ведь*, в подобных случаях, как правило, не выражает непосредственной причины того, о чем говорится в главной части, т.е. это причинно-аргументирующие предложения. Такие предложения с *ведь* мотивируют то, о чем сообщалось в предыдущей части высказывания.

Итак, в семантике *ведь* присутствует идея достоверности, самоочевидности. Интенция говорящего — при использовании *ведь* в конъюнктивной функции — убедить собеседника в своей правоте, показать очевидность своих доводов, поэтому наряду с *ведь* нередко в предикативной единице содержится и один из компонентов, дублирующих значение достоверности и самоочевидности, например:

(17) *И вот оба они, и мертвый поэт и живой, вдруг сбились с пути. Вергилий встревожен, что касается живого поэта, то тот в ужасе: в самом деле, ведь провожатый его в любую минуту — отозванный почему-либо высшей силой — может исчезнуть! Он останется один!* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

(18) *Между тем граждане США — страны, где дактилоскопия проводится у всего населения, — видят в ней не ограничение, а, напротив, — защиту своих прав. **Ведь** и в самом деле с ее помощью легче найти потерявшегося либо украденного ребенка или, например, убедительно доказать свои права в случае утери документов* (журнал «Наука и жизнь» № 10, 1998).

(19) *Родство дает прекрасное средство к занятию и развлечению: случилась с вами беда, — и вот для ваших родственников чудесный случай съезжаться к вам, ахать, охать, качать головою, судить, рядить, давать советы и наставления, делать упреки, а потом везде развозить эту новость, порицая и браня вас за глаза, — **ведь** известно: человек в беде всегда виноват, особенно в глазах своих родственников* (В. Белинский, Евгений Онегин).

Необходимо сказать о том, что при использовании лексемы *ведь* причинно-следственные отношения выражаются не прямо, т.е. не через фиксацию этих отношений через грамматикализованные союзные средства связи, а на уровне контекста — через рассуждение, размышление по поводу этой причинно-следственной ситуации. В подобных случаях базовое предложение часто содержит какое-либо модальное слово, выражающее сомнения автора в истинности своего умозаключения. Характерной структурной особенностью предложений такого типа является наличие модальных слов, выражающих разную степень уверенности говорящего в сообщаемой информации, типа *вероятно, возможно, может быть, видно* и т.д., например:

(20) *В последнем счете, конечно, только в нем лежала причина ее охлаждения: **ведь** не у нее же одной родился мертвый ребенок* (А. Толстой, Хождение по мукам).

(21) *Возможно, впрочем, что я дурак и педант — **ведь** ночь-то описывается тропическая, для глаза европейца всегда набитая звездами* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

(22) *Но возможно, шотландский опыт от такого не очень, на мой взгляд, удачного решения и удержит. **Ведь** с несдавшими экзамены что-то надо делать* (газета «Эстония», 12/11/1998).

(23) *А может быть, даже и этого не подумал — **ведь** нельзя же залезть в душу человеку и узнать все, что он ни думает* (Н. Гоголь, Шинель).

(24) *Уж, верно, головы мне не отрубят, **Ведь** я не государственный преступник* (А. Пушкин, Каменный гость).

(25) *В старости есть некий театр. Безусловно, мне что-то показывают. **Ведь** я мог бы и не дожить до старости!* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

(26) Однако, видимо, сама непревзойденная — и ныне, думается, недостижимая, — всегда по сути своей поэтическая гармония Пушкина, его непрерывная просветленность при мужественном осознании трагизма бытия являются в изрядной степени «раздражителями» для театра. **Ведь** в нашу эпоху постмодернистского дробного мировосприятия подобная гармония может вызвать недоверие и даже отторжение (литературно-художественный журнал «Театральная жизнь», № 6–7, 1999).

Наличие модальных слов обусловлено тем, что вывод о причине добыт «опосредованно, логическим путем» [Кривонос 1993: 103], говорящий не ручается за его достоверность, так как следствие может быть порождено и другими причинами. С другой стороны, последующая часть содержит лексему *ведь*, которая нейтрализует эту неуверенность или усиливает убежденность говорящего в своей правоте. Таким образом, при помощи вводного слова в базовом предложении автор подчеркивает либо свое опасение по поводу сообщаемого (примеры 21, 22, 23, 26), либо, наоборот, абсолютную уверенность в сообщаемом (примеры 20, 24, 25).

Обратим внимание и на такие синтаксические конструкции как *ведь... а значит*. Обычно соединение союза *а* с конкретизатором *значит* свидетельствует о результативно-следственных отношениях [РГ 1980 II: 623], т.е. в части с *а значит* дается результат чего-либо, содержится информация о знании субъектом речи следственной ситуации. В интересующих нас синтаксических конструкциях в части с *ведь* адресант стремится актуализировать определенную информацию с тем, чтобы затем акцентировать следствие, подчеркнуть результирующий характер обусловленности взаимосвязанных событий. Таким образом, семантическим ядром сообщения становится следственное звено. По мнению Р. М. Теремовой, результативное значение «предполагает перенос коммуникативного акцента с причинного или обосновывающего действия на последствие (результат) этого действия, вывод из него» [Теремова 1987: 4]. Следовательно, говорящий выстраивает логическую цепочку: сначала выдвигает тезис, затем его аргументирует, после чего указывает на результат.

(27) В Эстонии некоторую помощь в решении данной проблемы оказал, к примеру, закон о родительской зарплате, когда женщины, задействованные в неформальной экономике, поняли, что будут недополучать родительскую зарплату, **ведь** по закону она является дифференцированной, **а значит**, чем выше суммы указаны в трудовом договоре, тем больше размер родительской зарплаты (газета «Молодежь Эстонии», 11/03/2004).

(28) Мы тщательно продумали, чем набить этот чемодан. Прежде всего надо положить порох, тол, несколько фауст-патронов и обязательно петарды. **Ведь** мы удерем в местность, где войны не было, **а значит**, эти штуки должны цениться на вес золота (Е. Дубровин, В ожидании козы).

Особого разговора заслуживает то, что в ходе анализа собранного нами языкового материала было выявлено большое количество примеров употребления лексемы *ведь* в таких сложных синтаксических целых, в которых во второй части с *ведь* выражались не только причинные отношения, но и

уточнительные. Иными словами, частица-союз *ведь* может соединять в себе значение союза *потому что* и частицы *именно*:

(29) *Логическая структура ситуаций, «пускающих в ход» процесс мышления, совпадает со структурой ситуаций, которые возбуждают чувство удивления. Ведь (= потому что + именно) удивление, как правило, возникает при несовпадении ожидаемой и действительной ситуации. По этой причине можно считать, что чувство удивления — непреходящий спутник начала мыслительной деятельности* (В. Сухарев, Психология интеллекта).

(30) *Такое «предугадывание» у Пушкина встречается очень часто. Это, конечно, доступно лишь гению. Ведь (= потому что + именно) гений в тесном родстве с совестью, он одной структуры с совестью, только он из другого материала* (Литературно-художественный журнал «Театральная жизнь» № 6–7, 1999).

(31) *Не случайно ЛУЧШЕ так естественно употребляется в ответе на дизъюнктивный вопрос, цель которого — попросить совета. Когда ЛУЧШЕ включается в угрозу, говорящий маскирует свой речевой акт, представляя его как совет; ведь (= потому что + именно) угроза порицается коммуникативным кодексом* (Н. Арутюнова, Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт).

(32) *Другие надеются на интуицию. И это не самый худший вариант. Ведь (= потому что + именно) интуиция — это голос нашего высшего «я», которое, в отличие от примитивного логического аппарата, имеет доступ ко «вселенским архивам» и нередко предчувствует будущие события* (газета «Совершенно секретно», № 10, 1999).

Из примеров видно, что первое предложение (или главная часть сложного предложения) представляет собой утверждение, а предложение с *ведь* (или придаточная часть сложного предложения с *ведь*) поясняет, уточняет, мотивирует это утверждение, т.е. цель конструкции с частицей-союзом *ведь* — уточнить и мотивировать мысль через объяснение, уточнение смысла конкретного слова в предложении. Установка говорящего на уточнение и объяснение делает возможным сочетание в слове *ведь* значения двух лексем в конкретных контекстах. Заметим, что во всех случаях уточняется существительное. В таких сложных синтаксических целых предложения с *ведь* уточняют член первой части высказывания, при этом информация, приводимая в предложении с *ведь*, подается как очевидная.

Интересно отметить, что в подобных конструкциях вместе с частицей-союзом *ведь* нередко употребляется лексема *именно*, т.е. здесь уже наблюдается разделение функций уточнения и объяснения между указанными лексемами.

(33) *Особенно резкому преобразованию подвергаются те модальные слова, которые указывают на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи. Ведь именно чужая речь в передаче другого человека обычно выделяется своеобразиями словаря и синтаксиса* (В. Виноградов, Исследования по русской грамматике).

Как уже отмечалось, довольно часто автор высказывания между причинно-следственными синтаксическими единицами помещает предложение, содержащее оценку того, о чем идет речь. Так, в примере (32) автор выдвигает свой тезис (*другие надеются на интуицию*), затем оценивает его (*это не самый худший вариант*), и, наконец, дает аргументацию своего тезиса (*ведь интуиция — это голос нашего высшего я*). Таким образом, подобный комплекс предикативных единиц можно назвать оценочно-аргументативным.

Обратим внимание на то, что такое употребление *ведь* в функции частицы-союза характерно для научных и газетно-публицистических текстов, основная цель которых — убедить получателя информации в своей правоте, показать очевидность высказываемых аргументов.

Ведь употребляется говорящим в тех случаях, когда высказывается субъективная точка зрения, поэтому так частотно ее использование в синтаксических конструкциях, выражающих эмоции, оценки. В первой части высказывания говорящий, как правило, сообщает о своем эмоциональном состоянии, а затем объясняет, аргументирует причину, вызвавшую подобную реакцию:

(34) *А мне их жалко: **ведь** они голодны. Понимаете: голодны* (Л. Андреев, Жизнь человека).

(35) *Да нет, обидно! **Ведь** пятнадцать лет я в этом селье возчиком, а тут — на тебе!* (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене).

(36) *Вожеватов: Эка досада! **Ведь** нельзя, Сергей Сергееч* (А. Островский, Бесприданница).

Такое распределение информации имеет свою цель. Аргументация позволяет значительно усилить воздействие эмоционально-оценочного блока на слушающего, поскольку «она призвана показать объективность суждений говорящего и убедить слушающего в оценке, которую дает говорящий» [Гак 1997б: 93]. Тем самым еще раз подтверждается точка зрения Т. М. Николаевой, что *ведь* передает как субъективную, так и объективную информацию [Николаева 1985: 112].

В ходе работы над языковым материалом было выявлено, что типичной является ситуация, когда в синтаксической конструкции с *ведь* (т.е. в придаточной части в сложном предложении — пример 37 — или во втором предложении с *ведь* при соединении двух предложений, отношения между которыми подобны причинно-следственной связи в сложноподчиненном — пример 38) содержится итоговый вывод, который вытекает из сказанного в нескольких предложениях.

(37) *Если ВИЧ-инфицированных на Земле около 20 миллионов, то, по последним данным медицинской статистики, вирусом гепатита С инфицировано от 120 до 200 миллионов человек. Это официально. Некоторые считают, что эту цифру нужно умножить как минимум на пять, поскольку зачастую больные хроническими гепатитами, циррозами печени просто не знают, что когда-то переболели вирусным гепатитом С, **ведь***

диагностировать его научились лишь несколько лет назад (газета «Вести недели», 15/10/1999).

(38) *Они презирают толпу и землю, питают ненависть ко всему материальному. Эта ненависть у них часто простирается до желания вовсе отрешиться от материи. Для этого они морят себя голодом, не едят иногда по целой неделе, жгут на свечке пальцы, кладут себе на грудь под платье снег, пьют уксус и чернила, отучают себя от сна, — и этим стремлением к высшему, идеальному существованию до того успевают расстроить себе нервы, что скоро превращаются в одну живую и самую материальную болячку... **Ведь** крайности сходятся!* (В. Белинский, Евгений Онегин).

В то же время частотны и конструкции с *ведь*, в которых идет объяснение предыдущей мысли, ее развертывание:

(39) *Поразительно: **ведь** я слышал выстрелы «Потемкина»! Их было два...* (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

(40) *Что бишь это такое, что-то знакомое... ба, вот прекрасно — **ведь** брат женат был на Горбатовой; это ее сестра, это та... а! помню...* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что слово *ведь* в сложном предложении, в рамках текстовых единств употребляется как средство связи, но не в чистом виде, а для выражения различных специфических отношений, не передаваемых союзами. Частица-союз позволяет оформить каждую предикативную единицу как автономную, и в то же время она выступает в качестве средства связи, употребляется для соединения предложений по принципу подчинения. Однако функциональный диапазон частицы-союза *ведь* не исчерпывается причинным значением: ей не чужда и семантика уточнения, мотивировки, пояснения, аргумента. Объединяет все высказывания с *ведь* желание говорящего во всех случаях представить свое мнение как очевидный факт.

3.3. Лексема *ведь* в предложениях с уступительными отношениями

В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, одна из которых не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую [РГ 1982, II: 585]. М. В. Ляпон определяет уступительность как «модификацию каузального значения, соединенного с противительным компонентом. Результат этого соединения — нереализованная обусловленность» [Ляпон 1986: 137]. В. Б. Евтюхин считает, что доминирующим признаком уступительных отношений является «обратная обусловленность» [Евтюхин 1996: 163]. В Грамматике 1970 года говорится о соотношенности уступительных конструкций с причинными и условными [Грамматика...1970: 720]. Этой же позиции придерживается и ряд других исследователей, например, В. С. Храковский, считающий, что «уступительные конструкции, имплицитные антиследствие, являются семантически производными относительно своих коррелятов, т.е. причинных и условных

конструкций, имплицитных следствии» [Храковский 2000: 8–9]. Иначе говоря, уступительные отношения определяются как противоположные причинным. Распространена и точка зрения, по которой причинная связь является основой уступительной [Теремова 1987]. О том, что уступительные отношения определенным образом связаны с причинно-следственными отношениями, говорит и следующее высказывание В. Б. Евтюхина: «весьма ярко аспект мотивации обуславливающей связи проявляется в уступительных отношениях, потому что их специфика состоит в указании на нарушение нормативного причинно-следственного отношения» [Евтюхин 1997: 27].

Для экспликации тех или иных отношений между предикативными единицами используются конкретные союзы, которые однозначно квалифицируют ту или иную связь. Кроме того, в предложениях с уступительными отношениями могут функционировать и некоторые союзные частицы, среди которых — *ведь*.

В высказываниях с *ведь* отношения уступительности должны быть четко определены, поскольку эта лексема не конкретизирует отношения уступительности между предикативными единицами, их можно вывести только из контекста. В уступительных предложениях с *ведь* четко прослеживается авторская позиция, намерение говорящего показать очевидность излагаемого, представить ситуацию как очевидную.

Для предложений с *ведь* характерно оформление уступительно-противительных отношений. При оформлении этих отношений в русском языке широко распространены такие сочетания как *ведь..., а; ведь..., да*, которые становятся синтаксическими синонимами союзных сочетаний *хотя..., а; хотя..., да*. Эти бинарные конструкции всегда имеют строгое расположение частей: уступка занимает препозицию, а противопоставление постпозицию.

(1) *Эх, Трофим, Трофим! **Ведь** ты уже старик, колхозный пенсионер, можно сказать, **а** глупости не бросаешь* (М. Шолохов, Поднятая целина).

(2) — ***Ведь** вот, — продолжал Шубин, — не молодой, кажется, дворянин, **а** сколько в нем еще таится счастливой детской веры!* (И. Тургенев, Накануне).

(3) *Видал я-с иных в деле, например: **ведь** весь исколот как решето штыками, **а** все махает шашкой* (М. Лермонтов, Бэла).

(4) — *Атаманы-молодцы! — говорил Пузанов, — **ведь** таким манером всех людишек перебьем, **а** толку не измыслим* (М. Салтыков-Щедрин, История одного города).

(5) ***Ведь** говорил вам, **да** вы как всегда не послушались* (из живой речи).

(6) ***Ведь** и сил нет, **а** работаешь* (из живой речи).

В приведенных примерах слово *ведь* помогает сделать более очевидным обозначение противоречия между тем, что говорится в связываемых предикативных единицах. В этих высказываниях говорящий выдвигает на первое место несоответствие между двумя фактами. При этом часть с *ведь* представлена как аргумент.

Ведь может сочетаться с уступительным союзом *хотя*. При этом возможна препозиция или постпозиция лексемы *ведь* относительно союза, в зависимости от выполняемых ею функций. При выражении уступительно-противительных отношений в предложении *ведь* обычно занимает позицию перед союзом *хотя*. При этом *ведь* указывает на связь с предыдущим высказыванием и сигнализирует о том, что далее пойдет обоснование, аргументация данного ранее тезиса, т.е. *ведь* в этом случае, как правило, выполняет функцию причинного союза. Иначе говоря, эти предложения с уступительно-противительными отношениями являются обоснованием высказанной ранее мысли. Кроме того, в таких высказываниях союз *хотя* опустить невозможно, а элиминация *ведь* допустима. Следовательно, союз организует синтаксическую конструкцию, а союзная частица *ведь* выявляет более конкретные смысловые отношения на коммуникативном уровне.

(7) *Не менее важно, что все, кто хочет поздравить ветеранов и близких с этим великим праздником, смогут сделать это без ограничений. **Ведь хотя** максимальная длительность звонка составляет пять минут, **но** количество таких звонков не лимитировано* (газета «Новости», 05/05/2003).

(8) *Продажа «Сенаторс» стала неожиданной новостью в Оттаве, **ведь хотя** об этом и ходили слухи, **но** предполагалось, что Брайден продаст лишь небольшую часть прав* (телепередача «Спорт», 06/08/2002).

(9) *Третьим условием взлета цен является обязательная легкость опознавания товара. Картины таких художников, как Ван-Гог, Гоген, Модильяни, Сезанн, Миро, Малевич и т.п. как раз в полной мере и соответствуют указанному условию. **Ведь хотя**, с одной стороны, все они являются, по существу, просто дешевой, на скорую руку накаляканной мазней, **но**, с другой стороны, мазня каждого из вышеперечисленных художников имеет очень хорошо различимые внешние особенности, то есть так называемый «стиль» или «творческий почерк»* (Логика славы художников, 29/04/2004).

В собственно-уступительных предложениях с союзом *хотя* во второй части *ведь* всегда расположена после уступительного союза. В этом случае *ведь* выступает в качестве прагматического корректора.

(10) *В либеральных кругах современной российской интеллигенции принято воспринимать Запад как некий идеал социальной организации, причем те же люди, которые весьма и весьма скептически относились к усилиям советской пропаганды создать идиллическую картинку о жизни в СССР, с поразительной наивностью верят в штампы либеральной пропаганды, **хотя ведь** уже элементарный здравый смысл говорит о том, что вряд ли можно во всем доверять саморекламе какого-либо общества...* (альманах «Восток», № 3, 2003).

(11) *Что касается моего мнения, многие доклады страдали излишней академичностью, т.е. подобные доклады отражают общие тенденции развития ИТ, а хотелось бы услышать какие-либо конкретные решения той или иной проблемы. Вот сейчас передо мной материалы конференции «Корпоративные системы 97», так вот они лишены указанных недостатков.*

Хотя ведь это же субъективное мнение, и, может быть, я не прав (журнал «Техникон» № 4, 1999).

(12) *До сих пор люблю «копаться» в автомобилях. И сейчас чуть какая-то неполадка в цехе, вызывают меня. Хотя ведь принято думать, что женщины-руководители не являются специалистами в том предприятии, которым руководят* (газета «Пресс регион», март 2002).

Необходимо также сказать о том, что при собственно уступительных отношениях *ведь* не может быть использована без союза *хотя*. В рассматриваемых синтаксических конструкциях союз *хотя* является обязательным компонентом высказывания.

Таким образом, и при выражении уступительности в предложении лексема *ведь* прежде всего указывает на отношение говорящего к сообщаемому, на очевидность излагаемой информации, призывает слушающего встать на точку зрения автора сообщения, т.е. *ведь* вносит субъективный оттенок. Кроме того, позиция частицы *ведь* зависит от коммуникативных задач. На основании разобранных нами материала можно сделать вывод о том, что синтаксическую функцию связи *ведь* выполняет попутно, в случае если находится либо на стыке двух предложений, либо начинает собой новое предложение. На то, что *ведь* находится на периферии союзных средств связи при выражении уступительных отношений, свидетельствует и тот факт, что в собственно уступительных предложениях *ведь* не употребляется без специализированного союза *хотя*, т.е. употребление *ведь* имеет свои ограничения.

В этом параграфе нам было важно показать, что употребление союза-частицы *ведь* возможно и при выражении уступительных отношений, в то время как многие лингвисты обращают внимание на функционирование этой лексемы лишь в предложениях с причинными отношениями.

3.4. Лексема *ведь* в предложениях с условными отношениями

Другие синтаксические конструкции с *ведь*, которые часто незаслуженно обходят стороной — условные предложения. Как известно, под условными предложениями понимаются такие конструкции, в которых придаточная часть содержит указание на условие, от которого зависит осуществление действия в главной части сложноподчиненного предложения. Одним из самых употребительных союзов, выражающих условные отношения, является союз *если ... , то*. В предложении с этим союзом, как отмечают лингвисты, связь между частями представлена как необходимая, закономерная, а ситуация в придаточной части как условно соответствующая действительности. При этом союз *если... , то* в логике рассматривается как знак импликации [Ляпон 1986: 103], т.е. считается логической связкой.

Попытаемся выяснить, какую функцию выполняет лексема *ведь* в условных предложениях. Наш фактический материал свидетельствует о том, что *ведь* может использоваться в условных предложениях и а) в позиции основного союза *если*, и б) в позиции второго союзного элемента *то*. Иначе говоря, может заменять *если* или *то*.

Заметим, что не все словари русского языка выделяют в качестве сферы действия лексемы *ведь* способность оформлять условные отношения.

Например, в «Большом толковом словаре русского языка» находим два возможных случая употребления слова *ведь*: 1) в причинных предложениях и 2) в уступительных [БТС 1998: 115]. Авторы других словарей упоминают, помимо названных, еще об одном случае употребления лексемы *ведь* в функции союза: в условных предложениях в качестве второго союзного элемента *то, тогда* [СРЛЯ 1981, I: 145]. И, наконец, в отдельных лексикографических источниках можно найти также четвертую возможность использования лексемы *ведь* при выражении предположительного, возможного условия, в этом случае *ведь* синонимична союзу *если* [СРЛЯ 1991, II: 75].

Попутно отметим, что употребление слова *ведь* в условных предложениях встречается гораздо реже, чем в причинно-следственных. Однако игнорировать это употребление нецелесообразно.

Рассмотрим лексему *ведь* в предложениях, выражающих условные отношения, более подробно. Слово *ведь* может использоваться при выражении реального условия в качестве синтаксического синонима союза *если*. В подобных предложениях наряду с тем, что придаточная часть (ситуация-условие) и главная часть (ситуация-следствие) равноценны по своей предикативной значимости, с помощью лексемы *ведь* выражается уверенность говорящего в предмете речи. Таким образом, и при выражении реального условия говорящий пытается эмоционально убедить собеседника в своей правоте.

(1) **Ведь** не позволим жениться, **так** нам не видать Алексея: <...> или умрет с тоски, или на войну уйдет (С. Аксаков, Семейная хроника).

(2) *Неохота идти, а надо. **Ведь** пропустим урок, **так** потом ничего не поймем* (из живой речи).

Однако более частотны случаи употребления служебной лексемы *ведь* в сочетании с союзом *если*. Характерна препозиция *ведь* относительно конъюнкта *если*. Следует отметить, что в этих случаях позиция лексемы *ведь* фиксирована, она может находиться только в начале условного предложения, и, по нашим наблюдениям, не располагается внутри предикативной единицы.

(3) *У него очередной отпуск. Александр Александрович по старой службе, скрепленной совместными «пятерками» и «шестерками», попросил его присоединиться к группе, чтобы вся программа не могла сорваться из-за какой-нибудь неожиданности. **Ведь если бы** Александр Александрович заболел или получил травму (и то и другое вполне возможно в горах), **то пришлось бы** приглашать для восхождения постороннего инструктора из лагеря* (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене).

Важная особенность таких конструкций заключается в том, что *ведь* не только маркирует условие, но и указывает на тесную связь с предыдущим контекстом. И в этом случае условные конструкции с *ведь* приобретают аргументативную функцию, используются прежде всего в ситуации размышления, пояснения.

В конструкциях с *ведь если* условно-гипотетическое значение может утрачиваться (пример 4). Сообщаемое в первой части представлено как реальный факт, который служит предметом последующего суждения о нем.

(4) *Последнее определение, в противоположность первому, слишком узкое для религии самого Достоевского, хотя, может быть, и верное для православия.*

Ведь если монашество в пору своего расцвета не сумело включить в себя зачаток светской культуры, то нет никакого основания думать, что теперь, в пору своего упадка, оно сумеет включить Исаака Сирина во все необъятные горизонты современного европейского и всемирного просвещения (Д. Мережковский, Пророк русской революции).

Наблюдения над языковым материалом дают основания утверждать, что частица-союз *ведь* употребляется также в квазиимперативных предложениях, имеющих императивную форму, но не выражающих побуждения. Это такие конструкции, в которых повелительное наклонение используется в значении условного:

(6) *...и знаешь что, ведь приди я вовремя, этого бы не случилось (из к/ф «Трое против всех»).*

(7) *Ведь поступи я иначе, все обошлось бы (из живой речи).*

Приведенные иллюстрации не содержат побуждения: вторая часть в этих предложениях (подчиняющая) придает гипотетическое значение всему сложному высказыванию, и повелительную форму в первой части можно трансформировать в сослагательную (*Если бы я пришел вовремя...*). Какую роль в подобных предложениях играет слово *ведь*? Как и во всех предыдущих случаях, оно придает высказыванию большую убедительность. Факультативность *ведь* в этих предложениях очевидна. Кроме того, такие предложения с *ведь* также обязательно опираются на предшествующий контекст или ситуацию. Так, в примере (6) говорящий детально рассказывает о случившемся несчастье с его другом. И в конце рассказчик считает необходимым подчеркнуть тот очевидный для него факт, что если бы он пришел раньше, то несчастья можно было бы избежать. Такое подчеркивание своей убежденности в чем-либо и достигается путем помещения *ведь* в синтаксическую конструкцию.

Кроме того, в русском языке широко употребительны такие гипотетические конструкции как:

(8) *Что, если б в это время щуренок поблизости был, ведь он бы его из норы-то вытащил! (М. Салтыков-Щедрин, Премудрый пискарь).*

(9) *Что ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица, ведь ты б у нас была царь-птица! (И. Крылов, Ворона и лисица).*

(10) *Если бы я это сделал, ведь все обошлось бы.*

(11) *Если бы он не опоздал на поезд, ведь был бы уже дома.*

В подобных высказываниях лексема *ведь* становится синтаксическим синонимом союзного элемента *то*. В таких предложениях с *ведь* в главной части выражается уверенность в конечном результате, в случае если бы было реализовано то действие, о котором идет речь в придаточной части.

Иногда между частями, связанными отношениями условия, находится текст, который является добавочным пояснением того, что сказано в первой части.

(12) *А если бы я тогда остался?... Ну, прошел бы год, два, десять... ведь надоели бы мы друг другу* (М. Арцыбашев, Жена).

В случае наличия второго союзного элемента *то* во второй части *ведь* всегда находится после *то*. Часто вторая часть конструкции имеет комментирующий, разъясняющий характер. Гипотетическое значение *если* при этом ослабевает (13) или теряется (14).

(13) *Если слова «болезненно вял» необходимо понять в том смысле, что Чехов во время болезни становился физически слаб, то ведь это было со всеми больными* (К. Чуковский).

(14) *А если поэзия, слово, литература есть тоже лекарство, то ведь отчасти есть и мерка* (Ф. Достоевский, Господин–бов и вопрос об искусстве).

Таким образом, слово *ведь* может функционировать в условных предложениях. В этих предложениях *ведь* вносит в содержание свой специфический оттенок уверенности, ясности. Можно говорить и о том, что в условных предложениях с *ведь* условно-гипотетическое значение нередко ослаблено или утрачено.

Итак, лексема *ведь*, приобретая связующую функцию, может выступать в качестве частицы-союза в отдельном предложении или в тексте, но при этом она не утрачивает своих партикулярных свойств. Между частями предложений (между предложениями) с таким средством связи могут быть различные отношения: причинные, уступительные, условные. Слово *ведь* используется в случае, если отношения обусловленности уже заложены между частями предложений или между автономными единицами. Причем при использовании *ведь* важно подчеркнуть не тип обусловленности, не логические отношения между частями предложений, кусками текста, а аргументированность, очевидность излагаемой информации. Анализ лексемы *ведь* подтверждает мнение Е. Г. Борисовой о том, что частицы в связующей функции употребляются лишь тогда, когда то или иное смысловое отношение может быть выведено из значений связанных этим отношением предложений [Имплицитность в языке и речи 1999: 80]. При этом частицы подчеркивают те аспекты коммуникативной значимости высказывания, которые связаны с соответствующими выводами слушающего. Для *ведь* это сведения об известности или очевидности факта. В случае нечеткости смысловых отношений между частями *ведь* не может быть использована. Тем самым можно говорить о том, что как служебные слова коммуникативного плана частицы-союзы выражают отношения на коммуникативном уровне. В этом и заключается их общее отличие от союзов.

ГЛАВА 4. СОЧЕТАНИЕ *СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ+ВЕДЬ* КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЕДИНИЦАМИ

4.1. Вопрос о союзном сочетании *сочинительный союз+ведь*

Частицы активно используются как вспомогательное средство оформления разных синтаксических отношений. В предложении они могут выступать как основное средство связи, принимая на себя роль союзов. Кроме того, частицы, объединяясь с простыми союзами в производные словесные комплексы, выполняют и роль дополнительных средств связи.

Лексема *ведь* функционирует не только в сложноподчиненных предложениях, но и в сложносочиненных. В случае употребления в сложносочиненном предложении *ведь* выступает в сочетании с одним из сочинительных союзов *и, а, но, да*. В научной литературе сопровождающие союз элементы получили названия 1) вторых союзных (или полусоюзных) элементов [Шувалова 1975: 76; Белошапкова 1977: 213], 2) конкретизаторов [РГ 1982, II: 620], а также 3) уточнителей [Клопова 1992: 83; Стародумова 1988: 47]. Таким образом, можно говорить о том, что в лингвистике еще не определен точный термин для номинации присоюзных элементов. Первый подход отражает идею союзности определенных единиц. Два других подхода имеют своей целью подчеркнуть семантическую значимость вторых элементов, т.е. указывают на то, что наличие в сочинительном ряду второго союзного элемента в той или иной степени уточняет, корректирует те семантические отношения между частями предложения, которые оформляются при помощи союза [РГ 1982, II: 620; Клопова 1992: 83].

Таким образом, все предложения, имеющие два показателя связи, соотносительны со сложносочиненными предложениями, которые связаны с помощью *и, а, но, да*, и отличаются от последних в структурном плане большей сложностью связующих средств, а в семантическом — узостью и четкостью своих значений [Грамматика... 1970: 663].

В «Русской грамматике» *ведь* в составе сочинительного союза квалифицируется как конкретизатор [РГ 1982, II: 623]; на наш взгляд, подобная номинация *ведь* в этом случае во многом условна. Дело в том, что *ведь* рассматривается наряду с такими вторыми союзными элементами как *только, зато, значит, следовательно, наоборот, все же* и др., которые действительно конкретизируют, однозначно указывают на отношения между частями. Так, например, частица *только*, по наблюдениям Н. Карасевой, в сочетании с собственно союзом выступает как второй союзный элемент и уточняет значение конъюнкта. При этом получившиеся составные образования типа *и только, но только, а только, да только* служат преимущественно для выражения выделительно-ограничительных или ограничительно-противительных смысловых отношений [Карасева 2003: 129]. Таким образом, частица *только* позволяет однозначно квалифицировать семантико-синтаксический вид связи в сложносочиненном предложении. Несколько иначе обстоит дело с составными союзными образованиями *а ведь, да ведь, но ведь, и ведь*. Значения сочинительных союзов *и, а, но, да* и лексемы *ведь* конкретизируются, выявляются из лексико-грамматического наполнения

предикативных единиц. Сочетание этих лексических единиц возможно при передаче разнообразных смысловых отношений, которые будут рассмотрены далее. В то же время мы можем говорить о том, что *ведь* является семантическим уточнителем союза, поскольку для этого союзного сочетания характерны более конкретные смысловые отношения. Кроме того, общим для всех предложений с *сочинительным союзом + ведь* является то, что автор высказывания желает показать очевидность приводимых аргументов. Следовательно, *ведь*, выступая как второй союзный элемент, сохраняет свою семантику (значение уверенности, очевидности).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о порядке следования компонентов союзных соединений. Наиболее часто союзное соединение встречается в самом начале второй части и реализуется как последовательность, которую начинает соединительный союз, а за ним следует *ведь* (на что указывает сам термин «второй союзный элемент»). Однако не всегда вторые союзные элементы занимают твердо фиксированное место в предложении, т.е. в самом начале второй части. Так, *ведь* может достаточно свободно перемещаться в предложении. Иначе говоря, слово *ведь* может употребляться как в контактном, так и в неконтактном расположении с сочинительным союзом. Но наши данные подтверждают мнение, высказанное еще Е. В. Скорлуповской, о том, что *ведь* обычно выступает непосредственно за сочинительными союзами *а, но, да, и*, сочетаясь с ними и образуя одно синтаксическое целое [Скорлуповская 1964: 90]. Случаи отрыва *ведь* от союзов довольно редки. Тем самым анализируемые сочетания можно рассматривать как относительно устойчивые союзные сочетания сочинительного союза и слова *ведь*.

(1) *Убьет, ни за понюх табаку убьет. И ведь чисто сработает, не подкопаешься* (Б. Акунин, Азазель).

(2) *Не брошу я Васю. Он отец моих детей, и он хороший отец. Вася только опустился, а когда он трезвый, ему стыдно. И я ведь помню все хорошее, что было у меня с ним* (И. Грекова, Хозяйка гостиницы).

(3) *Весь следующий день она была угнетенно-молчаливая, и Левчук ругал себя за нерешительность, за робость, но ведь он же хотел как лучше* (В. Быков, Волчья стая).

(4) *Непредсказуемые ходы могут быть очень хорошими, но мы ведь никогда не знаем, когда, в какой момент они могут стать плохими* (газета «Молодежь Эстонии», 12/03/2004).

(5) *Вспоминаю Водяного, он поставил мне двойку по гидравлике, а ведь я был прав — уравнение неразрывности второго рода неразрешимо! В применении к нашей группе, конечно* (Я. Арсенов, Избранные ходы).

(6) *Надо скамеечку под гроб, а то до Юрочки не дотянуться. Я на цыпочках пробовала, очень трудно. А это ведь понадобится Марине Марковне и детям* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

(7) — *Ну и чудачки же мы! Да ведь это наши гимназические скауты!* (В. Беляев, Старая крепость).

(8) *Экий вы голливудский киногерой. Так бы и врезалась по уши... да с вами ведь это безнадежно* (М. Веллер, Приключения майора Звягина).

Следует ли считать такие цепочки вариантами общего инварианта одного союзного соединения как единицы русского языка? Вероятно, да. На наш взгляд, союзные соединения тем и отличаются от составных союзов, что отношения между их компонентами предполагают большую свободу, которая проявляется в том, что второй элемент может отрываться от первого в рамках одной предикативной единицы, оттеняя определенные его члены. Однако такие союзные соединения *а ведь, но ведь, да ведь, и ведь* надо рассматривать не как новые союзы, а как устойчивые сочетания сочинительного союза и частицы.

Собранный материал позволяет утверждать, что предложения с сочетаниями *сочинительный союз+ведь* не имеют стилистической ограниченности и широко используются в разных функциональных стилях. Тем самым не представляется возможным согласиться с мнением Е. В. Скорлуповской, которая считает, что «сложные конструкции рассматриваемого типа используются преимущественно <выделено нами — Н. В.> в разговорной речи» [Скорлуповская 1964: 83]. Действительно, такие сочетания очень распространены в разговорной речи, но этим их употребление не ограничивается. В газетно-публицистических и научных текстах комплекс *сочинительный союз + ведь* также активно используется.

(9) ...Получается, что ни на каком этапе работы с текстом ССЦ самими собой не являются.

Но ведь ССЦ выделяли у нас — А. М. Пешковский, Н. С. Поспелов, Г. В. Колшанский, О. И. Москальская <...> и многие другие (В. Дигмай, Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста).

(10) *И действительно, ребята, прошедшие в финал и выступившие на гала-концерте в центре «Сакала», свое дело знали, а ведь они еще не профессионалы, но уже сейчас многим из них можно пророчить выход на так называемую большую сцену* (газета «Эстония», 21/12/1999).

(11) *А как изменится описанный алгоритм, если в нем для стартового минимального значения принять такое предположение: $T_{\min}=T(r)$, где r — номер любой ячейки от 2 до n ? В этом случае поиск минимального значения следует начинать от $i=1$. Такой поиск также будет успешным, только число его шагов на один шаг будет больше, и, следовательно, его выполнение затянется. Да ведь это же ничтожные мгновения, возразите вы. Да, в данном случае это действительно так. Но ведь в принципе сравнения могут выполняться по очень сложным, требующим для своей работы большого времени алгоритмам* (Ю. Федоренко, Алгоритмы и программы на QBasic).

Таким образом, исследуемый тип сочетаний предикативных единиц, имеющий в своем составе *ведь* с сочинительными союзами, уместен в разных стилях, а именно, как уже не раз отмечалось ранее, в таких высказываниях, в которых автор сообщения имеет целью аргументированно представить свою информацию, вовлечь адресата в дискуссию с целью убедить последнего в правоте суждения, создать непринужденность в восприятии информации.

Итак, возможны устойчивые сочетания лексемы *ведь* с сочинительными союзами *и, а, но, да*. Союз создает синтаксическую конструкцию, связывая ее компоненты. Второй союзный элемент активизирует внимание адресата на

второй части высказывания. Слово *ведь* по-разному взаимодействует с перечисленными сочинительными союзами, поэтому его употребление с каждым из этих союзов рассмотрим отдельно. В последующих параграфах первоначально даются некоторые общие сведения о сочинительном союзе, и только затем речь идет о союзных сочетаниях *сочинительный союз + ведь*. На наш взгляд, такая подача материала дает возможность наиболее ясно представить сходство и различие в выражении смысловых отношений одним союзом и союзными образованиями.

4.2. Союзное сочетание *и ведь* как выразитель смысловых отношений

Во всех лингвистических источниках относительно союза *и* сообщается, что основное назначение *и* — выражать отношение соединения, в широком смысле термина [Грамматика 1970: 664, РГ 1982, II: 617]. Считается, что *и* указывает лишь на наличие синтаксической связи между соединяемыми частями. Конкретные же семантико-синтаксические (соединительные, противительные, причинно-следственные, уступительные и др.) отношения выражаются в лексико-грамматическом наполнении частей сложного предложения [Гаврилова 1986: 93]. Возможность употребления союза *и* при выражении самых разных отношений связано с семантической нейтральностью союза [Стародумова 1988: 47]. Выделяются следующие значения *и*: соединительно-результативное, соединительно-следственное, соединительно-противительное, соединительно-уступительное [РГ 1982, II: 617].

К сказанному относительно союза *и* необходимо добавить, что эта лексема обладает не только синтаксическим типом значения (указывает на тип связи между частями предложения), но и коммуникативным. С коммуникативной точки зрения союз *и*, по наблюдениям лингвистов, является маркером информации, не являющейся неожиданной для слушателя, событие представляется как естественное, ожидаемое [Борисова 1990: 118]. М. В. Ляпон семантическую доминанту *и* определяет как «нет ничего удивительного в том, что А соединилось с В», а прагматическим инвариантом считает свойство «неудивляемости» [Ляпон 1986: 67]. Это прагматическое значение *и* сохраняется также в союзном сочетании *и ведь*.

Анализ языкового материала дает основания утверждать, что к числу наиболее частотных принадлежат присоединительные синтаксические конструкции со значением добавления, иначе говоря, соединительно-распространительные предложения. В таких предложениях вторая часть имеет характер дополнения к основному сообщению первой части.

(1) — *Эх, товарищ подполковник, — сказал он, — забил я себе голову службой, ни на что не отвлекался, какие бабы были, когда мы на Украине стояли, а на Кубани, боже мой... и ведь давали охотно, только мигни!* (В. Гроссман, Жизнь и судьба).

(2) «...*Неужели все-таки гардероб играет такую роль в жизни человека? — с интересом раздумывал Лаптев по дороге из булочной. — Стоило приобрести эти вещи — и будьте нате: улыбки, заигрывания, взгляды. А раньше? И ведь*

прыщи и те куда-то подевались, вот смех!» (Н. Катерли, Коллекция доктора Эмиля).

В предложениях со значением добавочного присоединения сочетание *и ведь* можно считать синтаксическим синонимом *к тому же*. В таких высказываниях с *и ведь* приводится, как правило, дополнительный аргумент, уточняющий ситуацию, подтверждающий мысль, оценку, суждение, содержащиеся в предтексте.

(3) *Мы всегда подолгу стоим у могилы Чехова, для меня — одного из самых великих. Ему я особенно благодарна за то, что он мне дал самое сильное счастье в моей театральной жизни, когда я играла в «Трех сестрах» с моими сестрами Одиль Версуа и Элен Валье. **И ведь**, снимаясь в фильме о Чехове — «Сюжет для небольшого рассказа», — я встретила тебя, полюбила и вышла за тебя замуж* (М. Влади, Владимир, или прерванный полет).

(4) *Она обещала мужу не видеться больше со Штурмом. Скажи Марья Ивановна хоть слово Людмиле, и он подолгу ничего не будет знать о ней, — где она, что с ней. Ведь они виделись так редко! **И ведь** встречи их были так коротки!* (В. Гроссман, Жизнь и судьба).

Вторая часть с *и ведь* может выполнять и присоединительно-комментирующую функцию. В таких синтаксических конструкциях содержание первой части каким-либо образом оценивается. Можно выделить присоединительно-комментирующие высказывания, указывающие на типичность ситуации. Причем это может быть как положительный комментарий ситуации (пример 5), так и отрицательный (пример 6). Нередко в этом случае используется выражение *и ведь характерно*. Встречаются также оценочные присоединительно-комментирующие предложения, в которых в начале присоединяемой части дается эмоциональная оценка говорящего (примеры 7, 8, 9).

(5) *Они не мыслят своего будущего без ЕС, а потому смею заявить, что для них 1 мая 2004 года уже давно наступило. **И ведь характерно** — вливаясь в европейское общество, акцептируя себя к европейской жизни, все эти девушки и парни хотят сохранить и свою русскую ментальность, берегут свою национальную принадлежность и гордятся ею, несмотря ни на что!* (газета «Молодежь Эстонии», 10/03/2004).

(6) *...Народу набежало смотреть — не протолкнешься, **и ведь что характерно**: все только смотрят и издают приветственные возгласы, а взяться и помочь усталым людям тащить — ни одного смельчака не нашлось...* (А. и Б. Стругацкие, Волны гасят ветер).

(7) — *Очень он мне был жалок сегодня, — подхватил Лаврецкий, — с своим неудавшимся романсом. Быть молодым и не уметь — это сносно; но состариться и не быть в силах — это тяжело. **И ведь обидно** то, что не чувствуешь, когда уходят силы* (И. Тургенев, Дворянское гнездо).

(8) — *А дочь Николая Артемьевича Стахова! Вот после и рассуждай о крови, о породе. И ведь забавно то, что она точно его дочь, похожа на него и на мать похожа, на Анну Васильевну* (И. Тургенев, Накануне).

(9) *Булкин первым в вертеп поспешает. Возьмет какую-нибудь, пардон, лахудру, что на физию пострашней и оттого, натурально, подешевле, нацепит на нее маску жены и после этого совестью совершенно чист. Говорил: может, я телом от верности и отклоняюсь, но духом нисколько. И ведь прав!* (Б. Акунин, Пелагея и черный монах).

В синтаксических конструкциях с *и ведь* оформляются и присоединительно-уступительные отношения. В этом случае наблюдается несоответствие между ожиданием и реальностью.

(10) *Власть, которой он присягал, не защитила его, бросила на произвол судьбы, ну и ляд с ней! И ведь он был когда-то членом партии* (Ю. Нагибин, Тьма в конце туннеля).

(11) *Девочке льстило, что годящийся ей в отцы красивый, седеющий мужчина, которому аплодируют в собраниях и о котором пишут в газетах, тратит деньги и время на нее, зовет божеством, возит в театры и на концерты и, что называется, «умственно развивает» ее.*

И ведь она была еще незрелую гимназисткой в коричневом платье, тайной участницей невинных школьных заговоров и проказ (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Таким образом, рассматриваемый нами союзный комплекс используется при выражении различных смысловых отношений. И этим он отличается от многих союзных комплексов типа *и только*, *и все-таки*, *и причем*, которые однозначно квалифицируют союзную связь, т.е. уточняют ее. Круг значений синтаксических конструкций с *и ведь* во многом пересекается с возможными высказываниями с союзом *и*, но не полностью. Так, например, нам не встретились примеры с соединительно-следственными, с противительными смысловыми отношениями.

В завершении разговора о союзном комплексе *и ведь* следует обратить внимание еще на один аспект. Анализ практического материала свидетельствует о том, что наиболее частотны синтаксические конструкции, в которых союзное сочетание *и ведь* начинает второе предложение, т.е. связывает два простых предложения, а не части сложносочиненного предложения. Сложносочиненное предложение же отличается от цепочки простых, по словам Г. Ф. Гавриловой, прежде всего своей прагматической характеристикой [Гаврилова 1984: 94], поскольку сложносочиненное предложение характеризуется семантико-синтаксическим равноправием частей, связанных в одно тесное смысловое и интонационное целое, а в тексте (при семантико-синтаксическом равноправии соединенных союзом частей) «содержание каждой предикативной части характеризуется отдельностью и самостоятельностью» [там же], т.е. первое высказывание не указывает на необходимость второго. Иначе говоря, и в этом случае идет указание на большую самостоятельность частей с союзным комплексом *и ведь*.

4.3. Союзное сочетание *а ведь* как выразитель смысловых отношений

Союз *а* — еще одно служебное слово с широким и отвлеченным значением. Вследствие этого синтаксические конструкции с союзом *а* могут сближаться в одних случаях с предложениями с конъюнктом *и*, т.е. способны выражать присоединительные отношения, а в других с союзом *но*, иначе говоря, выражать идею противопоставления [Грамматика... 1970: 667]. Однако необходимо отметить, что, несмотря на потенциальную неоднозначность союза *а*, он характеризуется, по сравнению с союзом *и*, большей определенностью [РГ 1982, II: 621]. «Русская грамматика» 1982 года выделяет три вида смысловых отношений, способных оформляться с помощью союза *а* без конкретизатора: сопоставительные, присоединительно-распространительные и отношения несоответствия. В соединении со вторым союзным элементом выражаются результативно-следственное, противительное, противительно-уступительное, противительно-возместительное или противительно-ограничительное отношения; а также отношения аргументирующие, уточняющие, факультативного присоединения и акцентирующие противопоставление или несоответствие [РГ 1982, II: 621–623]. С прагматической точки зрения сочинительный союз *а* можно считать маркером ввода новой информации [Борисова 1990: 118].

Обратимся непосредственно к союзным сочетаниям *а ведь*. В «Русской грамматике» 1982 года союзное образование *а ведь* рассматривается как оформитель аргументирующих смысловых отношений [РГ 1980, II: 623].

(1) — *Я все понимаю. Только жалко мне этих денег. Их в колхозе и так не хватает, не знаешь, как дыры заткнуть. А ведь вы потом сами с меня три шкуры сдерете, потому что я председатель* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Однако такую характеристику синтаксических конструкций с *а ведь* вряд ли можно назвать исчерпывающей, поскольку практически любое высказывание с *ведь* можно классифицировать как аргументирующее. В словаре под редакцией В. В. Морковкина дается несколько более детальное описание исследуемого союзного комплекса и выделяется противительно-уступительное и присоединительное значения сочетания *а ведь* [СССРЯ 1997: 25]. Но и этим не исчерпывается круг возможных значений союзного образования.

Сочетание *а ведь* может выражать сопоставительные отношения, т.е. указывать на различия между двумя субъектами, процессами, действиями.

(2) *Черные томики на полке — а ведь белые листы еще не початы. И вот надо бы скорее начать* (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

(3) — *Да, вот ты шутишь — а ведь ему в самом деле тяжело* (Ф. Сологуб, Тяжелые сны).

(4) *Альфа, та не терзалась никакими проблемами и комплексами, бегала как сумасшедшая по сугробам, гавкала на пни, кралась за вороной, и ничего ей*

было не нужно, **а ведь** могла бы тосковать и сетовать на неудачную свою женскую судьбу (Н. Катерли, Дорога).

(5) *Нынче его на корабли повело, **а ведь** ранее он этим делом нисколько не занимался* (Ю. Герман, Россия молодая).

(6) *До того хорошо было у Шергина, что мы порой забывали, зачем пришли, **а ведь** пришли, чтоб послушать самого хозяина. Борис Викторович Шергин был великий певец* (Ю. Коваль, Веселье сердечное).

Выражение сопоставительных отношений через союзный комплекс *а ведь* сочетается и с выражением отношений несоответствия. В таких высказываниях сообщается о сосуществовании двух явлений, одно из которых трудно совместимо с другим. Тем самым такие синтаксические конструкции близки к противительным предложениям. Смотри примеры (4, 5, 6), а также (7):

(7) *Ему 85 лет, **а ведь** он каждый день ходит в бассейн* (из радиопередачи 12/02/2004).

С *а ведь* могут оформляться и присоединительно-распространительные смысловые отношения, при которых вторая часть дополняет первую, уточняет ее или же развивает, продолжает предшествующее сообщение:

(8) *Я понимаю, он, очевидно, уже готов был бы остановить это дело. Слишком большая тяжесть. **А ведь** здоровье уже не то... Но снова и снова приходят письма от ребят* (газета «Эстония», 21/12/1999).

(9) *Она села с ногами в другое кресло, и я залюбовался. **А ведь** чуть не упустил ее тогда, чуть мимо не прошел...* (А. Громов, Мягкая посадка).

Приведенные ранее примеры будут правильными и с одиночным союзом *а*. Слово *ведь* может быть свободно выведено из синтаксической конструкции. При этом в высказываниях происходят лишь некоторые изменения, связанные с индивидуальными семантическими особенностями частицы *ведь*.

В то же время в русском языке с помощью *а ведь* могут оформляться и смысловые отношения, несвойственные сложносочиненным предложениям с одним союзом *а*. Так, например, в сложных предложениях с *а ведь* могут передаваться смысловые отношения противительно-уступительного характера. Такие предложения характеризуются тем, что при определенных условиях, изложенных в первой части, отсутствует закономерно вытекающее из них следствие. *Ведь* в сложных предложениях анализируемого типа по своему значению приближается к словам *все-таки*, *все же*, употребляемым в сложных предложениях с союзами *а*, *но*, *да*, *и*, и выступает как их синтаксический синоним [Скорлуповская 1964: 89]. Поэтому возможна взаимозамена этих слов.

(10) *Тень отца говорит Гамлету о загробных тайнах, о Боге, о мести и крови. Марфа Петровна ни о каких тайнах не говорит, только о часах в столовой. **А ведь** мы опять-таки чувствуем, что в этих словах есть, действительно*

грозная тайна (Д. Мережковский, Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники).

(11) *Он, Петр I, с потом и кровью втаскивал Россию в другую цивилизацию. Ему эта другая цивилизация нравилась. А людям? Вспомните, на каких костях построен Петербург. А ведь Петра считают великим* (газета «Молодежь Эстонии», 12/03/04).

(12) *Ведь я с ней и десяти минут не говорю, а ведь я бы ей любой опыт доверил и не ошибся* (Г. Николаева, Жатва).

(13) *Сгорел только один квартал, а ведь был ветер...* (А. Чехов, Три сестры).

(14) *Как все это странно... Знаешь — в школе за мной ухаживали настойчивее и больше, чем за ней, а ведь я рядом с ней почти урод* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Интересно отметить, что нам встретились и такие примеры, в которых комплекс *а ведь* оформляет противительно-возместительные отношения. В этих синтаксических конструкциях *ведь* приближается по своей функции к слову *зато* и является его синтаксическим синонимом.

В исследуемых конструкциях говорящий в первой части сложного предложения (или в первом предложении) указывает на негативную сторону чего-либо, а во второй части (или во втором предложении) с комплексом *сочинительный союз + ведь* обращает внимание на положительное качество, действие, явление чего-либо. Информация во второй части подается как более значимая, компенсирующая и покрывающая то, о чем сообщалось в предыдущем высказывании. Причем «содержание частей конструкции говорящий оценивает так называемыми чистыми оценками: отрицательной и положительной» [Усова 1985: 140].

(15) *Молод был. Разве что только молод был [плохо] ... А ведь как изучал в семинарии историю Христа — переносил Его муки на себя в такой степени, что плакал навзрыд, когда прочёл, как в Гефсиманском саду Его предал Иуда! [хорошо]* (Ч. Айтматов, Плаха).

Подводя итог всему сказанному, отметим, что с помощью союзного сочетания *а ведь* могут оформляться разнообразные отношения, которые во многих случаях характерны и для одиночного союза *а*, но в некоторых случаях комплекс *а ведь* выражает и смысловые отношения, не типичные для одного союза *а*, т.е. *ведь* способна выполнять функцию конкретизатора, уточнителя.

4.4. Союзный комплекс *а то ведь* как выразитель смысловых отношений

В русском языке можно встретить и синтаксические конструкции, вторая часть которых начинается с союза *а то*. В научной литературе предложения с этим союзом получили название предложений альтернативной мотивации [РГ 1982, II: 628; Стеценко, Холодов 1980: 109; Черемисина, Колосова 1987: 68;

Ляпон 1986: 78]. Союз *a to* обладает определенной спецификой, предложения с этим союзом «формируются при участии прагматического фактора: ситуация, вводимая союзом, оценивается, как правило, негативно как нежелательное следствие, в предотвращении которого заинтересован говорящий и (или) адресат» [Ляпон 1986: 80]. В качестве присоюзного элемента союза *a to* часто выступает лексема *ведь*, поскольку цель таких высказываний — предотвратить нежелательную ситуацию, повлиять на собеседника с помощью приводимого во второй части довода, аргумента. Эти синтаксические конструкции наиболее характерны для разговорной речи.

Рассмотрим несколько подробнее смысловые отношения, выражаемые комплексным соединением *a to ведь*. Союзный комплекс *a to ведь* может указывать на то, что несовершенство какого-либо действия, названного в первой части, неизбежно вызовет другое действие, названное во второй части. Тем самым это сочетание можно считать синтаксическим синонимом союза *иначе*. В этих предложениях, состоящих из двух предикативных единиц, в первой предикативной единице глагол представлен, как правило, в форме повелительного наклонения, а во второй предикативной единице обычно глагол в форме будущего времени.

(1) *Сегодня же зайди к нему, а то ведь он обидится* (из живой речи).

(2) *Ну, Таня-Танюшка, Татьяна трах Ильинична, уж не подведи, старая боевая лошадь... а то ведь повешу, на твоём же крючке от твоей же люстры и повешу...* (М. Веллер, Приключения Майора Звягина).

Вторая часть с *a to ведь* может указывать на неизбежность того, что могло бы произойти, если бы не было выполнено действие, о котором говорилось в первой части. В этом случае вторая часть представлена союзным сочетанием *a to ведь* и глаголом в форме сослагательного наклонения:

(3) *Астафьев, подойдя вплотную, поднял руку и приготовился. В тот момент, когда мышь высунула мордочку изнутри, готовясь пробраться в камеру, Астафьев легонько щелкнул ее пальцем между дрожащими усиками, и мышь с писком шлепнулась на подоконник. <...> А то ведь эта шельма опять съела бы хлеб* (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

Собранный иллюстративный материал позволяет согласиться с мнением М. В. Ляпон, что союз *a to (ведь)* способен выражать отношения мотивации вне альтернативы [Ляпон 1986: 80]. В этом случае вторая часть указывает на причину того, о чем говорится в главной части. Придаточная часть «прямо аргументирует утверждаемое в предшествующей части» [там же].

(4) *Была когда-то в Русском драмтеатре хорошая традиция – остаться после премьеры и поговорить об увиденном, похвалить или поспорить. А то ведь профессиональная критика порой неожиданна в своих оценках* (газета «Молодежь Эстонии», 04/12/2001).

(5) — *Сделай мне web-сайт, а то ведь я не умею* (С. Кучеренко, Школа).

(6) — *И чтобы завтра же был загон возле телятника, а то ведь это ужас — телята все лето взаперти* (Ф. Абрамов, Дом).

Однако в предложениях прямой мотивации ощущаются следы альтернативы, заложенные союзом *а то*, «по-видимому, этот факт препятствует замене союза *а то* союзом *потому что*» [Ляпон 1986: 80]. На это же указывает и В. А. Белошапкова, высказывающая мысль о том, что замена *а то* на *потому что* возможна, но вызывает существенные сдвиги в семантике предложения [Белошапкова 1970: 20]. Интересно отметить следующий факт: по мнению М. В. Ляпон, из существующих экспликаторов причинных отношений наиболее близким аналогом *а то* является *ведь*, который указывает на «очевидный факт, неопровержимую истину, используемую как обоснование утверждаемого в предшествующей части» [Ляпон 1986: 80–81], т.е. делается акцент на семантической близости этих лексем. Релятив *ведь*, по ее мнению, выступает как актуализатор каузации. Поэтому и частотны в русском языке союзные соединения типа *а то ведь*. Обратим внимание и на то, что в таких высказываниях возможно опущение как союза *а то*, так и *ведь*, без разрушения семантического смысла высказывания.

(7) — *Давайте заканчивать педсовет, а то ведь / а то / ведь уже поздно* (из живой речи).

Академическая грамматика 1980 года выделяет «синтагматически связанные двухместные соединения», куда входят: *добро бы... а то (ведь)*, *ладно бы / хорошо бы... а то (ведь)*, *если бы / кабы... а то (ведь)* [РГ 1980, I: 719]. Первая часть таких составных союзных образований — это модально-оценочные слова *ладно*, *добро*, *хорошо* с частицей *бы* или союзы *если* с той же частицей *бы*, разговорный устаревший *кабы* (частица *бы* есть уже в самой морфологической структуре), а вторая часть — *а то ведь*. Таким образом, в синтаксических конструкциях с этими двухместными соединениями первая часть высказывания выражает готовность участника коммуникации допустить некоторое условие, которое могло бы оправдать основное событие, а вторая часть указывает на несоответствие действительного положения дел выдвинутому условию. Следовательно, такие предложения можно охарактеризовать как условно-противительные.

(8) — *Михаил не успел еще и сообразить что к чему, а уж кругом — ха-ха-ха! го-го-го! И добро бы потешались, глотку надрывали его недруги, скажем такой прохвост и жулик, как Ванька Яковлев, первая опора Таборского среди механизаторов, а то ведь и Филя-петух блял, и Игнат Поздеев зубы напоказ* (Ф. Абрамов, Дом).

(9) — *Ладно бы дурак был, тогда все понятно, а то ведь умный мальчик* (из живой речи).

(10) — *И ладно бы хоть за дело, а то ведь ни за что погонят* (Б. Акунин, Статский советник).

(11) — *Черта на него пало! Кабы пало, разве бы молодую жену в деревне оставил? А то ведь он недельку пожил, ребенка заделал да на города — итанами красными трясти* (Ф. Абрамов, Дом).

(12) — *...Орет на цензуру, вольнолюбие да и только, — а сам разве не вводит цензуру? И притом если бы сам не был пасквилянт. А то ведь пасквили и пасквили* (Ю. Тынянов, Смерть Вазир-Мухтара).

А то ведь присоединяет и часть, в которой указывается на реальное условие, делающее правомерным высказываемое ранее утверждение, а предполагаемое условие, которое делает это утверждение неправомерным, указывается непосредственно перед союзным сочетанием *а то ведь*.

(13а) *Другие, кто порасторопней, постарались выскочить до двадцати да уж и детей понарожали... И не было обидно, была бы хуже других, а то ведь нет* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

(14а) *Кто сироту посватает? Был бы я богат, а то ведь, сам знаешь, всего имения, что рухлядишки вот в дому* (Ю. Герман, Россия молодая).

(15а) *За такой короткий срок этот план не выполнишь: было бы у нас пять уроков в неделю, а то ведь всего три* (из живой речи).

Эти синтаксические единства (примеры 13а, 14а, 15а) можно разбить на три части, в которых первая и третья имеют причинно-следственные отношения:

(13б) *И не было обидно, потому что не хуже других.*

(14б) *Никто сироту не посватает, потому что всего имения, что рухлядишки в дому.*

(15б) *За такой короткий срок этот план не выполнишь, потому что у нас всего три урока.*

Итак, мы рассмотрели функционирование союзного сочетания *а то ведь* в предложении. Выяснилось, что конструкции рассматриваемого типа разнообразны, а их части взаимообусловлены, т.е. ни одна из них не является автосемантической. *Ведь* в таких синтаксических конструкциях не является обязательным компонентом, тем не менее регулярно встречается ввиду наличия определенных семантических точек пересечения — введения аргумента, объяснения ситуации.

4.5. Союзное сочетание *но ведь* как выразитель смысловых отношений

Союзом *но* выражается значение противопоставления. Противительные отношения характерны для рядов, один признак которых может быть противопоставлен другому как в каком-либо отношении его ограничивающий или восполняющий [РГ 1982, II: 170]. Все предложения с союзом *но* делятся на

четыре группы: противительно-ограничительные, противительно-возместительные, противительно-уступительные и распространительно-присоединительные [РГ 1982, II: 623].

Ведь, сочетаясь с *но*, может придавать второй части характер возражения [Скорлуповская 1964: 89; РГ 1982, II: 625]. Значение возражения не является привнесенным в содержание предложения частицей *ведь*. Оно создается из экспрессивного значения, выражаемого частицей, и реального содержания частей предложения. Последнее и создает возможность отношений противительного возражения. Таким образом, *но*-предложения акцентируют внимание на противоположности явлений, событий, фактов и т.д., на их противоречии. *Ведь* указывает на очевидность, убежденность говорящего. Особенно ярко значение возражения выражено в диалоге, в котором один из участников коммуникации выдвигает какое-либо требование, говорит о каком-либо значимом событии, факте, а другой собеседник начинает свою речь с союзного комплекса *но ведь*, указывая на известный ему противоположный факт, т.е. возражает.

(1) — *Дело дрянь, — сказал Виталька, усаживаясь на влажное после дождя бревно. — Переполох подняли страшный. Твоя продала и тебя и меня. Вызывали милицию, написали акт.*

— **Но ведь** нашли замазку....

— *Дело не в замазке, хотя и в этом тоже...* (Е. Дубровин, В ожидании козы).

(2) — *Основная тема для тебя была и остается основной, ты меня понял?*

— **Но ведь** обстановка же изменилась (А. Громов, Мягкая посадка).

Значение возражения часто выражается в синтаксических целых, в которых первая часть — риторический вопрос, а вторая — повествовательное предложение с *но ведь*. Такие высказывания всегда эмоционально насыщены. Утверждение в риторическом вопросе экспрессивно, оно сопровождается эмоциональной реакцией протеста, отрицания. К нему присоединяется высказывание с *но ведь*, которое возражает подразумеваемому ответу.

(3) *Другое дело — суметь отвлечь от этого преступного промысла и увидеть подлинность счастья в другом. Как это было бы прекрасно! Но в чем они должны увидеть свое счастье? В наших рекламируемых ценностях? Но ведь* они порядком обесценены и вульгаризированы (Ч. Айтматов, Плаха).

(4) *С другой стороны, кто может сказать, что выследил глубину этих погибших сердец и прочел в них сокровенное от всего света? Но ведь* можно же было, во столько лет, хоть что-нибудь заметить, поймать, уловить в этих сердцах, хоть какую-нибудь черту, которая свидетельствовала о внутренней тоске, о страдании (Ф. Достоевский, Записки из Мертвого дома).

В то же время в предложениях с *но ведь* значение возражения выражается не всегда, возможно и только указание на очевидность противоречия между фактами, событиями. Такое употребление *но ведь* характерно при описании ситуаций, связанных с размышлениями.

(5) — *Во-первых, это мой путь, который я избрал, а, во-вторых, вы ответили на самый замечательный вопрос: даже королева со всем ее этикетом — человек, и ей тоже хочется, вернувшись домой, сбросить все эти шлейфы и ощутить себя просто женщиной, просто человеком, потому что все мы — люди. Поэтому в нашем деле не бывает возвышенного и приземленного, бывает, конечно, низменное, но ведь до него мы не опускаемся* (газета «Молодежь Эстонии», 08/12/2001).

(6) *Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо бы тоже взять копье... Но ведь это дело Дика. Несправедливость этой мысли была очевидна Олегу, но можно было утешить себя тем, что его дело в другом* (К. Булычев, Поселок).

Если обратиться непосредственно к тем смысловым отношениям, которые оформляются союзным сочетанием *но ведь*, то выяснится, что и здесь они довольно разнообразны. *Но ведь* употребляется в предложениях, в которых содержание второй части как бы препятствует реализации того, о чем сообщается в первой части, или же уточняет, ограничивает содержание первой части, высказанное в более общем плане [Холодов 1974: 74], т.е. комплекс *но ведь* может участвовать при выражении противительно-ограничительных отношений.

(7) *Разумеется, рядом с ней был Таишчайнар, несокрушимая сила и опора, но ведь умирает каждый за себя...* (Ч. Айтматов, Плаха).

(8) *Да я и не знаю к кому обратиться... из родственников осталась тетя Маша, но ведь она сейчас не здесь, а в Америке* (С. Кучеренко, Школа).

Заложенное в высказывании ограничительное значение эксплицируется и лексемой *только*. При этом *ведь* может как занимать позицию между двумя служебными лексемами *но* и *только*, так и находиться в постпозиции *только*:

(9) *Вот сейчас придет мой муж с поисков работы, усталый, голодный, а что я дам, кроме моих поцелуев? Но только ведь поцелуями сыт не будешь, нет* (Л. Андреев, Жизнь человека).

(10) *Мне нравятся все весенние месяцы. Но ведь только в апреле все начинает цвести* (из живой речи).

Но ведь в противительных предложениях может указывать и на несоответствие, на необычность проявления одних фактов в сочетании с другими или же на несовмещении несовместимых с точки зрения формальной логики фактов:

(11) *Ты меня упрекал вначале, что она говорит мне «вы» в ответ на мое «ты» и величает меня по имени-отчеству, точно и меня это не угнетало. Но ведь давно более глубокая нескладица, лежащая в основе этой неестественности, устранена, все сглажено, равенство установлено* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

(12) *В бреду? Но ведь ты все помнишь — прервал Разумихин* (Ф. Достоевский, Преступление и наказание).

(13) *Погоди. А что, собственно, произошло? Почему она? Узнала, услышала наконец про его дела на работе... но ведь она — в Свердловске...* (Н. Катерли, Коллекция доктора Эмиля).

(14) *Нельзя говорить о христианстве формальной логики, но ведь нельзя и молчать* (Д. Мережковский, Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники).

Специфика сложносочиненных предложений с *но ведь* во второй части проявляется в том, что для них, как правило, важен более широкий контекст. Первая и вторая части сложносочиненного предложения имеют противительный характер. Предшествует этому сложносочиненному предложению обычно высказывание небольшое по объему, в котором дается какая-либо характеристика, выдвигается тезис, затем поясняемый в сложносочиненном предложении с *но ведь*. Причем именно во второй части с *но ведь* говорящий мотивирует выдвинутый в предыдущем предложении тезис.

(15) *Странный человек. Живет он тихо-мирно, приветлив, но ведь никто к нему не заходит* (из живой речи).

(16) *Не понимаю, что с ней могло случиться. Все неполадки на 100% устранены, но ведь машина не работает* (А. Лупан, Рассвет).

Таким образом, *но ведь* указывает не только на несоответствие второй части первой, но и на связь с предыдущим контекстом. А все сложносочиненное высказывание служит аргументом, пояснением ситуации в целом. При этом предыдущее предложение изначально как-то характеризует ситуацию.

Комплекс *но ведь* активно используется и в предложениях с противительно-возместительными смысловыми отношениями между частями сложносочиненного высказывания. Широкое употребление этого союзного сочетания в таких сложносочиненных предложениях связано, по-видимому, с тем, что в них вторая часть конкурирует по своей важности с первой, а следовательно, говорящий в первой части, указывая на какую-либо негативную сторону, хочет привлечь внимание собеседника прежде всего ко второй части — положительной — более значимой с точки зрения отправителя сообщения:

(17) *Я обворовал ближнего, но ведь там, на фронте я рисковал жизнью* (М. Шолохов, Тихий Дон).

(18) — *Конечно, у Ивана Ивановича бывают смертные случаи, но ведь он и оперирует на сердце больше всех* (А. Коптяева, Дерзание).

В таких высказываниях комплекс *но ведь* вводит, с прагматической точки зрения, элемент оправдания, т.е. во второй части смягчается отрицательная оценка фактов первой части.

(19) *Мы могли бы в одну минуту проиграть свой трояк, но ведь без риска не было бы шанса выиграть* (В. Катаев, Алмазный венец).

(20) *Да разве мне хорошо, Коля? Ну да, я боюсь, у меня нет храбрости, как у других, **но ведь** я же такая молоденькая!* (Л. Андреев, Дни нашей жизни).

Уступительно-противительные отношения вместе со значением возражения оформляются в синтаксических конструкциях с *пусть...*, *но ведь*; *правда... но ведь*:

(21) *«Константинополь должен быть наш», — неожиданно заключает Достоевский проповедь о смиренном «всеслужении» русского народа человечеству. «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки», — повторяет он во время русско-турецкой войны. «Спасение именно в том, если Россия займет навеки Константинополь одна, для себя, за свой счет. Вовсе не для политического захвата и насилия».*

Пусть «не для», но ведь и не без «политического захвата и насилия» (Д. Мережковский, Пророк русской революции).

(22) *Не специально ли его подослали? Правда, на вид он вроде бы и не похож на такого, которого можно было подослать. Но ведь и те, кто посылает, тоже не дураки, они такого и не пошлют, чтобы сразу было видно, что он подослан* (Г. Немчинов, Колка дров: двое умных и двое дураков).

(23) ***Правда**, больничная койка и активировка в медицинской комиссии не зависели от врача, выдающего путевку, **но важно ведь** было начать этот путь* (В. Шаламов, Колымские рассказы).

К этому можно добавить, что в анализируемых сложных предложениях с *но ведь* во второй части сложного предложения могут присутствовать и другие (различные) вводные слова, выражающие разную степень уверенности в истинности сообщаемого: *конечно... но ведь, пожалуй... но ведь, кажется... но ведь*. По наблюдениям М. И. Черемисиной и Т. М. Колосовой, такие модальные слова обнаруживают тенденцию «к превращению в корреляты двухместных скреп, подстраиваясь в ряд с уступительными союзами» [Черемисина, Колосова 1987: 174]. Согласно их мнению, в первой части высказывания с названными модальными словами как бы заранее готово место для оговорки, поскольку «подлинная достоверность выражается простым сообщением безвсяких усилителей» [там же].

(24) ***Конечно**, я себя уронил и амбиция моя пострадала, **но ведь** этого никто не знает из посторонних-то, никто, кроме вас, не знает...* (Ф. Достоевский, Бедные люди).

(25) ***Конечно**, он действовал бессознательно, **но ведь** натура и сказывается в таких вещах, которые делаются бессознательно* (Н. Чернышевский, Что делать?).

(26) ***Кажется**, факт пустой: полюбовался две минуты красивой статуей и пошел прочь. **Но ведь** это любованье не похоже на любованье дамским туалетом* (Ф. Достоевский, Господин — бов и вопрос об искусстве).

(27) *Это бы, пожалуй, ничего, оно так и должно быть; но ведь он выиграл на его счет* (И. Гончаров, Обыкновенная история).

Заметим, что второе высказывание с *ведь* выступает как аргумент. А усиление аргументации, по словам В. Г. Гака, часто достигается «с помощью «ораторской предосторожности» — оговорок, благодаря которым говорящий выступает как объективный судья, так что повышается доверие к его словам» [Гак 1997б: 93]. В конструкциях с *ведь* оговорка предшествует аргументу.

Комплекс *но ведь* употребим и в предложениях с ослабленной противительной семантикой. В этих случаях союзное сочетание выступает в присоединительной функции; во второй части намечается «поворот в изложении мысли, более или менее резкий переход к новой теме» [Холодов 1974: 76].

(28) *С тех пор не житье мне, Юра. Нет душе покоя от жалости и муки. Но ведь я не говорю, не открываю главного* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

В присоединенной части нередко выражается элемент оценки, что тоже свидетельствует о добавочной информации.

(29) *Возможно, иначе ничего великого в жизни не создать, но ведь это ужасно* (Д. Гранин, Иду на грозу).

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что союзный комплекс *но ведь* в сложносочиненном предложении допускает выражение довольно разнообразных отношений между сочиненными частями. Изъятие лексемы *ведь* из синтаксической конструкции не означает абсолютного разрушения смысла предложения, а приводит лишь к некоторому изменению семантики высказывания: утрачивается специфическая окраска, вносимая в предложение частицей.

4.6. Союзное сочетание *да ведь* как выразитель смысловых отношений

В научной литературе союз *да* рассматривается как разговорный, близкий, с одной стороны, к соединительному союзу *и*, а с другой — к противительным союзам *но*, *а*.

Относительно сочетания *да ведь* в «Словаре структурных слов русского языка» сообщается: противительный союз, с разговорным оттенком [СССРЯ 1997: 91], т.е. употребляется для соединения предложений или частей сложносочиненного предложения, вторая часть которого противоречит первой.

(1) Кнуров: *Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандашева, совсем женихов не было?*

Вожеватов: *Были, да ведь она простовата* (А. Островский, Бесприданница).

(2) — *Прости, отче! Да ведь заругаешься, коли корабль плохо построим!* (Ю. Герман, Россия молодая).

(3) — Оно, конечно, дело так. **Да ведь** пока они выучатся, молодые-то, вам их поить-кормить надо (В. Закруткин, Сотворение мира).

Высказываниям с *да ведь* свойственна экспрессивность. В таких синтаксических конструкциях наряду с противительностью часто выражается и возражение собеседника, при этом маркируется отсутствие единства мнений у слушающего и говорящего, осуждение слушающего за это [Скорлуповская 1964: 89; Безяева 2000: 47]. Такая ситуация проявляется, прежде всего, в ответных репликах, начинающихся с *да ведь*.

(4) — А потом, говорит, войну навсегда прикончим и станем землю отымать. — **Да ведь** ты покончил свою войну, убеги! (М. Осоргин, Сивцев Вражек).

Кроме того, в ответной реплике с союзным сочетанием *да ведь* может выражаться и значение оправдания. Обычно в таких высказываниях также маркируется отсутствие единства знаний.

(5) Паратов: Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?
Вожеватов: **Да ведь** я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет (А. Островский, Бесприданница).

Следует обратить внимание и на тот факт, что комплекс *да ведь* нередко вставляется во фразеологический оборот. Это неудивительно, поскольку обе служебные лексемы в отдельности активно функционируют в разговорной речи и принимают участие во фразеологии. Соединение этих двух лексем, с одной стороны, помогает выразить свое эмоциональное индивидуальное мнение, а с другой — показать очевидность высказываемой мысли.

(6) Кобылка сива не очень красива, **да ведь** тебе же с ней не спать, а землю пахать (М. Шолохов, Поднятая целина).

(7) Толк-то есть, **да ведь** не втолкан весь (С. Аксаков, Семейная хроника).

(8) Всё добро, **да ведь** не всякому на пользу (А. Лупан, Рассвет).

В сложных конструкциях рассматриваемого типа вторая часть с *да ведь* может иметь и присоединительный, добавочный характер. Значение присоединения между частями помогает оформлять также усилительная частица *и* во второй части высказывания. Специфика этих построений аналогична синтаксическим конструкциям с союзом *да и*: они вводят информацию, не предусмотренную заранее говорящим. Причем информация, заключенная во второй части, может быть не менее значима, чем в первой части сложного предложения или сложного синтаксического целого. Присоединительная часть выступает с *да ведь и* как аргумент.

(9) Свобода прямо противоположна необходимости, свобода есть преодоленная необходимость. Прогресс в основе своей есть прогресс человеческой свободы. **Да ведь и** сама жизнь есть свобода, эволюция свободы (В. Гроссман, Все течет).

(10) *Протопопов — как будто отвел всем глаза, пробрался к власти как бледная нежить. Да ведь и Кривошеин его когда-то рекомендовал в товарищи министра...* (А. Солженицын, Март Семнадцатого).

Присоединительное значение второй части с союзным сочетанием *да ведь* может передаваться также без помощи союзной частицы *и*:

(11) — *Из темницы-то людей ослобонить, какое дело разлюбезное! Двери-то железные перед ними раскрыть! А? Водочки им дать хлебнуть по глоточку, гусем закусить. Да ведь такие люди за тобой хоть в самый что ни на есть ад взойдут, не моргнувши, ей-ей, верно говорю...* (Ю. Герман, Россия молодая).

(12) — *Ну, а что же делать, Нюрка? Ведь это же такое говорят, да ведь это стыд просто* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Хочется еще раз подчеркнуть, что несмотря на то, что лингвистами и отмечается разговорный оттенок союзного сочетания *да ведь*, тем не менее оно может быть использовано и в научно-популярных текстах, публицистике. В этих случаях автор вовлекает слушателя в свое повествование, обращает внимание на очевидность высказываемых доводов.

(13) *Содержание понятия также состоит из обобщенных признаков предмета, но уже только самых важных, существенных, необходимых для опознания вещи и по возможности истинных. В содержании понятия, например, о столе будут указаны самые необходимые признаки: плоскость и опора ножек, в значении же слова СТОЛ таких признаков больше, да ведь и самих столов во всем их разнообразии множество* (В. Колесов, Мир человека в слове Древней Руси).

(14) *Путь туда долгий. Сотни песен вспомнили — по одному куплету. Сотни улыбок засветили. И в свете этом вдруг стало всем видно: да ведь мы — хорошие люди, оказывается, все человеческое и доброе живет в каждом из нас КАК НОРМА, даже если мы об этом старались забыть...* (газета «Утро», 23/04/2003).

Таковы основные особенности употребления слова *ведь* в качестве присоюзного элемента.

Анализ фактов совместного употребления союзов и лексемы *ведь* позволяет утверждать, что сочинительные союзы и *ведь*, обладая не противоречащими друг другу значениями, по-разному функционируют в предложении, но при этом употребление и тех, и других служебных слов диктуется коммуникативной установкой конкретного высказывания. Союз организует конструкцию и является выразителем ее значения, а *ведь*, включаясь в содержание высказывания, подчеркивает и конкретизирует смысловые отношения на коммуникативном уровне.

ГЛАВА 5. ЧАСТИЦА *ведь* В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В настоящей главе представлены наши наблюдения над особенностями перевода русской частицы *ведь* на эстонский и итальянский языки, прежде всего, в художественных текстах. Хотя языковой материал в рамках одного функционального стиля не дает полного представления о том, как частицы функционируют в том или ином языке, но обнаружить некоторые тенденции перевода частицы на другой язык все-таки можно. На данном этапе работы нас интересовали частотные переводы частицы *ведь*. Как известно, буквальный перевод возможен не всегда, особенно если речь идет, во-первых, о художественном тексте, который представляет вторичную реальность, и, во-вторых, о таких прагматически направленных единицах, как частицы. Однако очевидно, что хороший переводчик стремится найти адекватную замену, с тем чтобы сохранить прагматическую направленность текста. Это важно при переводе частиц, которые по сути дела обладают прагматической семантикой.

Прежде чем непосредственно перейти к результатам проведенного нами анализа, необходимо охарактеризовать теоретический фон исследования.

5.1. О термине «частица» в грамматиках эстонского и итальянского языков

Значимость сопоставительного анализа различных языков признается всеми лингвистами, поскольку «контрастивные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие этими процессами» [Ярцева 1981: 4]. Сопоставительное изучение важно не только для усвоения иностранного языка, но и для лучшего понимания особенностей родного языка [Щерба 1947]. В любом языке важно все, каждая языковая единица. Следовательно, при сопоставительном описании необходимо учитывать все элементы языка, т.е. единицы любого уровня языка. Изучение частиц в сопоставительном аспекте важно прежде всего потому, что они служат главным образом для выражения значений коммуникативного плана, а именно для обозначения различных отношений говорящего к содержанию высказывания в целом или к какой-то его части. Коммуникативная значимость частиц и определяет необходимость их изучения в различных языках, так как понимание, например, разговорной речи без знания частиц будет неизбежно ущербным, поскольку они и в количественном и в качественном отношении составляют весьма существенную часть обыденного разговора [Земская 1979: 88–93].

Как уже говорилось ранее (см.: Глава 1, § 1) в русской лингвистической традиции понимание термина «частица» претерпело существенные изменения. Долгое время этот термин в грамматиках русского языка понимался широко, т.е. к партикулам причисляли все служебные слова. Узкое же понимание частиц как отдельного класса слов со специфическим значением окончательно закрепилось лишь в XX веке после трудов В. В. Виноградова.

Что касается грамматики эстонского языка, то существующим в ней термином партикула (эст. *partikkel*) обычно обозначаются все неизменяемые слова (наречия, предлоги, союзы и т.д.), т.е. частицы здесь не рассматриваются в качестве самостоятельной части речи [Tauli 1972 I: 91; EKG 1995 I: 18].

Таким образом, в эстонской грамматике — в отличие от русской — понятие «частица» оказывается более широким. В то же время с частицами русского языка соотносятся слова, которые в эстонской грамматике классифицируются как *modaaladverbid* или *rõhumäärsõnad*, т.е. модальные или акцентирующие наречия [EKG 1995, I: 39; Erelt, Erelt, Ross 2000: 145–146]. Лексические единицы этой группы в эстонском языке выполняют функцию разнообразных коммуникативных характеристик высказывания. Они фокусируют внимание адресата либо на целом предложении, либо на его части.

Особое понимание термина «частица» (итал. «*particella*») представлено в итальянских грамматиках. Частицы в грамматиках итальянского языка не выделяются в отдельный класс слов. Однако частицей может быть названа любая лексема, которая разделяет следующие просодические, морфологические и семантические особенности: а) с просодической точки зрения, слово не должно быть ударяемо в высказывании; б) по морфологическому признаку *частица принадлежит к различным неизменяемым группам* <выделено нами — Н. В.> (наречие, предлог, союз, междометие); с) с семантической точки зрения частица служит для того, чтобы подчеркнуть, сделать более очевидными мысли, действия и т.п., приводимые в высказывании [Beccaria 1996: 547–548]. Интересно отметить, что в итальянской грамматике при употреблении термина «частица» значимым оказывается также указание на то, к какой части речи то или иное слово относится: к наречию, союзу, местоимению и т.д., иначе говоря, лексема дается с указанием соотношения с той или иной частью речи (напр., *ne* — *particella pronominale* 'местоименная частица', [Beccaria 1996: 548–549; Seriani 1997: 353], *pure* — *particella congiuntiva ed avverbiale* 'союзная и наречная частица' [Miot 1987: 607]).

К сказанному хотелось бы добавить, что в итальянских грамматиках можно встретить и еще более широкое понимание термина «частица». Так, Д. Дубоис дает следующее определение термину «частица»: «это не автономная грамматическая морфема, которая вместе с лексической морфемой формирует акцентное единство или слово. Под понятием «частица» группируют часто аффиксы (суффиксы, префиксы), отрицательные наречия (как франц. *ne*) <...> предлоги (как итал. *di*) и т.д.» [Dubois 1979: 217]. Иначе говоря, под этим термином, могут также пониматься и части слова (различные аффиксы), и некоторые служебные слова, выделяемые в русской морфологии в отдельный класс слов (напр., предлоги).

Таким образом, в грамматиках сопоставляемых языков наблюдаются существенные расхождения в понимании интересующего нас термина. В русской грамматике под этим термином понимается отдельный класс слов, в эстонской — все неизменяемые слова, в итальянской — частицами называют отдельные лексемы. Причем в русских, эстонских и итальянских грамматиках наблюдаются расхождения и в способе уточнения грамматической информации частиц. Для итальянских грамматик оказывается значимым, к какой части речи та или иная лексема близка по своим функциям. При выделении классов тех или иных частиц в русском языке в основу положен функционально-семантический признак, который важен и при выделении «модальных наречий» в эстонском языке.

Итак, термин «частица» в сопоставляемых языках существует, но в грамматиках этих языков в это понятие вкладывается разный смысл.

С учетом указанных теоретических положений и была рассмотрена лексема *ведь* и ее эстонские соответствия. Первоначально мы проанализировали каким образом переводится служебное слово *ведь* в лексикографических источниках. Выяснилось, что объемы частиц в русском, эстонском и итальянском языках не совпадают. Так, например, в эстонском языке имеются две лексемы, закрепленные в словарных статьях со значением *ведь*: *ju, ometi* [Kähar 2000: 52; Vene-eesti sõnaraamat 2000, I: 208; Tamm 1981: 121, 355]. В некоторых словарях дается также лексема *ehk(ki)* соответствующая частице-союзу *ведь* [Vene-eesti sõnaraamat 2000, I: 208]. В русско-итальянских же словарях дается помета о непереводаемости слова *ведь* на итальянский язык. В некоторых случаях возможен перевод *ведь* в функции частицы лексемами *ma, ecco, mica*, в союзной функции союзами *perché, eppure* [Русско-итальянский словарь 1977: 66; Dizionario di russo 2002: 83]. Таким образом, несколько эстонских и итальянских лексем могут переводиться на русский язык одной частицей. Естественно возникает вопрос, какую лексему эстонского или итальянского языка следует выбирать в каждом конкретном случае. Тем самым прибегать к сопоставительному анализу вынуждают вопросы чисто практического характера. Ответы на эти вопросы можно получить только в результате изучения функционирования частиц в русских, эстонских и итальянских языковых контекстах. Возможные переводы лексемы *ведь* на эстонский и итальянский языки, представленные в словарях, отображены в таблице:

Таблица 3.

Возможные переводы слова ВЕДЬ в словарях		
Русско-эстонский/ русский словарь	эстонско-	Русско-итальянский/ итальянско- русский словарь
частица	ju: See on <i>ju</i> tõsi? Seda teavad <i>ju</i> kõik. ometi: Igas inimeses peab <i>ometi</i> olema midagi oma.	Частица усилительная, обычно не переводится. Ma, ecco (в положит. смысле); mica (в отриц.) Напр., <i>Ma te n'avevo già parlato! Ecco che uomo che sei! Non lo sapevo mica!</i>
союз: причин уступит.	ju: Ta ei tule, ta on <i>ju</i> haige. ehkki: Põles maha ainult üks maja, <i>ehkki</i> oli tuuline.	а) perché: Non è potuto venire, <i>perché</i> è malato. б) eppure: Tu non hai dato retta, <i>eppure</i> te lo avevano detto.

Итак, в словарных статьях говорится о двух функциях слова *ведь* — партикулярной и конъюнктивной. При этом одной лексеме *ведь* в русском языке соответствуют разные лексемы в эстонском и итальянском языках. Но относительно перевода лексемы *ecco* через *ведь* сразу хотелось бы уточнить, что *ecco*, как правило, переводится на русский язык словом *вот*. В русском языке *ведь* легко сочетается с этой служебной лексемой (см.: Глава 2, § 6), но никогда не является ее эквивалентом. Иначе говоря, хотя это значение лексемы *ecco* и приводится в словарных статьях, однако в речевом итальянском узусе такое употребление чаще связано не с переводом посредством *ведь*, а переводом с *вот*. Следовательно, о них надо говорить как о разных языковых единицах. Наше мнение подтверждается анализом как русских художественных текстов, так и их переводов: хотелось бы особо подчеркнуть, что нам не встретилось ни одного случая перевода *ведь* лексемой *ecco*.

Собранный же иллюстративный материал свидетельствует о том, что возможность перевода лексемы *ведь* гораздо шире по сравнению с той картиной, которая представлена в словарях. В дальнейшем изложении мы обратим внимание на некоторые наиболее часто встречающиеся в анализируемом языковом материале случаи соответствий лексемы *ведь* другим служебным словам.

5.2. Лексема *ведь* и ее перевод на эстонский язык

Анализ фактического материала проводился на основе нескольких художественных текстов: М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Собачье Сердце», А. Островского «Гроза», М. Горького «Мещане», М. Достоевского «Идиот», А. Чехова «Три Сестры» и соответствующих переводов.

В ходе сопоставительного анализа выяснилось, что одним из наиболее частотных эквивалентов лексемы *ведь* в эстонских текстах является ее перевод эстонской частицей *ju*. Причем текстовый материал свидетельствует о том, что часто *ведь* и ее эстонский эквивалент используются при глаголах такой лексико-семантической группы, как глаголы мысли: *ты ведь знаешь* — *sa ju tead*, *ведь согласитесь* — *te peate ju nõustuma*, *я ведь понимаю* — *ma saan ju aru* и т.д. Другими словами, для частиц *ведь* и *ju* характерно функционирование в предложениях, в лексическом составе которых находятся глаголы знания или мнения, или глаголы, указывающие на умственную деятельность говорящего или собеседника. Например:

(1а) Акулина Ивановна (миролюбиво): *Что уж там! Конечно уж... они ведь знают* (М. Горький, Мещане).

(1б) Akulina Ivanovna (rahuarmastavalt): *Mis nüüd sellest! Muidugi... nemad ju teavad.*

(2а) — *Увы!* — с сожалением ответил Берлиоз, — *ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(2б) «*Mis parata,*» *vastas Berlioz kahetsevalt, «ükski nendest tõestustest ei maksa midagi ja inimkond on nad ammu arhiivi andnud. Te peate ju nõustuma, et mõistuse valdkonnas ei saa olla ühtki jumala eksisteerimise tõestust.»*

В высказываниях с этими частицами русского и эстонского языков встречаются и глаголы других лексико-семантических групп. Приведем несколько примеров:

(3а) Андрей: *Право, я не знаю. Их ведь звали* (А. Чехов, Три сестры).

(3б) Andrei: *Tõesti ei tea. Neid ju kutsuti.*

(4а) Нил: *Ругаться ведь будете... а мне ругаться с вами неприятно...*
(М. Горький, Мещане).

(4б) Nil: *Hakkate ju sõimama... mulle aga on vastumeelt teiega sõimelda ...*

Для предложений с *ведь* в русском и *ju* в эстонском языках характерно наличие в составе синтаксической конструкции экспрессивно-оценочной лексики.

(5а) Петр (бледный, с отчаянием): *Пойми, отец... ведь глупо это! Глупо! Вдруг, ни с того ни с сего...*(М. Горький, Мещане).

(5б) Pjotr (kahvatu, meeleheitel): *Saa aru, isa... see on ju rumal! Rumal! Äkki, asja ees, teist taga ...*

(6а) — *Я нарочно не убрала, чтобы вы полюбовались, — расстроено докладывала Зина, — ведь на стол вскочил, мерзавец!* (М. Булгаков, Собачье сердце).

(6б) «*Ma jätsin meelega koristamata, et te võiksite ise vaadata!*» *andis aru pahane Zina, «see jõletis hüppas ju laua peale!»*

(7а) *Да, а чай? ведь это же помои!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(7б) *Jah, ja tee? See oli ju solk!*

Результаты анализа фактического материала позволяют также говорить о том, что частица *ведь* используется в таких синтаксических конструкциях, которые на эстонский язык переводятся условным наклонением с лексемой *ju*. В русском языке эти предложения представлены большей частью индикативом в функции условного наклонения.

(8а) *Похабная квартирка, — думал пес,— но до чего хорошо! А на какого черта я ему понадобился? Неужели же жить оставит? Вот чудак! Ведь ему только глазом мигнуть, он таким бы псом обзавелся, что ахнуть!* (М. Булгаков, Собачье сердце).

(8б) «*Rõve korter,*» *mõtles peni, «aga küll on siin mõnus olemine! Ei tea ainult, mille pagana jaoks tal mind vaja läks? Jätab äkki tõestigi siia elama? On alles naljatilk! Ta pruugiks ju vaid korra silma pilgutada ja võiks saada endale niisuguse koera, et vaata ja imesta!»*

Остановившись на вопросительных предложениях с *ведь*, отметим, что частица *ju* встречается лишь в одном из видов вопросительных предложений. Речь идет о конструкциях без вопросительных слов. Частицы, *ведь* в русском и *ju* в эстонском, в подобных вопросительных конструкциях способствуют выражению смысла относительной уверенности.

(9а) — *Вы ведь жильцов содержите?* (Ф. Достоевский, Идиот).

(9б) «*Te peate ju kaasüürilisi?»*

(10а) — *Как же вы сюда попали? <...> ведь балконные-то решетки на замках?*

— *Решетки-то на замках, — подтвердил гость, — но Прасковья Федоровна — милейший, но, увы, рассеянный человек* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(10б) «*Kuidas te siia sattusite? <...> Rõduvõred on ju lukus?»*

«*Võred on lukus,*» *nõustus külaline, «kuid Praskovja Fjodorovna on kena ja armas, aga hirmus hajameelne naisterahvas.»*

Сопоставительные данные свидетельствуют также о том, что лексема *ju* принадлежит к аффермативным, т.е. утвердительным частицам, поскольку в эстонском языке общевпросительные предложения, нацеленные на информацию без частицы *ju* и вопросы с этим служебным словом, имеющие цель, как правило, уточнить уже известную информацию, отличаются и с формальной точки зрения. Эти предложения различаются не только наличием или отсутствием *ju* в вопросе, но и наличием или отсутствием вопросительного слова *kas*. В вопросе с *ju* вопросительное слово *kas* — наличие которого обязательно в собственно вопросительных высказываниях, нацеленных на получение новой информации, не используется.

(11a) Ты **ведь** пойдешь в кино? — *Sa ju lähed kinno?*

(11б) Ты пойдешь в кино? — **Kas** sa lähed kinno?

Напомним, что в русском языке слово *ведь* функционирует преимущественно в вопросительных предложениях, структурно сходных с повествовательными, т.е. в вопросах без вопросительных слов. Исключение составляет риторический вопрос с вопросительным словом (см.: Глава 2, § 3). На эстонский язык такие вопросительные высказывания переводятся не лексемой *ju*, а другой частицей — *küll*, которая не имеет ограничений в употреблении с вопросительными словами, но также вносит в высказывание элемент уверенности.

(12a) Катерина (с волнением): **Ведь что** я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли? (А. Островский, Гроза).

(12б) Katerina (erutatult): **Mida ma küll** endale sepitsen? Kas sa tead, kus on mu koht?

Во всех случаях функция вопросов с *ведь* и *ju* — запрос о подтверждении мнения говорящего со стороны собеседника. Наличие этих лексем в вопросе в обоих языках говорит об ориентированности на положительный ответ:

(13a) — Он был **ведь** не из старообрядцев?

— Нет, ходил в церковь... (Ф. Достоевский, Идиот).

(13б) — Та polnud **ju** vanausuline?

— Ei, käis kirikus...

Ответная реплика обычно содержит согласие, хотя иногда возможен и отрицательный ответ (пример 14). Таким образом, спрашивающий как бы дает собеседнику понять, какой ответ ожидается, но отвечающий не обязан соглашаться, т.е. отрицательный ответ менее ожидаем, но возможен. На этот факт обращает внимание и К. Кергэ. Она, рассматривая вопросительные конструкции с лексемой *ju*, отмечает: «võimalik eitav vastus sellisele jaatusele ei ole ootuspärane, kuid on muidugi võimalik <выделено нами — *H. B.*>, vajades siiski vähima viisakuse säilitamiseks ka vabas olukorras kommentaari» [Kerge 2000: 187].

(14a) — **Закажем жаркое, так ведь?**

— Нет, я поем немного супа, я сыт.

(14б) — **Tellime praed, eks ju?**

— Ei, söön väikse supi, kõht on täis (пример из [Kerge 2000: 187]).

Обратим внимание и на позиционные возможности этой частицы в эстонском языке. Фактический материал указывает на то, что частица *ju*, как правило, находится в середине предложения и занимает позицию либо после глагола (примеры 15б, 16б), либо после имени существительного, местоимения и перед глаголом (пример 17б). В абсолютно начальной позиции *ju* как эквивалент *ведь* не употребляется (Напр., ***Ju tal olid omad plaanid. Наверное, у него были свои планы***).

(15а) *Королева моя французская, **ведь** я и ему намазала лысину, и ему!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(15б) *Sa tu prantsuse kuninganna! Ma tõmbasin **ju** temal ka üle kiilaspea, temal ka!*

(16а) ***Ведь*** у него есть свой кабинет (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(16б) *Tal on **ju** oma kabinet.*

(17а) *Я **ведь** все знала, куда вы ходите* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(17б) *Ma **ju** teadsin, kus te käisite.*

При употреблении лексемы *ju* со сложными составными глаголами эстонского языка это слово всегда употребляется между первой и второй частью сложного глагола.

(18а) — *О, мне и не нужно таких больших извинений — поспешил ответить князь. — Я **ведь** понимаю, что вам очень неприятно, и потому вы бранитесь* (Ф. Достоевский, Идиот).

(18б) «*Oh, ma ei vajagi nii suurt vabandamist,*» vastas vürst kiiresti. «*Ma saan **ju** aru, et teil on väga raske ja et te sellepärast sõimate.*»

(19а) Нил: *Да прости за правду! — убежишь **ведь**!* (М. Горький, Мещане).

(19б) Nil: *Jah ... vabanda, et tõtt ütlen! — jooksed **ju** minema!*

Финальная позиция для лексемы *ju* не характерна. Как русская частица *ведь*, так и эстонская *ju* завершает высказывание только в небольших по объему предложениях, состоящих максимум из двух лексических единиц, или в вопросах *eks ju? on ju? (так ведь?)*

(20а) *Пришел **ведь**!*

(20б) *On tulnud **ju**!* (пример из [EKSS 1991, I: 641]).

(21а) *С ума **ведь** сошла, **ведь** сошла?* (Ф. Достоевский, Идиот).

(21б) *Ta on ju hulluks läinud, **on ju**?*

Сложность перевода усилительных частиц заключается в том, что с их вхождением в предложение не меняется денотативный смысл высказывания, они не участвуют в формировании логической структуры предложения, в отличие от логических частиц (напр., *только, даже, не*). Как правило, они лишь усиливают заложенный в семантике высказывания смысл. Перевод усилительных русских частиц, как показывает собранный нами материал, зависит и от мнения переводчика о необходимости более экспрессивно передать мысль, заложенную в высказывании оригинала. В результате этого в

некоторых случаях усилительная частица *ведь*, несмотря на наличие эстонского эквивалента, не переводится. Здесь можно говорить о проявлении субъективизма переводчика.

(22a) Борис: *Батюшку она **ведь** невзлюбила за то, что он женился на благородной* (А. Островский, Гроза).

(22b) Boris: *Ta hakkas mu isa sellepärast vihkama, et isa abiellus aadlisoost neiuga.*

(23a) *Эй, генерал, щадите Фердыщенко, — ответил тот усмехаясь. — Я **ведь** на особых правах* (Ф. Достоевский, Идиот).

(23b) «*Ui-ui, kindral, ärge tehke Ferdõštšenkole liiga,*» vastas too muiates. «*Mul on eriõigused.*»

Это же относится и к переводу эстонской частицы *ju* на русский язык. В русском тексте соответствующая лексема может отсутствовать.

(24a) *Kuula mind, mina olen **ju** samuti maainimene nagu sinagi ja ei harju selle linna kilakolaga surmani hästi* (А. Таммсааре, Elu ja armastus).

(24b) *Слушай меня, я, как и ты, деревенская и никогда не привыкну к городской колготе* (А. Таммсааре, Жизнь и любовь).

Перевод частицы *ведь* может осуществляться и посредством эстонского наречия *ometi*. Текстовый материал показывает, что в некоторых контекстах лексемы *ju* и *ometi* могут функционировать как синонимы, иначе говоря, *ju* и *ometi* относительно взаимозаменяемы. Например:

(25a) Татьяна: *Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это! Петр... Уйди!.. или — молчи! Я **ведь** — молчу!* (М. Горький, Мещане).

(25b) Tatjana: *Isa! Palun ... palun jätke. Pjotr... mine ära... või — ole vait! Mina **ometi** — vaikin.*

(26a) Бессеменов: *Никогда не надо детям давать больше того, сколько сам имеешь... И всего мне тяжелее, что не вижу я в них... никакого характера... ничего эдакого... крепкого... **Ведь** в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц!* (М. Горький, Мещане).

(26b) Bessemjonov: *Kunagi ära anna lastele rohkem, kui sul endal on... Kõige raskem on mul näha, et neil pole... mingit iseloomu.. midagi niisugust... tugevat... Igas inimeses peab **ometi** olema midagi oma... aga nemad on mingisugused ... just nagu ilma nägudeta!*

Напомним, что и в русском языке в определенных контекстах синонимом *ведь* может быть частица *же*, поскольку общее значение лексем *ведь* и *же* — предполагаемая известность сообщаемого, аргументированность (Ср.: *Что ты лежишь? Петя ведь / же приехал!*). Однако рассматриваемые частицы синонимичны не во всех контекстах. Например, *же* часто употребляется в предложениях с повелительным наклонением, для *ведь* такое употребление не характерно (Ср.: *Уходи же! *Уходи ведь!*); частица *же* функционирует в собственно вопросительных предложениях, а *ведь* — в общевопросительных. (Ср.: *Почему же ты не отвечаешь? *Почему ведь ты не отвечаешь?*). Эти

предложения с *же* (побудительные и вопросительные синтаксические конструкции с вопросительным словом) на эстонский язык нередко переводятся с помощью частицы *ometi* (*Mine ometi ära! Miks sa ometi ei vasta?*). На эстонский язык перевести посредством *ju* данные высказывания нельзя. Следовательно, можно говорить о том, что слово *ведь* является эквивалентом *ju*, а *ometi* приближается по своим функциям к частице *же*. Действительно, в грамматиках эстонского языка *ometi* определяется как модальное наречие, усиливающее, интенсифицирующее то значение, которое заложено в высказывании [ЕКГ 1995, I: 39]. Эта же функция во многих контекстах характерна и для частицы *же*.

Лексемы эстонского языка *ju*, *ometi* могут употребляться в одном предложении. Подобное сочетание частиц наблюдается и в русском языке: *ведь ... же*. Что касается эстонского языка, то анализ языкового материала свидетельствуют о несколько меньшей продуктивности сочетания *ju... ometi*. Интересно отметить, что нам встретилось большое количество русских примеров с *ведь... же*, которым в эстонском переводе соответствовало только *ju*.

(27a) — *Ну вот-с, не угодно ли. Ведь это же дурная наследственность. Пакостнее и представить себе ничего нельзя* (М. Булгаков, Собачье сердце).

(27б) «*No näete nüüd isegi. See on ju halb pärilikkus. Suuremat nurjatust ei ole võimalik ette kujutada.*»

(28a) *Ведь я знаю же, что вы ее не читали и не можете быть поверенным этого человека* (Ф. Достоевский, Идиот).

(28б) *Ma ju tean, et teie seda ei lugenud ega saa üldse olla selle inimese usaldusmeheks.*

В русском языке сочетание частиц *ведь... же* используется для придания высказыванию еще большей убедительности, чем в случае употребления одной из частиц. В эстонском языке при употреблении сочетания *ju ometi* тоже выражается желание говорящего убедить собеседника в сообщаемом, но, по всей видимости, это связано с ситуациями, в которых проявляется некоторая агрессия. Именно поэтому сочетание эстонских лексем *ju ometi* используется обычно при выражении настоятельного приказа, какого-либо запрета (пример 29). В случае же, когда говорящий желает представить высказываемую мысль только более убедительной, в эстонских текстах нередко прибегают к одному дискурсивному слову *ju* (примеры 27, 28).

(29a) — *Ах, ты, господи, — уныло воскликнул Филипп Филиппович, — встречаются, спрашивают... Воображаю, что вы им говорите. Ведь я же вам запрещал шляться по лестницам* (М. Булгаков, Собачье сердце).

(29б) «*Oh issand küll,» hüüdis Filipp Filippovits tujutult, «nagu vastu tulevad, kohe küsivad.... Kujutan ette, mida te neile räägite. Ma ju ometi keelasin teil trepil kooserdada.»*

Существуют и иные случаи перевода частицы *ведь*. Так, значение лексемы *ведь* может реализоваться в таком наречии эстонского языка как *tuidugi*. Использование слова *tuidugi* в качестве соответствия *ведь* связано с тем, что основное значение этих лексем в обоих языках — выразить

уверенность, убежденность. В рассматриваемых предложениях, говорящий пытается преподнести высказываемую мысль как некий факт, не подлежащий обсуждению. Таким образом, в данном случае взаимозамена *ju* и *muidugi* возможна и вполне оправданна.

(30a) Петр: *Все равно. Я говорю о том, что, называя всю эту вашу... беготню и суету живым делом, вы обманываетесь. Вы **ведь** убеждены, что способствуете развитию личности... и прочее... И это – самообман* (М. Горький, Мещане).

(30b) Pjotr: *Ükskõik. Ma räägin, et kõike seda oma... jooksmist ja askeldamist eluliseks tegevuseks nimetades te petate endid. Te olete **muidugi** veendunud, et soodustate isiksuse arenemist... ja muud säärast... Ja see on endapettus.*

Частице *ведь* в усилительной функции в рамках особой синтаксической конструкции — экспрессивного восклицательного утверждения — может соответствовать наречие эстонского языка *küll*.

(31a) Варвара. *Ты проворней, в самом деле, а то знаешь **ведь!***

Кабанов. *Уж как не знать!* (А. Островский, Гроза).

(31b) Varvara: *Tule jah kähku, muudu — tead **küll!***

Kabanov: *Miks ma ei tea!*

Однако использование слова *küll*, переводимого посредством *ведь*, возможно не только в восклицательных, т.е. стилистически экспрессивных высказываниях, но и в повествовательных предложениях, в которых передается абсолютная уверенность говорящего в сообщаемой информации.

(32a) — *Я голосу твоему верю, как с тобой сижу. Я **ведь** понимаю же, что нас с тобой нельзя равнять, меня да тебя...* (Ф. Достоевский, Идиот).

(32b) — *Ma usun sinu häält, kui ma sinuga koos olen. Ma saan aru **küll**, et meid kahte, mind ja sind, ei saa üldse võrrelda...*

(33a) — *Ах, да! **Ведь** вы знаете сами, Лебедев, в чем наше дело, я приехал по вашему же письму* (Ф. Достоевский, Идиот).

(33b) «*Ah jaa! Te teate **küll**, Lebedev, millest meil jutt on: ma sõitsin teie enda kirja peale siia.*»

Были обнаружены и примеры перевода лексемы *ведь* эстонской частицей *-gi/-ki*, присоединяемой к глаголу. В зависимости от контекста и от того, к какой части речи присоединяется интересующее нас эстонское слово, оно имеет разные значения в высказывании: выделяет глагол, замещает частицу *isegi*, выражает удивление. В случае же присоединения частицы *-gi/-ki* к глаголу, она приобретает значение «действительно, на самом деле» [Tauli 1980: 213]. В семантике русской частицы *ведь* также может реализовываться это значение.

(34a) *Этого мало: он прямо сказал, что Берлиозу отрежет голову женщина?! Да, да, да! **Ведь** вожатая была женщина?! Что же это такое? А?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(346) *Ja vähe sellest, ta ütles selge sõnaga, et Berlioz'i pea lõikab otsast ära naine?! Jah, just nii ta ütles! Trammijuht oligi naine! Mida see kõik peab tähendama?!*

Теперь перейдем от партикулярной функции слова *ведь* к конъюнктивной. В союзной функции при оформлении причинно-следственных отношений частица-союз *ведь* довольно часто передается союзом *sest*. Однако если в эстонском языке лексема *sest* является собственно союзом, т.е. это лексема, основное назначение которой — оформлять ту или иную синтаксическую связь, то при использовании союза-частицы *ведь*, в отличие от специализированных союзов, подчеркивается не столько тип обусловленности, сколько субъективная сторона высказывания.

(35a) *Как услышал вчера — едва поверил, и так тяжело мне стало. **Ведь** уж два раза она от тебя отрекалась и из-под венца убежала, значит есть же предчувствие* (Ф. Достоевский, Идиот).

(35b) *Kui ma seda eile kuulsin, ei tahtnud ma uskuda, ja süda läks raskeks. **Sest** juba kaks korda on ta end sinust lahti öelnud ja laulatuselt põgenenud: aimus on järelikult olemas!*

В ходе анализа собранного нами языкового материала было выявлено также большое количество примеров употребления частицы *ведь* после сочинительных союзов *а, но, и*. При переводе на эстонский язык возможны 2 варианта: или переводчик акцентирует внимание только на союзной связи (в этом случае сочетаниям *а ведь, но ведь, и ведь* соответствуют такие союзы, как *aga, kuid, ja*), или же обращает внимание и на субъективную часть высказывания и, следовательно, использует лексемы *aga... ju, kuid... ju, aga ometi*.

(36a) *Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, **а ведь** тебе, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место* (А. Островский, Гроза).

(36b) *Tead mis, Kudrjaš: mul oleks tarvis siia jääda, **aga** sinul, mõtlen ma, on ükskõik, sa võid ka mujale minna.*

(37a) *Правда, Елизавета Прокофьевна уже с давних пор начала испытывать ветренность своего супруга, даже отчасти привыкла к ней; **но ведь** невозможно же было пропустить такой случай: слух о жемчуге чрезвычайно интересовал ее* (Ф. Достоевский, Идиот).

(37b) *Jelizveta Prokofjevna oli pidanud juba ennegi alailma oma abikaasa tuisupäisusega tegemist tegema ja oli osalt sellega koguni harjunud; **kuid** sellist juhtumit oli juba võimatu tähele panemata jätta; kuuldused pärlikeest huvitasid kindraliprouat väga.*

(38a) *«**И ведь** это знал!» — тревожно подумал Иван* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(38b) *«**Ja** seda teadis ta ka!» mõtles Ivan murelikult.*

(39a) *Ну хорошо, зовут меня Аззелло, **но ведь** все равно вам это ничего не говорит* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(39b) *«Olgu pealegi, minu nimi on Azazello, **kuid** see ei ütle teile **ju** mitte midagi.»*

(40a) *Кулыгин: Где Маша? Нам пора бы уже домой. Пожар, говорят, стихает. (Потягивается.) Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, горит весь город* (А. Чехов, Три сестры).

(40b) *Kulõgin: Kus on Maša? Aeg oleks juba koju. Räägitakse, et tulekahju hakkab vaibuma. (Sirutab end.) Maha põles ainult üks kvartaal, aga ometi oli tuul, algul paistis, et põleb terve linn.*

К сказанному добавим, что ни в одном из текстов нам не встретился перевод *а ведь* через *ehhki*. Во всех случаях при выражении противительного-уступительных смысловых отношений между частями предложения с союзным сочетанием *сочинительный союз+ведь* был представлен перевод через *kuigi*. Например:

(41a) *А вот чего я не понимаю... Что же, это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(41b) *Sellest ma küll aru ei saa.... et mis see on — kesköö kestab aina, kuigi peaks juba ammu hommik olema?*

Итак, сопоставительный анализ помог показать, что слову *ведь* в эстонских текстах соответствует большее количество лексем, чем это дается в словарных источниках. Так, при переводе на эстонский язык русской усилительной, модальной или эмоционально-экспрессивной (в зависимости от классификации) частице *ведь* соответствуют такие лексемы как *ju, ometi, tuidugi, küll, -gi/-ki*. Степень эквивалентности этих лексем слову *ведь* разная. Наиболее точным эстонским эквивалентом является *ju* (эта частица эстонского языка по своим функционально-семантическим признакам наиболее близка *ведь*). Этим и обусловлен тот факт, что лексема *ju* является одним из самых частотных переводов *ведь* на эстонский язык. Но и другие лексемы выражают значение уверенности. В то же время следует иметь в виду, что объемы значений русских и эстонских частиц не всегда совпадают. Примером частичного совпадения значений может служить частица *ometi*, которая лишь в некоторых контекстах может заменять *ju*.

Анализируемая русская частица, приобретая союзную функцию, реализуется при переводе в союзе *sest*. Сочетание *сочинительный союз + ведь* переводится на эстонский язык либо одним из сочинительных союзов эстонского языка (*aga, kuid, kuigi*), либо сочинительным союзом с частицей.

Сопоставительный анализ подтверждает полифункциональность частиц и отсутствие четких границ между их отдельными значениями.

5.3. Лексема *ведь* и ее перевод на итальянский язык

Как говорилось в главе 5, § 1, в грамматиках итальянского языка частицы как отдельный автономный класс слов не выделяются, а *ведь* во многих контекстах на итальянский не переводится. Но всегда ли слово *ведь* непереводимо на итальянский язык? Каким образом переводчик передает те прагматические смыслы, которые заложены в высказываниях с *ведь*? Чтобы ответить на этот вопрос мы обратились к двум художественным текстам, из которых извлекался иллюстративный материал и их переводом: к тексту М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Б. Акунина «Статский советник».

В ходе анализа фактического материала выяснилось, что слово *ведь* в ряде контекстов, действительно, не переводится, т.е. в итальянском тексте лексически никак не представлено:

(1а) *Я ведь человек несчастный, и вы пользуетесь этим* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(1б) *Io sono infelice e lei ne approfitta.*

(2а) «*Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ? — подумал Бездомный в изумлении, — ведь вот уже и вечер!*» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(2б) «*Come ho fatto a non accorgermi che è riuscito a imbastire un'intera storia» pensava stupito Bezdomyj. «E' già venuta la sera!*»

(3а) — *Эта история — моя гордость. Я ведь сам Сергея Витальевича арестовывал, еще когда он студентом был* (Б. Акунин, Статский советник).

(3б) *Questa storia è il mio vanto. Sono stato proprio io ad arrestare Sergej Vital'evic, quando era ancora uno studente.*

Однако, в определенных контекстах лексеме *ведь* могут соответствовать различные слова сопоставляемого языка. Возможен перевод служебного слова *ведь* посредством итальянской лексемы *ma* (*но, ведь, же*). Такой перевод можно считать адекватным не только потому, что он закреплен в словарных статьях, но и по той причине, что наш иллюстративный материал свидетельствует об особой стилистико-прагматической нацеленности подобных высказываний, которые являются эмоционально-экспрессивными и по содержанию часто связаны с возражением или недоумением.

Усиление возражения:

(4а) — *Свистнуто, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!*

— *Я ведь не регент, — с достоинством и надувшись, ответил Бегемот и неожиданно подмигнул Маргарите* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(4б) «*Hai fischiato, non discuto,*» *ammise con condiscendenza Korov'ev «è vero, hai fischiato, però se vogliamo essere obiettivi, il fischio era molto mediocre!»*

«*Ma io non sono un maestro di capella*» *rispose Ippopotamo, dignitoso è imbronciato, e improvvisamente ammiccò a Margherita.*

Усиленное выражение недоумения:

(5а) *Горе-то, а? Ведь это что ж такое делается? А?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(5б) *Che disgrazia, eh? Ma che cosa ci vuol fare?*

Встречаются также переводы *ведь* итальянской разговорной частицей *mica*. Возможен такой перевод только в высказываниях с отрицанием. Связано это с тем, что частица *mica* является более эмоциональным синонимом лексем *non, no* (нет, не), т.е. по сути является отрицательной частицей. Это и обуславливает то, что русское сочетание частиц *ведь не* в одном высказывании переводится лексемой *mica*.

(6а) **Ведь он не душил младенца в лесу!** (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).
(6б) *Mica l'ha soffocato lui il bambino nel bosco!*

(7а) — *Ну да, естественно. Я ведь на скамейку не садился, я на нее отсюда смотрел* (Б. Акунин, Статский советник).

(7б) — *Ma sì, naturale. Mica mi sono seduto sulla panchina, la guardavo da qui.*

Таковы типичные соответствия русской частицы *ведь*, закрепленные в словарных источниках. Но существуют и иные случаи перевода данной частицы. В переводных текстах *ведь* нередко представлена итальянской лексемой *certo* (конечно). Эти языковые единицы сближает то, что представленная информация в высказываниях с этими словами в обоих языках дана как сама собой разумеющаяся, как нечто самоочевидное, поскольку назначение лексем *ведь* и *certo* — выражать уверенность, достоверность, категоричность.

(8а) *Ах да, ведь сбоку и чуть сзади вышагивает молодец в синей жандармской шинели, при кобуре и шапке* (Б. Акунин, Статский советник).

(8б) *Ah, certo, accanto a lui, giusto qualche passo indietro, cedeva un giovanotto che indossava il cappotto azzurro da gendarme, con fondina e sciabola.*

В текстах используется и перевод слова *ведь* лексемой *bene* (хорошо). Важно отметить, что такое соответствие наречия *bene* частице *ведь* возможно не во всех контекстах. Ее употребление как синонима *ведь* связано, как правило, с группой ментальных глаголов (*sapere bene* / досл. «хорошо знать») или визуальных глаголов, но в значении «смотреть, чтобы понять» (*vedere bene* / дословно «хорошо видеть»). Словосочетания типа *sapere bene, vedere bene* по выполняемым в предложениях функциям можно считать итальянскими эквивалентами русских словосочетаний *ведь знать, ведь видеть*. В таких высказываниях говорящий выражает уверенность в том, что сообщаемая информация известна или очевидна для обоих участников коммуникации.

(9а) **Вы ведь знаете, что эмблема, назначенная Корпусу императором Николаем Павловичем — белый платок для утирания слез несчастных и страждущих** (Б. Акунин, Статский советник).

(9б) *Sapete bene che l'emblema assegnato al corpo dall'imperatore Nicola è un fazzoletto bianco per asciugare le lacrime degli infelici e dei sofferenti.*

(10а) — *Да перестаньте, — крикнул Воланд, — до чего нервозны современные люди. — <...>. — Ведь видите же, что он в очках* (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).

(10б) *«Su, non faccia così,» gridò Woland «fino a che punto è eccitabile la gente, oggi!» <...>. «Lo vede bene che ha gli occhiali.»*

(11а) — *...Ведь я только что говорил про глаза. Ведь видно, что у тетки есть (деньги)* (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).

(11б) *«... E dire che ho appena parlato degli occhi. Si vede benissimo che sua zia ne ha.»*

Отдельно хотелось бы остановиться на переводе *ведь* глаголом *vedere*, основное значение которого — *видеть*. В итальянском языке этот глагол употребляется также в значении «понимать, знать». В главе 1 данной работы, излагая вопрос об этимологии частицы *ведь*, мы отмечали, что в русском языке слово *ведь* происходит от глагола *въдѣти*, т.е. *знать*. Речь шла и том, что лексема *ведь* может приближаться к таким модальным словам в вводной функции как *знаешь ли*, *видишь ли* и в этом случае выполняет функцию привлечения внимания к высказыванию, к дальнейшему развитию мысли, действий. Эта же функция характерна и для итальянского слова *vedere*. [Manili 1983:20]. П. Манили относительно рассматриваемого нами итальянского глагола замечает, что одна из функций *vedere* — привлечение внимания собеседника к высказываемой мысли или действиям говорящего [Manili 1983:19]. В связи с чем *ведь* в определенных контекстах переводится итальянским глаголом *vedere* во вводной функции. Следовательно, сопоставительный материал подтверждает высказанное ранее мнение о том, что слово *ведь* имеет значение, обусловленное связью с глаголом *въдѣти*. Тем самым переводчики имеют удачное соответствие слову *ведь* в итальянских текстах.

(12а) *Или стыдить меня пришел? Только ведь у меня, Гринуля, стыда нет. Сам знаешь* (Б. Акунин, Статский советник).

(12б) *Oppure sei venuto a svergognarmi? Solo che, vedi, carissimo Green, io la vergogna non ce l'ho. Lo sai pure tu.*

(13а) — *Ну да, ну да... А то ведь дело в том, что этот человек на лестнице... Вот когда мы проходили с Азазелло... И другой у подъезда... Я думаю, что он наблюдал за вашей квартирой... (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).*

(13б) *«Ma sì, ma sì... Vede, il fatto è che quell'uomo sulle scale... ecco, quando siamo passati con Azazello... e l'altro nell'ingresso... io credo che stesse sorvegliando il vostro appartamento...»*

(14а) *Я ведь как хотел. Думал, отлучусь на часок, прикончу паскуду и потихоньку вернусь* (Б. Акунин, Статский советник).

(14б) *Vedi, ecco la mia intenzione. Pensavo: mi assento per un'oretta, faccio fuori quella carogna e ritorno alla chetichella.*

Иногда на итальянский язык русская частица *ведь* переводится наречием *in fondo* (в конце концов, по сути дела). Это одна из лексем итальянского языка, которая указывает на дальнейшее объяснение ситуации. В высказываниях с данной лексемой обычно дается итоговый комментарий, приводится весомый, с точки зрения говорящего, аргумент в пользу высказанной ранее мысли. Возможность перевода лексемы *ведь* словом *in fondo* обусловлено тем, что в семантике *ведь* содержится и аргументативный смысл.

(15а) — *Если хочешь знать, связавшись с тобой, я рискую своей репутацией. Когда узнают мои знакомые...*

— *Может быть, им н-необязательно об этом знать? <...> Ведь это ваше частное дело.* (Б. Акунин, Статский советник).

(15б) «*Sappi che, legandomi con te, io rischio la mia reputazione. Quando verranno a saperlo i miei conoscenti...*»

«*Magari, non è per forza necessario che lo sappiano, no? <...> In fondo, è una vostra questione privata.*»

(16а) — *Ничего, если ради дела, то можно, — решительно заявил Снегирь <...>. — Ведь он, гад, своих предавал* (Б. Акунин, Статский советник).

(16б) «*Non importa, se è per la causa, si può fare*», dichiarò con decisione Ciuffolotto <...>. «*In fondo, quello schifoso ha tradito i suoi.*»

Если обратиться к вопросительным синтаксическим конструкциям, то выясняется, что они представлены в итальянских переводах двояко. Иногда *ведь* не переводится, и вопросительные высказывания в этом случае теряют свою иллокутивную направленность вопроса-переспроса, вопроса-предположения. Другими словами, вопросительное предложение с *ведь* относится к констатирующим конструкциям, в которых совмещаются запрос об информации и уверенность в получении определенного ответа. Вопросительные предложения без этой частицы обычно являются собственно вопросами.

(17а) *Ведь вы — бедный человек?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(17б) *Lei è povero?*

(18а) *Я и сам бы сейчас с удовольствием на балкончике чайку попил, вместо того чтобы здесь вариться. Ведь заседание-то назначено в десять?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(18б) «*Anch'io me ne starei volentieri all'aperto a bere un tè invece di stare qui ad arrostitire. La seduta era per le dieci?*»

Другой перевод вопроса с *ведь* — более удачный — связан с особым типом вопросительных конструкций. Речь идет о таких типах предложений, у которых первая часть представляет собой повествовательное предложение, т.е. утверждение, а вторая часть — вопрос с *no, vero? (так? правда? нет?)* Рассматриваемые конструкции являются одним из наиболее распространенных способов положительно ориентированного вопроса. Они маркируют определенную стратегию говорящего: собеседник должен подтвердить истинность высказываемой говорящим мысли. Во всех случаях функция вводных выражений остается неизменной: запрос о подтверждении мнения говорящего. С прагматической точки зрения эти вопросы наиболее близки к вопросам с *ведь*. Этим и обусловлен такой перевод.

(19а) —.... *Мне шепнули, что вчера ночью произведен арест... Вы ведь князь Пожарский? А я...* (Б. Акунин, Статский советник).

(19б) «*Mi è stato sussurrato che ieri notte è stato effettuato un arresto... Voi siete il principe Požarskij, vero? Io invece....*»

(20а) *Признайтесь, ведь в глубине души вы их презираете? Они для вас чужие* (Б. Акунин, Статский Советник).

(20б) «*Confessatelo, nel profondo dell'anima li disprezzate, no? Vi sono estranei.*»

Ведь, выполняя союзную функцию, соединяет предикативные единицы или в сложные предложения, или в небольшие текстовые фрагменты и оформляет при этом причинные отношения. В сопоставляемых текстах частица-союз *ведь* в сложных предложениях, между частями которых выражаются причинные отношения, может переводиться причинным союзом итальянского языка *perchè* (потому что).

(21a) — *Успокойтесь, успокойтесь, успокойтесь, профессор, — бормотал Берлиоз, опасаясь волновать больного, — вы посидите минуточку здесь с товарищем Бездомным, а я только сбегая на угол, звякну по телефону, а потом мы вас проводим, куда вы хотите. **Ведь** вы не знаете города...* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

(21б) «*Si calmi, si calmi, professore*» mormorava Berlioz temendo da eccitare il malato. «*Resti un momento con il compagno Bezdomyj. Io farò un salto qui, all'angolo, a telefonare, e poi la accompagneremo dove desidera. **Perchè** lei non conosce la città...*»

Русские союзные сочетания *сочинительный союз + ведь* (а ведь, но ведь) при противительных отношениях между соединяемыми частями, переводятся на итальянский язык союзом *ma*.

(22a) — *Ну что же, -- задумчиво отозвался тот, — они — люди как люди. Любят деньги, **но ведь** это всегда было...* (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).

(22б) *Ebbene,*» rispose quello assorto «*sono uomini... amano il denaro, **ma** è sempre stato così.*

(23a) *Он личность незаурядная и таинственная на все сто. **Но ведь** в этом-то самое интересное и есть!* (М. Бугаков, Мастер и Маргарита).

(23б) «*Lui è un essere del tutto fuori dal comune e misterioso! **Ma** il fatto interessante è proprio questo.*»

В тех случаях, когда между частями сложносочиненного предложения оформляются противительно-уступительные отношения, то, как правило, дается перевод сочетания *сочинительный союз + ведь* лексемой *addirittura* (все же, все-таки).

(24a) *Чего только не было, **а ведь** выручал Господь* (Б. Акунин, Статский советник).

(24б) *Ce ne sono successe di tutti i colori, **addirittura** il Signore ci è venuto sempre in soccorso.*

Эти высказывания в русском могут быть эмоционально-экспрессивны и выражать значение упрека (25). Перевод *ведь* посредством *addirittura* в таких случаях связан с тем, что эта лексема итальянского языка, помимо указания на тип смысловых отношений, также может осложняться модальностью упрека [Devoto, Oli 1995: 693].

(25a) — *Ну скажите Бога ради, что вас в левый сугроб-то понесло! **А ведь** я сто раз повторил: в правый прыгайте, в правый!* (Б. Акунин, Статский советник)

(25б) «*Ma ditemi, di grazia, chi diavolo v'ha tentato ad andare nel cumulo sinistro! Eppure ve l'ho ripetuto cento volte: saltate nel destro, nel destro!*»

В собранном нами языковом материале был обнаружен только один пример с сочетанием *и ведь*, которое передавалось на итальянский язык соединительным союзом *e (u)*.

(26а) *Главная причина для расстройств заключалась в ином — статский советник честно себе в этом признался. Первый раз судьба свела его с человеком, обладавшим большим сыскным дарованием. Ну, может быть, не в первый, а во второй. Давным-давно, еще в самом начале карьеры, Эрасту Петровичу встретился другой такой же талант, но вспоминать ту припорошенную временем историю он очень не любил. И ведь устранившись от расследования тоже было нельзя* (Б. Акунин, Статский советник).

(26б) *Il principale motivo di malumore consisteva in ben altro (come il consigliere di stato confessò con onestà a se stesso). Per la prima volta il destino gli aveva fatto conoscere una persona che possedeva una grande capacità investigativa. Be', magari non per la prima volta, ma per la seconda. Tanto tempo prima, ancora proprio all'inizio della carriera, Erast Petrovic aveva incontrato un altro talento simile, ma non gli piaceva affatto ricordare quella storia impolverata dal tempo. E nemmeno era possibile ritirarsi dalle indagini.*

Итак, мы остановились на ряде контекстов, в которых использовалась лексема *ведь*, и рассмотрели ее соответствия в переводных текстах сопоставляемых языков.

Собранный материал подтверждает мнение о том, что частицы относятся к специфическим языковым единицам, и их значения наиболее полно выявляются на основании анализа контекстов. Иными словами, за каждым значением частицы стоит определенный тип контекста.

В отличие от русской частицы *ведь*, соответствующие ей итальянские лексеммы более дифференцированы по функциям, т.е. русской частице *ведь* в зависимости от контекста могут соответствовать разные лексеммы итальянского языка. Это служит косвенным свидетельством целесообразности выделения различных функций у анализируемой русской частицы. Анализ двух русских художественных текстов и их переводов показал, что во многих случаях в переводных текстах лексеме *ведь*, соответствовали одни и те же лексеммы итальянского языка, что, в свою очередь, отклоняет предположение о случайном переводе частицы *ведь* этими итальянскими лексеммами, объясняемом тем, что тот или иной переводчик предпочитает ту или иную лексему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация представляет собой разностороннее исследование лексемы *ведь* с позиций функционально-семантического, коммуникативно-прагматического и синтаксического аспектов. Для отражения особенностей функционирования слова *ведь* в высказывании мы стремились по возможности учесть все уже существующие в современной лингвистике подходы к описанию единиц подобного рода.

Основная цель работы заключалась в уточнении специфики употребления лексемы *ведь* в русском языке.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что не всегда можно провести четкую границу между частицами и другими служебными словами. Показательным в этом отношении является слово *ведь*. В словарях можно найти трактовку этой лексемы как частицы, союза и вводного слова. Однако трактовка лексемы *ведь* как модального слова в функции вводного в современном русском языке может быть поставлена под сомнение, хотя и следует признать, что семантика *ведь* сближает последнюю с одной из групп модальных слов. Языковой материал, собранный нами из изданий разных лет, дает основания считать, что *ведь* следует рассматривать как частицу и в тех немногочисленных случаях, когда данное слово выделяется запятыми с двух сторон, поскольку в современных текстах обособление лексемы *ведь* можно воспринимать лишь как авторский знак, а не пунктуационную норму. Обособление этой частицы в некоторых текстах объясняется ее этимологией. В случае обособления частица *ведь* приближается к вводным конструкциям типа *знаешь ли, видишь ли* и выполняет функцию привлечения внимания к излагаемому.

Проведенное изучение особенностей употребления слова *ведь* с учетом классификации предложений по цели высказывания позволяет утверждать, что употребление слова *ведь* в предложениях, разных по цели высказывания, имеет свои особенности. Прежде всего, следует отметить, что специфику семантики *ведь* порождает этимологическая связь исследуемой частицы *ведь* с производящей основой глагола *вѣдѣти* (т.е. знать). Проанализированный нами материал свидетельствует о том, что значение знания, достоверности в контекстах с *ведь* заложено уже на пропозициональном уровне и является инвариантным. Это отражается и в том, что частица *ведь* употребляется преимущественно в повествовательных предложениях, передающих значение уверенности, которое может осложняться в высказываниях и другими смыслами: напр., возражения, оправдания, упрека и др.

Что касается таких типов предложений, как формально вопросительные конструкции с *ведь*, то они находятся на периферии собственно вопросительных высказываний русского языка. В них вместе с запросами об информации выражается уверенность в ответе. Типичными являются вопросы-уточнения с *ведь*, вопросы-просьбы, вопросы-переспросы, вопросы-догадки. В подобных формально вопросительных конструкциях нередко происходит нейтрализация собственно вопроса и утверждения. Обычно частица *ведь* функционирует в предложениях без вопросительных слов, т.е. здесь наблюдаются структурные ограничения. Однако исключение составляет риторический вопрос с *ведь*, в котором расположение рассматриваемой нами

языковой единицы фиксировано: в таких конструкциях *ведь* занимает инициальную позицию, т.е. располагается перед вопросительным словом.

Употребление лексемы *ведь* в побудительных высказываниях также имеет свои ограничения. В рамках одной предикативной единицы императив с *ведь* употребляется лишь с классом ментальных глаголов (напр.: ***Ведь вспомните, он никогда не просил о помощи***). В этих побудительных высказываниях *ведь* выполняет функцию привлечения внимания, призыва к какой-либо умственной деятельности. Кроме того, типичны такие высказывания, состоящие из двух предикативных единиц, первая часть которых содержит императив, а вторая — индикатив с *ведь*. Во второй части этих синтаксических конструкций с *ведь* дается объяснение, пояснение причины выполнения какого-либо действия, названного в предыдущей части (напр.: *Закрой окно, **ведь** холодно*). Однако, необходимо подчеркнуть, что в рамках автономной предикативной единицы с формой повелительного наклонения *ведь* не используется.

Таким образом, вопросительные и побудительные предложения с *ведь* занимают периферийное место в системе вопросительных и побудительных предложений и находятся на пересечении вопросительных и повествовательных, побудительных и повествовательных высказываний. Представим сказанное в виде схемы, в которой буквой А обозначены повествовательные высказывания с *ведь*, буквой В — собственно вопросительные высказывания без *ведь*, С — собственно побудительные высказывания без *ведь*, а сочетанием букв АВ и АС — вопросительные и побудительные высказывания с *ведь*.

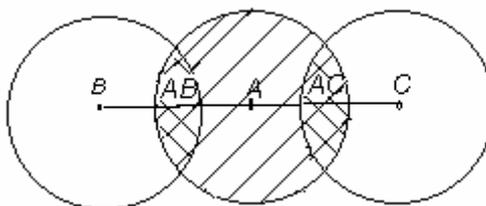

Рисунок №1

Поскольку частицы обладают семантикой, которая по сути своей является прагматической, то необходимо сказать и о коммуникативно-прагматической функции частицы *ведь* в речи. С прагматической точки зрения *ведь* используется в высказываниях с целью убедить собеседника в своей правоте или повлиять на него каким-либо образом. При этом вводимая с помощью *ведь* информация позволяет либо выбрать правильное поведение, либо построить правильное знание. В связи с этим *ведь* используется прежде всего в таких прагматических типах контекстов, как 1) ссылка на авторитет, 2) указание на правильное поведение, 3) апелляция к разуму, 4) призыв в союзники или 5) напоминание о релевантном факте.

Для всех высказываний с интересующей нас частицей (т.е. с *ведь* как в партикулярной, так и в конъюнктивной функции) характерно выражение субъективного отношения говорящего к предмету речи, ситуации. Слово *ведь* всегда вносит в высказывание оценку ситуации, “информацию с характеристикой”. Акцентируя смысл высказывания, данная лексема служит одновременно и для усиления выразительности речи, способствуя её

эмоциональности и экспрессивности. Иными словами, *ведь* так или иначе связана с оценочностью, тем самым она стилистически маркирована. При этом *ведь* широко употребляется — помимо разговорной речи — в газетно-публицистических и даже в научных текстах, поскольку помогает усилить мысль автора субъективированной аргументацией.

Наш анализ приводит к выводу о том, что приобретая союзную функцию, лексема *ведь* не утрачивает свойства, характерные для партикул. Иными словами, *ведь* обладает статусом частицы-союза. «Союзность» частиц — явление особого плана. Союз — такой конструирующий элемент синтаксического построения, который определяет и формирует организацию и семантику синтаксической конструкции. Частица же выражает смысловые отношения не на структурном уровне, а на коммуникативном. Указанный факт определяет и то, что в конъюнктивной функции при помощи лексемы *ведь* могут оформляться причинные, уступительные и условные отношения. Помимо способности маркировать тот или иной вид отношений между частями сложного предложения, между простыми предложениями или фрагментами текста, слово *ведь* во всех случаях обладает и способностью указывать на очевидность излагаемой информации. Таким образом, *ведь* служит для оформления определенных значений коммуникативного плана, на основе которых создаются определенные отношения между компонентами текста.

Необходимо отметить, что наиболее частотно употребление *ведь* в высказываниях с причинными отношениями, причем во второй — придаточной — части высказывания. В таких предложениях слово *ведь*, как правило, поддерживает аргумент в пользу информации, которая была введена ранее, в главной части. Субъект речи предполагает согласие партнера с приводимыми доводами. Иначе говоря, с помощью придаточной части с *ведь* говорящий стремится устранить возможность рассогласования (между говорящим и адресатом) в интерпретации ситуации. В обобщенном виде специфика употребления слова *ведь* в предложениях с причинными отношениями представлена в Главе 3, схема 1. Кроме того, говорящий, руководствуясь целью представить свою информацию как неоспоримую, нередко использует в качестве аргумента пословицы, поговорки, общеизвестные истины, заложенные в культуре народа, т.е. *ведь* является маркером, прежде всего, энциклопедических и культурных знаний, другими словами, активизирует уже известные знания.

Отличительная особенность причинных предложений с *ведь* заключается в том, что в них находят выражение скорее объяснительные, пояснительные, аргументативные и уточнительные отношения, чем причинно-следственные.

Проведенное нами исследование позиционных возможностей слова *ведь* позволяет если не опровергнуть, то поставить под сомнение довольно распространенное мнение о свободе расположения лексемы *ведь* в русском языке. Наблюдение над языковыми фактами и лингвистический эксперимент на перестановку словоформ в пределах предикативной единицы приводят к выводу о том, что степень свободы лексемы *ведь* в предложении все же ограничена. Это относится не только к употреблению в конъюнктивной, но и в партикулярной функции. Позиционный анализ показывает, что в обеих функциях *ведь* в рамках предикативной единицы тяготеет к инициальной позиции. Расположение частицы-союза после главной предикативной единицы перед придаточной — в ее начале — является, естественно, наиболее типичным. Однако и собственно частица *ведь* не может без ограничений

находиться в любом месте высказывания: в абсолютной постпозиции она встречается редко. Использование частицы *ведь* в финальной позиции наблюдается, во-первых, в небрежной спонтанной разговорной речи и, следовательно, в текстах, имитирующих разговорные черты, а во-вторых, является возможным в таких разговорных вопросительных конструкциях, как *правда ведь? так ведь?* и т.п. Иными словами, целесообразно говорить лишь об относительной свободе размещения данной частицы.

Позиция частицы *ведь* зависит и от коммуникативной задачи говорящего. В синтаксической конструкции слово *ведь* относится, как правило, ко всей ситуации в целом — через выделяемый ею предикат. Но расположение частицы в интерпозиции связано также с выделением особо важного компонента в высказывании. Кроме того, в сложноподчиненном предложении начальная позиция слова *ведь* во второй — придаточной — части высказывания свидетельствует о введении информации в качестве аргумента, а интерпозиция *ведь*, как правило, говорит о пояснительном характере второй части. Эти значения *ведь* различаются и в просодическом отношении: в устной речи для *ведь*-аргумента характерно более громкое и отчетливое произношение, чем для *ведь*-пояснения. (*Не забудь зайти ко мне сегодня, ведь ты обещал! Схожу в магазин, в холодильнике ведь нет продуктов*).

В результате исследования союзных сочетаний *но ведь, да ведь, а ведь, а то ведь, и ведь* выяснилось, что смысловые отношения, которые оформляются этими объединениями служебных слов, связывающих две предикативные единицы, имеют сложный характер и представляют собой переплетение различных значений: противопоставительных, сопоставительных, уступительных, соединительных. Тем самым выделение этих союзных сочетаний в отдельную группу связано с тем, что они не дублируют полностью значения сочинительных союзов, а имеют свою специфику.

В ходе сопоставительного исследования, проведенного на материале словарей, а также на материале русских художественных текстов и их переводов на эстонский и итальянский языки, были получены следующие результаты. Хотя в словарных источниках в качестве эквивалента *ведь* закреплена эстонская частица *ju* (это соответствие является одним из наиболее частотных), в реальных текстах активно используются также переводы лексемы *ведь* через слова *ometi, küll, muidugi*, а также через элемент *-ki / -gi*. Эти различные по своей семантике и функциям языковые единицы объединяет то, что они принадлежат к одному полю модальности, поскольку все перечисленные единицы выражают значение уверенности.

Сопоставительный анализ русского и итальянского материала показывает, что, в отличие от русской частицы *ведь*, соответствующие ей лексемы более дифференцированы по функциям. Русской лексеме *ведь* (в зависимости от той функции, которую она выполняет в высказывании) в переводных текстах могут соответствовать разные лексические единицы итальянского языка: *ma, mica, certo, bene, vede, in fondo, perchè, eppure*. Например, в контекстах с лексемой *ведь*, осложненной модальностью упрека, русская частица, как правило, передается итальянскими словами *ma, eppure*; в предложениях с ментальными глаголами — лексемой *bene*, в высказываниях с итоговым комментарием, аргументом — *in fondo*, а *ведь* в функции привлечения внимания переводится посредством *vedere* и т.д.

Обращает на себя внимание регулярность передачи союзной функции лексемы *ведь* специализированными союзами сопоставляемых языков.

Сопоставительный анализ а) подтверждает полифункциональность русских частиц и отсутствие четких границ между их отдельными значениями, б) помогает показать особенности употребления слова *ведь*.

Итак, проанализированный материал свидетельствует о том, что частица *ведь*, выполняющая разнообразные функции, относится к специфическим языковым единицам русского языка. Семантика частицы *ведь* наиболее полно выявляется на основании анализа особенностей контекстуального употребления этой лексемы, поскольку за каждым ее значением стоит определенный тип контекста.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. 1945 — *Очерк грамматики русского литературного языка*. М. Ч. 1.
2. Арутюнова Н. Д. 1973 — Понятие пресуппозиции в лингвистике. *Известия АН СССР СЛЯ*. М. Т. 32. Вып. 1. 84–89.
3. Арутюнова Н. Д. 1988 — *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. М.
4. Бабайцева В. В., Л. Ю. Максимов 1981 — *Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация*. М.
5. Бабалова Л. Л. 1983 — *Сложное предложение в преподавании русского языка как иностранного*. М.
6. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1993 — *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.
7. Безяева М. Г. 2000 — Коммуникативный блок как одна из единиц изучения диалога. *Вестник Московского университета*. М. № 5. 27–59.
8. Богданов С. И. 1997 — *Морфология неполнозначных слов в современном русском языке*. СПб.
9. Белошапкина В. А. 1967 — *Сложное предложение в современном русском языке*. М.
10. Белошапкина В. А. 1970 — *Исследования по современному русскому языку*. М.
11. Белошапкина В. А. 1997 — *Современный русский язык*. М.
12. Богородицкий В. А. 1939 — *Очерки по языковедению и русскому языку*. М.
13. Богуславский И. М. 1985 — *Исследования по синтаксической семантике*. М.
14. Богуславский И. М. 1996 — *Сфера действия лексических единиц*. М.
15. Борисова Е. Г. 1990 — Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении. *Вопросы языкознания*. М. 113–120.
16. Борисова Е. Г. 1993 — Выражение причинно-следственных отношений при помощи частиц. *Каузальность и структуры рассуждений в русском языке (Межвузовский сборник научных трудов)*. М.
17. Борисова Е. Г. 1999 — Принципы описания служебных слов. *Вестник Московского университета*. М. № 2. 71–85.
18. Булатникова А. Е. 1981 — Особенности изучения частиц. *Русский язык в школе*. М. № 1. 56–59.
19. Буглак С. И. 1985 — О разграничении модальных слов и частиц. *Русский язык в школе*. М. № 9. 100–104.
20. Буглак С. И. 1990 — Модальные слова и частицы как средство выражения достоверности сообщаемого. *Русский язык в школе*. М. № 2. 82–87.
21. Буслаев Ф. И. 1875 — *Опыт исторической грамматики русского языка*. М.
22. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. 1992 — Модальность. *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М. 110–153.
23. Валгина Н. С. 1995 — Уточнение понятия авторской пунктуации. *Филологические науки*. М. № 1. 76–86.
24. Виноградов В. В. 1972, 1986 — *Русский язык: (Грамматическое учение о слове)*. М.

25. Виноградов В. В. 1975 — Исследования по русской грамматике. *Избранные труды*. М.
26. Всеволодова М. В., Котвицкая Э. С. 1999 — О подлежащем и категории причинности в русском языке (К вопросу о некоторых характеристиках русского языкового сознания в концепции А. Вежбицкой). *Вестник Московского университета*. М. № 5. 66–88.
27. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н. 2001 — Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение). *Вестник Московского университета*. М. № 6. 69–100.
28. Востоков А. Х. 1839 — *Русская грамматика, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная*. Спб.
29. Гак В. Г. 1997а — Прагматика. *Русский язык. Энциклопедия*. М.
30. Гак В. Г. 1997б — Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста. *Вестник Московского университета*. М. № 3. 87–95.
31. Гаврилова Г. Ф. 1984 — Сложносочиненное предложение и связный текст. *Русский язык в школе*. М. № 2. 93–97.
32. Греч Н. 1834 — *Практическая русская грамматика*. Спб.
33. Галкина-Федорук Е. М. 1964 — *Современный русский язык*. М. Ч. 2.
34. Гвоздев А. Н. 1958 — *Современный русский литературный язык*. М. Ч. 1.
35. Грамматика русского языка. 1951 — *Грамматика русского языка* / под ред. Л. В. Щербы. Таллинн. Ч. 1.
36. Грамматика русского языка 1960 — *Грамматика русского языка* / под ред. В. В. Виноградова. М. Т. I.
37. Грамматика ... 1970 — *Грамматика современного русского литературного языка* / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.
38. Горина И. И. 1985 — О структурных особенностях союзных присоединительных скреп. *Неполнозначные слова как средства связи*. Ставрополь. 87–91.
39. Голубева-Монаткина Н. И. 1988 — К проблеме иллокутивной логики вопросительного предложения (вопросительное предложение в речевом акте). *Прагматика и проблемы интенциональности*. М. 144–153.
40. Дигмай В. Н. 2002 — Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста. Общее и различное. *Филологические науки*. М. № 2. 56–66.
41. Добиаш А. А. 1897 — *Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка*. Прага.
42. Дорошенко М. Н. 1975 — *Функциональное значение и дистрибуция усилительных частиц*. Минск.
43. Дискурсивные слова русского языка 1998 — *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания* / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.
44. Евтюхин В. Б. 1996 — Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка. *Теория функциональной грамматики. Локативность. Поссесивность. Обусловленность*. Спб. 138–175.
45. Евтюхин В. Б. 1997 — *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. Спб.
46. Евтюхин В. Б. 2001 — Обусловленность в тексте. *Исследования по языкознанию*. Спб. 208–217.

47. Емельянова Н. А. 2001 — Дискурсивные слова как средство организации устного общения в английском языке. *Филологические науки*. М. № 1. 70–77.
48. Земская Е. А. 1979 — *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. М.
49. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика*. М.
50. Ильенко С. Г. 1976 — *Сложное предложение в современном русском языке*. Л.
51. Имплицитность в языке речи 1999 — *Имплицитность в языке речи* / под ред. Е. Г. Борисовой и Ю. С. Мартемьянова. М.
52. Иссерс О. С. 2002 — *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.
53. Йокояма О. 1990 — К анализу русских сочинительных союзов. *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. М. 190–194.
54. Карасева Н. 2003 — *Функционально-семантические особенности частиц ПРОСТО и ТОЛЬКО*. Диссертация на соискание ученой степени magister artium по русскому языку. Тарту.
55. Капралова Л. К. 1986 — Семантическая структура сложносочиненного предложения. *Русский язык в школе*. М. № 2. 47–54.
56. Киселёв И. А. 1976 — *Частицы в современных восточнославянских языках*. Минск.
57. Ким О. М. 1978 — *Транспозиция на уровне частей речи*. Ташкент.
58. Клопова Е. С. 1992 — Функции уточнителей в сочинительном ряду. *Функциональный анализ значимых единиц русского языка*. Новокузнецк. 83–89.
59. Кобозева И. М. 1990 — Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц. *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. М. 194–203.
60. Кобозева И. М. 1991 — Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов. *Прагматика и семантика*. М. 147–177.
61. Ковалева В. М. 1980 — Союзы, служащие средством связи вставных конструкций с основным составом предложения (наблюдение над функциями соединительных союзов). *Неполнозначные слова (соединительно-связочные функции)*. Ставрополь. 64–73.
62. Ковалева В. М. 1982 — О функциональных особенностях союзов, вводящих вставные предложения. *Неполнозначные слова. Семантико-синтаксические исследования*. Ставрополь. 76–80.
63. Копыленко И. М. 1978 — Краткая история и задачи изучения частиц. *Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков и литературоведения*. Алма-Ата. 66–78.
64. Колесников А. В. 1975 — Причинно-следственные отношения в синтаксисе целого текста. *Русский синтаксис*. Воронеж. 122–131.
65. Краткая русская грамматика 1989 — *Краткая русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.
66. Кривонос А. Т. 1982 — О семантической природе модальных частиц (к постановке проблемы). *Филологические науки*. М. № 5. 50–58.
67. Кривонос А. Т. 1993 — *Естественный язык и логика*. М.-Нью-Йорк.

68. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. 1960 — Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части. *Вопросы языкознания* М. № 1. 12–21.
69. Кюльмоя И., Вайгла Э., Солль М. 2003 — *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.
70. Леденев Ю. И. 1978 — Классификация неполнозначных слов по функционально-синтаксическому основанию. *Неполнозначные слова*. Ставрополь. 3–22.
71. Леденев Ю. И. 1982 — Важнейшие аспекты, проблемы семантико-синтаксических функций неполнозначных слов в русском языке. *Неполнозначные слова. Семантико-синтаксические исследования*. Ставрополь. 3–10.
72. Ломоносов М. В. 1952 — Российская грамматика. *Полн. Собр. соч.* М.-Л. Т. VII.
73. Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. 1989 — *Современный русский язык*. М.
74. Ляпон М. В. 1986 — *Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений*. М.
75. Маковеева С. Е. 2001 — К вопросу о семантике частиц. *Язык как функциональная система*. Тамбов. 103–106.
76. Маслова Д. Н. 1977 — Частицы *вот* и *вон* как показатели семантико-синтаксической связи между предложениями в тексте. *Неполнозначные слова. Семантико-синтаксические исследования*. Ставрополь. 73–81.
77. Мельчук И. А. 1999 — *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. М.
78. Минович А. 1962 — Основные функции частиц в современном русском языке. *Лексикографический сборник*. М. Вып. V. 104–111.
79. Михелевич Е. Е. 1960 — Логико-смысловые частицы в современном немецком языке (к вопросу о грамматической системе морфологически неизменяемых слов). *АКД*. М.
80. Николаева Т. М. 1982 — *Семантика акцентного выделения*. М.
81. Николаева Т. М. 1985 — *Функции частиц в высказывании*. М.
82. Николаева Т. М., Фужерон И. 1999 — Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами. *Вопросы языкознания*. М. № 1. 17–36.
83. Никитин М. В. 1996 — *Курс лингвистической семантики*. Спб.
84. Онипенко Н. К. 1995 — Сложное предложение на фоне коммуникативной типологии текста. *Вопросы языкознания*. М. № 2. 91–98.
85. Панков Ф. И. 2003 — Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии). *Вестник Московского университета*. М. № 12. 59–74.
86. Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования*. М.
87. Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. М.
88. Печников А. Н. 1998 — Способы связи предикативных единиц в русском сложноподчиненном предложении. *Вопросы языкознания*. М. №3. 151–158.
89. Поспелов Н. С. 1959 — Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. *Вопросы языкознания*. М. № 2. 53–69.
90. Прияткина А. Ф. 1977 — *Союзы в простом предложении*. М.
91. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. 1997 — *Современный русский язык*. М.

92. Разоги́на И. Ф. 1997 — Категория каузальности и функционирование некоторых союзов в русском и французском языках. *Филологические науки*. М. № 3. 77–85.
93. Рогожникова Р. П. 1977 — Об эквивалентах слова в русском языке. *Вопросы языкознания*. М. № 5. 110–116.
94. Розента́ль Д. Э., Теленкова М. А. 1985 — *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.
95. Розента́ль Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. 1999 — *Современный русский язык*. М.
96. Розента́ль Д. Э. 1985 — *Справочник по правописанию и литературной правке*. М.
97. РГ 1980 — *Русская грамматика* М. Т. I.
98. РГ 1982 — *Русская грамматика* М. Т. II.
99. Русская разговорная речь: тексты 1978 — *Русская разговорная речь: тексты* / под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе. М.
100. Рубцов Н. Г. 1985 — Структурно-синтаксические функции уступительно-противительных союзов в сложном предложении. *Неполнозначные слова как средства связи*. Ставрополь.
101. Светлышев Д. С. 1955 — Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке. *АКД*. М.
102. Скорлуповская Е. В. 1964 — Союзная функция частиц в сложносочинённом предложении современного русского языка. *Русский язык в школе*. М. № 1. 88–90.
103. Стародумова Е. А. 1988 — *Акцентирующие частицы в современном русском языке*. Владивосток.
104. Стародумова Е. А. 1997 — *Русские частицы: Учебное пособие*. Владивосток.
105. Скиба Ю. Г. 1968 — *Союз как служебное слово в русском и славянском языках (конспект лекций)*. Черновцы.
106. Скиба Ю. Г. 1969 — *Семантика и функции частицы как служебного слова (курс лекций для студентов-филологов)*. Черновцы.
107. Скиба Ю. Г. 1974 — *Категория служебных слов и развитие языка как системы*. Черновцы.
108. Сиротинина О. Б. 1983 — *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка*. Саратов.
109. Современный русский язык 1981 — *Современный русский язык* / под ред. П. П. Шубы. Минск. Ч. 2.
110. Сидорова Е. 2003 — *Выражение отрицания в современном русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени magister artium по русскому языку. Тарту.
111. Теремова Р. М. 1987 — *Следственные конструкции в современном русском языке*. Л.
112. Томилова Т. П. 1984 — Частицы в сложноподчинённом предложении. *Русский язык в школе*. М. № 2. 89–92.
113. Торопова Н. А. 1978 — К исследованию логических частиц. *Вопросы языкознания*. М. № 5. 82–92.
114. Торопова Н. А. 2000 — Ракурсы исследования частиц (На материале немецкого языка). *Вестник Ивановского университета*. Иваново. Вып. 1. 86–96.

115. Теремова Р. М. 1987 — Следственные конструкции в современном русском языке. Л.
116. Тэк-Гю Хонг 2003 — Русский глагольный вид сквозь призму речевых актов. М.
117. Типология условных конструкций 1998 — *Типология условных конструкций* / под ред. В. С. Храковского. Спб.
118. Усова Н. В. 1985 — О некоторых свойствах скрепы *зато* в противительных конструкциях с союзом *но*. *Служебные слова и синтаксические связи*. Владивосток. 138–144.
119. Фава Э., Говорухо Р. А. 2001 — Синтаксис и семантика вводных слов — показателей иллокутивной силы высказывания (русско-итальянские параллели). *Вестник Московского университета*. М. № 4. 36–47.
120. Хааг Э.-О. 1998 — *Функции причинных союзов современного русского языка*. Диссертация на соискание ученой степени *magister artium* по русскому языку. Тарту.
121. Хааг Э.-О. 2004 — *Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии по русскому языку. Тарту.
122. Храковский В. С. 2000 — Материалы к анкете для описания уступительных конструкций. Общие проблемы. *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн.
123. Храковский В. С., Володин А. П. 1986 — *Семантика и типология императива*. Л.
124. Холодов Н. Н. 1983 — Система грамматических значений сложносочиненных предложений. *Русский язык в школе*. М. № 5. 87–90.
125. Холодов Н. Н. 1974 — Строение и значение сложносочиненных предложений с союзом «но». *Русский язык в школе*. М. № 1. 71–76.
126. Черемисина М. И., Колосова Т. А. 1987 — *Очерки по теории сложного предложения*. Новосибирск.
127. Черткова М. С. 1970 — О функционально-семантическом соотношении модальных слов с частицами и союзами. *Учен. Зап. Московск. гос. пед. Ин-та им. В. И. Ленина. Современный русский язык*. М. № 332. 261–278.
128. Черкасская В. Б. 1985 — О функциях повторяющихся соединительных скреп в осложненном предложении. *Неполнозначные слова как средства связи*. Ставрополь. 119–123.
129. Чистякова Л. М. 1951 — К методике стилистического анализа частиц (Частица *вот* в русском языке). *Русский язык в школе*. М. № 1. 82–87.
130. Шахматов А. А. 1941 — *Синтаксис русского языка*. Л.
131. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. 1987 — *Современный русский язык*. М. Ч. 2.
132. Шапиро А. Б. 1953 — *Очерки по синтаксису русских народных говоров*. М.
133. Шатуновский И. Б. 1996 — *Семантика предложения и нерелевантные слова*. М.
134. Шведова Н. Ю. 1960 — *Очерки по синтаксису устной разговорной речи*. М.
135. Шмелева Т. В. 2001 — Берлинский словарь русских частиц. *Вестник Московского университета*. М. № 2. 161–164.

136. Шумилов Н. Ф. 1984 — О синонимических рядах союзов *и* — *да*, *но* — *да*. *Русский язык в школе*. М. № 5. 78–80.
137. Штайн К. Э. 1985 — Семантика и функции частицы *же* в современном русском языке. *Неполнозначные слова как средства связи*. Ставрополь. 123–130.
138. Шувалова С. А. 1975 — О факторах влияющих на расположение вторых союзных элементов в составе сложносочиненного предложения. *Вестник Московского Университета* М. № 2. 75–82.
139. Щерба Л. В. 1947 — *Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики*. М.-Л.
140. Яцюк Т. А. 1976 — К вопросу о семантике частиц. *Вопросы русского и общего языкознания*. Ташкент. № 519. 99–104.
141. Яцюк Т. А. 1985 — Синонимическое перефразирование как способ описания семантики частиц. *Филологические науки*. М. № 1. 49–53.
142. Янко Т. Е. 2001 — *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.
143. Ярцева В. Н. 1981 — *Контрастивная грамматика*. М.
144. EKG 1993 — *Eesti keele grammatika*. Tallinn. II.
145. EKG 1995 — *Eesti keele grammatika*. Tallinn. I.
146. Erelt, M., Erelt, T., Ross, K. 2000 — *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn.
147. Ferrini, S. 1986 — *Per "INFATTI" nell'italiano contemporaneo*. Perugia.
148. Yokoyama, O. T. 1986 — *Discourse and Word Order*. Amsterdam/Philadelphia.
149. MacWhinney, B. 2000 — *The CHILDES Database: Tools for Analyzing Talk*. Vol. 2. New-York.
150. McCoy, S. 2001 — *Colloquial Russian Particles –TO, ZHE, and VED' as Set-Generating («Kontrastive») Markers: A Unifying Analysis*. Ph.D. Dissertation, Boston University.
151. Kerge, K. 2000 — *Eesti süntaks võõrkeeleõppe praktikule*. Tallinn.
152. Manili, P. 1983 — *Per un'indagine su VEDI, SENTI, GUARDA (e forme collegate)*. Perugia.
153. Palmeos, P. 1985 — *Eesti keele grammatika. Sidesõna ja hüüdsõna*. Tartu. II.
154. Rathmayr, R. 1985 — *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme*. München.
155. Serianni, L., Castelvechi, A. 1991 — *GRAMMATICA ITALIANA. Italiano comune e lingua letteraria*. Torino.
156. Serianni, L., Castelvechi, A. 1997 — *ITALIANO: grammatica, sintassi, dubbi*. Milano.
157. Tauli, V. 1980 — *Eesti grammatika*. Uppsala. II.
158. Vasilyeva, A. N. 1993 — *Particles in colloquial Russian*. М.

СЛОВАРИ

1. БЭС: Языкознание 1998 — *Большой энциклопедический словарь: Языкознание*. М.
2. БТС 1998 — *Большой толковый словарь* / под ред. С. А. Кузнецова. М.
3. Большой русско-итальянский словарь 1995 — *Большой русско-итальянский словарь* / под ред. Б. Майзель, Н. Скворцовой. М. Т. I.
4. Ефремова И. Ф. 2001 — *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М.
5. Итальянско-русский словарь 1977 — *Итальянско-русский словарь* / под ред. Б. Майзель, Н. Скворцовой. М.
6. Ожегов С. И. 1985 — *Словарь русского языка*. М.
7. Русско-итальянский словарь 1995 — *Большой русско-итальянский словарь* / под ред. К. Зорько, М.
8. Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. М. Т. I.
9. СССРЯ 1997 — *Словарь структурных слов русского языка* / под ред. В. В. Морковкина. М.
10. СРЯ 1981 — *Словарь русского языка: В 4-х т.* / под ред. А. П. Евгеньевой. М. Т. I.
11. СРЛЯ 1951 — *Словарь русского литературного языка* / под ред. В. И. Чернышева. М. Т. II.
12. СЛРЯ 1991 — *Словарь русского литературного языка* / под ред. К. С. Горбачевича. М. Т. II.
13. Словарь служебных слов... 2001 — *Словарь служебных слов русского языка*. Владивосток.
14. ТСРЯ 1935 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. М. Т. I.
15. Фасмер М. 1964 — *Этимологический словарь русского языка*. М. Т. I.
16. Beccaria, G. L. 1996 — *Dizionario di linguistica e di filologia, metrica, retorica*. Torino.
17. Dubois, J. 1979 — *Dizionario di linguistica*. Bologna.
18. Devoto, G., Oli, G. 1995 — *Il dizionario della lingua italiana di Giacomo Devoto e Gian Carlo Oli*. Firenze.
19. Dizionario di Russo 2002 — *Dizionario di Russo* / a cura di E. Pallotti. Roma.
20. Dizionario dei sinonimi e dei contrari 2001 — *Dizionario dei sinonimi e dei contrari* / a cura di V. Ceppellini. Novara.
21. EKSS 1991 — *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat*. Tallinn. I.
22. Eesti vene sõnaraamat 1997 — *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn. I.
23. Muhel, V. 1977 — *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn.
24. Gentili, C. 2000 — *Dizionario della lingua italiana*. Perugia.
25. Miot, G. 1987 — *Il mio primo dizionario*. Firenze.
26. Tamm, J. 1981 — *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn.
27. VESS 2001 — *Vene-eesti seletav sõnaraamat: eesti-vene sõnastikuga*. Jyväskylä.
28. Vene-eesti sõnaraamat 2000 — *Vene-eesti sõnaraamat* / toimetanud A. Kähr. Tallinn.
29. Vene-eesti sõnaraamat 2000 — *Vene-eesti sõnaraamat* / toimetanud H. Leemets, H. Saari ja R. Kull. Tallinn. I.
30. Zingarelli N. 1988 — *Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli*. Bologna.

ТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПЕРЕВОДЫ

1. Акунин Б. 2000 — *Статский советник*. М.
2. Булгаков М. 1988 — *Мастер и Маргарита*. М.
3. Булгаков М. 1992 — *Собачье сердце*. М.
4. Горький М. 1979 — *Мещане*. М.
5. Достоевский Ф. 1998 — *Идиот*. М.
6. Островский А. 1984 — *Гроза*. М.
7. Таммсааре А. 1975 — *Жизнь и любовь* / перевод Ромуальда Минны. Таллинн.
8. Чехов А. 1986 — *Три сестры*. М.
9. Akunin, B. 2003 — *Il consigliere di Stato* / traduzione di M. Gallenzi. Milano.
10. Bulgakov, M. 1968 — *Meister ja Margarita* / tõlkinud M. Varik ja J. Ojamaa. Tallinn.
11. Bulgakov, M. 1988 — *Koera süda* / tõlkinud M. Varik. Tallinn.
12. Bulgakov, M. 1999 — *Il Maestro e Margherita* / traduzione Milly de Monticelli. Milano.
13. Dostojevski, F. 1975 — *Idioot* / tõlkinud M. Sillaots. Tallinn.
14. Gorki, M. 1959 — *Väikekodanlased* / tõlkinud E. Raudsepp. Tallinn.
15. Ostrovski, A. 1973 — *Äike* / tõlkinud V. Raud. Tallinn.
16. Tammsaare, A. 1966 — *Elu ja armastus*. Tallinn.
17. Tšehhov, A. 1947 — *Kolm õde* / tõlkinud E. Raudsepp. Tallinn.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ И ДОКЛАДОВ

I. Список публикаций:

- Викульцева Н. 2001 — Лексема *ведь* в функции частицы. *Русская филология*. 12. Тарту. 142–147.
- Викульцева Н. 2003 — Об употреблении лексемы *ведь* в функции союза. *Русская филология*. 14. Тарту. 185–190.
- Викульцева Н. 2004 — Лексема *ведь* в предложениях, выражающих условные отношения. *Studia Slavica*. IV. Таллинн. 211–218.
- Викульцева Н. 2004 — Лексема *ведь* и ее эквиваленты (на материале романа Дино Буццати «Татарская пустыня» и его русского и эстонского переводов). *Русская филология*. 15. Тарту. 199–207.

II. Список докладов:

- Международная конференция молодых филологов. Тарту, 28–30 апреля 2000 г. — *Лексема ведь в функции частицы*.
- Международная научная конференция молодых филологов. Рига, 26–27 февраля 2002 г. — *О специфике употребления лексемы ведь в функции союза*.
- Международная конференция молодых филологов. Тарту, 26–28 апреля 2002 г. — *Является ли ведь союзом?*
- V Международная научная конференция молодых филологов. Таллин, 22–24 февраля 2003 г. — *Лексема ведь в предложениях, выражающих условные отношения*.
- VI Международная научная конференция молодых филологов. Таллин, 20–22 февраля 2004 г. — *Лексема ведь и ее перевод на эстонский язык*.
- Международная конференция молодых филологов. Тарту, 23–25 апреля 2004 г. — *Прагматические типы контекстов с лексемой ведь*.

LEKSEEMI *ВЕДЬ* SEMANTILISED, SÜNTAKTILISED JA PRAGMAATILISED ISEÄRASUSED

KOKKUVÕTE

Natalja Vikultseva

Praegusel keeleteaduse arenguetapil on ilmne, et partiklid kui eriline leksikaalgrammatiline kategooria etendavad keeles tähtsat osa. Neid kasutatakse laialdaselt nii suulises kõnes kui ka kirjutatud tekstides. Mitmed lingvistid (nt A. Mirovitš, T. Nikolajeva) on märkinud, et partiklite roll lausungis pole sugugi perifeerne, nad on tarvilikud ning isegi hädavajalikud kommunikatsiooni elementid.

Vaatamata partiklite kommunikatiivsele tähtsusele hakati neid rassistikas detailselt uurima vaid viimastel aastakümnetel. Hiline huvi partiklite vastu on tingitud nende kirjeldamise keerukusest, mis johtub mittetäistähenduslike sõnade semantilise struktuuri komplitseeritusest, nende polüfunktsionaalsusest ning partiklitele omase leksikaalse semantika eripärast, mis täiel määral realiseerub vaid kontekstis. Kõik nimetatud faktorid olid pikka aega takistuseks lingvistidele, kes kasutasid traditsioonilisi täistähenduslike sõnade kirjeldamiseks välja töötatud vahendeid. XX sajandi teisel poolel arenesid jõudsalt sellised distsipliinid nagu pragmaatika, semantika, tekstilingvistika jt, mis andis võimaluse näha partikleid uuest vaatenurgast ning kirjeldada neid teiselt, seni tundmatult, positsioonilt.

Käesoleva uurimuse aktuaalsus tuleneb partiklite uurituse olukorrast tänapäeva keeleteaduses. Ühest küljest on partiklite paljud omadused kirjeldatud (vt nt T. M. Николаева [1985], E. Г. Борисова [1993], И. М. Богуславский [1996], E. A. Стародумова [1997] jt), teisest küljest see sõnaklass on veel paljus uurimata. Nimetame mõned probleemid, mis kerkivad üles partiklite kirjeldamisel. Eelkõige puudub ühtne vaatenurk partiklite olemusele, ei ole välja selgitatud kõik tähendused, mis võivad esineda ühel või teisel mittetäistähenduslikul sõnal. Lingvistilises kirjanduses ei ole ühtset partiklite klassifikatsiooni, erinevate lekseemide staatus on määraltemata. Partikleid ei ole tõepoolest lihtne eristada täistähenduslikest sõnadest, sest nad võivad olla viimastega homonüümia või polüfunktsionaalsuse suhetes.

Partiklid on keeleteadlaste tähelepanuorbiidis ka seetõttu, et lingvistika praktilise, rakendusliku väljundi — eelkõige keeleõppe — seisukohalt on nende uurimine oluline. Seejuures on relevantne iga partikli kirjeldamine, et tekiks terviklik nägemus nende funktsioonidest ja tähendustest. Seetõttu on oluline kirjeldada mitte üksikuid sõnu, vaid vaadelda partikleid komplekselt, kaasates uurimusse lekseeme, millele partikkel läheneb oma tähenduse ja funktsiooni poolest; uurida erinevaid kontekste, otsida nende semantilisi ja pragmaatilisi erisusi ja ühisjooni.

Magistritöö **objektiks** on lekseem *ведь*. Objekti piiritletus vaid ühe sõnaga on tingitud sellest, et analüüsitaval lekseemil on lai kasutusala ning ta täidab lauses erinevaid funktsioone. Lisaks sellele on uuritav sõna valitud ka sellepärast, et keeleteaduses ei ole tema staatus üheselt määratletud, st ei ole välja selgitatud analüüsitava sõna funktsioneerimise kogu eripära.

Väitekirja **peaesmärk** on täpsustada lekseemi *ведь* kasutusspetsiifikat tänapäeva vene keeles.

Partiklite uurimisel on vajalik nende mitmeparametriline kirjeldamine, mis peegeldaks semantilisi, pragmaatilisi, kommunikatiivseid, süntaktilisi jm omadusi,

mis iseloomustavad partiklite kasutust keeles. Seetõttu analüüsitakse lekseemi *ведь* funktsionaal-semantilist, kommunikatiiv-pragmatilist ja süntaktilist aspekti. Selline lähenemine võimaldab määratleda kõnealuse lekseemi staatust vene keele mittetäistähenduslike sõnade süsteemis. Nimetatud peaeesmärgi saavutamiseks püstitati **rida erieesmärke**, mis seisnesid järgmises:

- 1) määratleda lekseemi *ведь* semantika;
- 2) määratleda lekseemi *ведь* kasutusspetsiifika erineva suhtluseesmärgiga lausetes (käsk-, küsi-, soov-, hüüd- ja väitlauses);
- 3) määratleda lausete pragmaatiline spetsiifika, milles esineb lekseem *ведь*;
- 4) määratleda kontekstitüübid, milles esineb *ведь*;
- 5) määratleda seaduspärasused, mis iseloomustavad lekseemi *ведь* lineaarset paiknemist lauses;
- 6) määratleda juhud, kus lekseem *ведь* täidab konjunktiiv-funktsioone.

Illustreeriv **materjal** pärineb erinevatest funktsionaalsetest stiilidest (ilukirjandusest, ajakirjandusest, teaduskirjandusest, suulisest kõnest). Suulise kõne analüüsis kasutati nii magistritöö autori isiklike üleskirjutusi kui ka J. Zemskaja avaldatud tekste (“Русская разговорная речь”) ning J. Protassova tekstikorpust (CHILDES database [MacWhinney 2000]). Analüüsi kaasati laiendatud kontekste, mille alusel võib üsna kindlalt rääkida analüüsitud sõna erinevatest tähendustest.

Orienteeritus kontekstile esineb kõigi partiklite puhul, seetõttu on nende kirjeldamisel oluline osa minimaalse ja maksimaalse konteksti mõistel. Minimaalne kontekst on ühe predikaadiga lause. Maksimaalne kontekst on teksti lõik, milles esineb kaks või enam predikaati. Mõnede partiklite tähenduste realiseerimiseks osutub piisavaks minimaalne kontekst, teiste jaoks — maksimaalne. Lekseemi *ведь* tähendus on tihti seotud maksimaalse, laiema kontekstiga, eelkõige partiklile eelneva lausega.

Töös rakendati järgmisi **meetodeid**:

- 1) lingvistiline eksperiment, mille käigus muudeti lause sõnajärge;
- 2) lekseemi *ведь* asendus sünonüümiga;
- 3) partikli elimineerimine lausest.

Magistriväitekiri koosneb sissejuhatausest, viiest peatükist, lõppsõnast ja kirjanduse nimekirjast. Esimeses peatükis vaadeldakse probleemi teoreetilist külge, näidatakse partiklite kirjeldamisel valitsevaid peamisi uurimissuundi, peatutakse partiklite võimel täita teiste sõnaliikide funktsioone. Sellel üldteoreetilisel foonil analüüsitakse lekseemi *ведь* üksikasjalikult 2.-5. peatükis.

Uurimuse tulemusena selgus, et alati ei ole võimalik rangelt eristada partikleid teistest abisõnadest. Lekseem *ведь* on selles suhtes heaks näiteks. Sõnaraamatutes tõlgendatakse uuritud lekseemi kui partiklit, sidendit või kiilsõna. Tõsi, tänapäeva vene keeles on *ведь* funktsioneerimine kiilsõnana küsitav. Kogutud ja analüüsitud tekstimaterjal annab alust väiteks, et sõna *ведь* tuleks interpreteerida kui partiklit ka nendel juhtudel, kui ta eraldatakse mõlemalt poolt komadega, sest tänapäeval tuleks sellist interpunktsiooni käsitleda kui individuaalset märki mitte kui normi. Partikli eraldamine komadega on seletatav tema etümoloogiaga. Kõnealustel juhtudel sarnaneb ta tähenduselt sellistele kiillausetele nagu *знаешь ли, видишь ли* ning juhib tähelepanu kirjutatule.

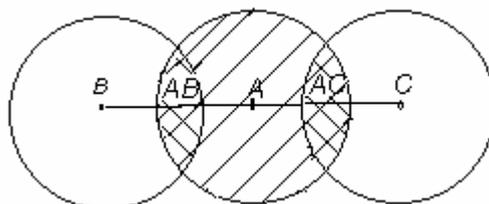
Partikli *ведь* kasutamine erineva suhtluseesmärgiga lausetüüpides annab alust väiteks, et käsk-, küsi-, soov- ja väitlauses on tal täita erinevad funktsioonid. Tuleb ära märkida, et uuritud partikli kasutusspetsiifika johtub tema etümoloogiast (ta pärineb verbist *ведьти* ‘teadma’). Analüüsitud keelematerjal põhjal võib oletada, et seos teadmise, väljendatu usaldatavusega ilmneb juba propositsiooni tasandil ning

on partikli *ведь* jaoks invariantne. Viimane asjaolu ilmneb ka selles, et *ведь* funktsioneerib peamiselt väitlauses, milles väljendatakse kõneleja veendumust. Veendumuse semantikale võivad lisanduda vastuväite, etteheite, õigustuse vm varjundid.

Küsilauseid partikliga *ведь* on perifeersed. Nendes lisandub informatsiooni järelpärimisele kindlus teatud vastuses. Tüüpilised on täpsustavad küsimused, üleküsimised jm. Sageli toimub taolistes konstruktsioonides küsimuse ja väite neutraliseerimine. Tavaliselt esineb partikkel *ведь* küsisõnadeta lauses, st tegemist on struktuurselt piiritletud konstruktsioonidega. Erandi moodustavad retoorilised küsimused, milles *ведь* seisab alati küsisõna ees, lause absoluutalguses. Funktsionaalselt on antud tüübile lähedased soovlauseid partikliga *ведь*.

Lekseemi *ведь* kasutamisel käsklauses on samuti teatud piirangud. Ühe predikaadiga lauses funktsioneerib imperatiivi ja *ведь* kombinatsioon vaid mentaalsete verbide puhul. Nimetatud lausetüübis on partiklil tähelepanu juhtimise funktsioon öeldule/kirjutatule, üleskutse mõttetegevuseks. Partikliga lausele järgneb alati situatsiooni laiendamine, arendamine. Et partikli *ведь* semantilises struktuuris sisaldub põhjenduse, loogilise mõjutuse idee, siis on tüüpilised kahe predikaadiga lausungid, mille esimeses osas funktsioneerib verb imperatiivis, teises — verb indikatiivis; *ведь* sisaldub teises osas ning põhjendab esimeses osas nimetatud tegevuse vajalikkust (nt *закрой окно, ведь холодно*). Tuleb ära märkida, et ühe predikaadiga käsk- või soovlauseis *ведь* tavaliselt ei funktsioneer.

Seega on küsi-, soov- ja käsklauseid partikliga *ведь* perifeersed. Kujutame seda skemaatiliselt (vt joon 1). A tähistab väitlauseid, B ja C tähistavad vastavalt küsi- ja käsklauseid; kombinatsioon AB tähistab küsilauseid partikliga *ведь*, AC — käsklauseid partikliga *ведь*.

Joonis 1.

Et partiklitele on omane semantika, mis oma olemuselt on pragmaatiline, tuleb eraldi rääkida lekseemi *ведь* kommunikatiiv-pragmaatilistest funktsioonidest. Pragmaatika seisukohalt kasutatakse lekseemi *ведь* lausungis eesmärgiga veenda vestluspartnerit oma õigsuses või teda mingil viisil mõjutada, sest sõna *ведь* abil lausesse sisse toodud informatsioon annab võimaluse valida õige käitumisstrateegia või saada õige teave. Sellega seoses kasutatakse sõna *ведь* järgmistes pragmaatilistes kontekstitüüpides: 1) viide autoriteedile, 2) osutamine õigele käitumisele, 3) apelleerimine mõistusele, 4) (kutse liitlaseks) ettepanek koostööks, 5) relevantse fakti meenutamine.

Kõigile meid huvitavat partiklit sisaldavatele lausungitele on iseloomulik kõneleja subjektiivne hinnang situatsioonile või kõne objektile. *Ведь* võib neil juhtudel olla nii partikulaarses kui ka konjunktiivses funktsioonis. *Ведь* kasutamine toob alati lausesse situatsiooni hinnangu. Uuritud lekseemil on lisaks rõhutavale ka kõne emotsionaalsuse ja ekspressiivsuse suurendamise funktsioon. Teisisõnu lekseem *ведь* on stilistiliselt markeeritud, kuna ta on nii või teisiti seotud olukorra

hinnanguga. Seejuures sõna *ведь* kasutatakse aktiivselt mitte ainult suulises kõnes, vaid ka massikommunikatsioonivahendites ja isegi teadustekstides, kuna ta annab võimaluse rõhutada autori mõttekäiku subjektiivse argumentatsiooni abil.

Meie analüüs annab alust väita, et omandades sidendi funktsiooni, ei kaota lekseem *ведь* partikli tunnuseid. Ehk teisisõnu: sõna *ведь* on partikkel-konjunktiiv. Partiklite “konjunktiivsus” on spetsiifiline keelenähtus. Sidend on selline süntaktiline konstrueeriv element, mis määrab süntaktilise konstruktsiooni ülesehituse ja semantika. Partikkel väljendab tähendussuhteid kommunikatiivsel, mitte struktuursel tasandil. Mainitud asjaolu tingib ka selle, et kui sõna *ведь* esineb sidendi funktsioonis, vormistab ta põhjus-, mööndus- ja tingimuslaused. Kuid lisaks võimele markeerida ühte või teist determineeritussuhte liiki lause osade või teksti fragmentide vahel, viitab sõna *ведь* alati mingitele ilmsetele asjaoludele. Seega on partiklitel võime määrata kommunikatiivseid tähendusi, mille alusel luuakse teatud tüüpi seosed teksti komponentide vahel.

Tuleb ära märkida, et kõige sagedamini funktsioneerib sõna *ведь* põhjuslausetes kõrvallauses; tüüpiline on sel juhul kõrvallause paiknemine pealause taga. Põhjuslausetes toetab *ведь* argumenti, mis on esitatud esimeses osalauses. Kõne subjekt eeldab, et kommunikatsioonipartner nõustub tema argumentidega. Teisisõnu, kasutades kõrvallauses partiklit *ведь*, kõneleja püüab kõrvaldada võimalikke väärarusaamisi iseenda ja adressaadi vahel. Üldistatult on lekseemiga *ведь* põhjuslausetes spetsiifika ära toodud skeemis 1 (vt ptk 3). Soovides esitada oma argumente kui ümberlukkamatuid, kasutab kõneleja sageli kõnekäände, vanasõnu jms. Järelikult on sõna *ведь* entsüklopeediliste teadmiste markeriks, aktiveerides, rõhutades üldtuntud tõdesid, mis on olemas iga rahva kultuuripildis.

Sõnaga *ведь* põhjuslausetes eripäraks võib pidada seda, et neis ei väljendata mitte niivõrd põhjus-tagajärg, vaid pigem seletavaid, argumenteerivaid ja täpsustavaid suhteid.

Sõna *ведь* positsioonianalüüs lauses lubab kui mitte kummutada, siis seada tõsise kahtluse alla russistikas levinud väite selle kohta, et sõna *ведь* võib asetseda lauses mistahes positsioonil. Keelefaktide analüüs ja lingvistiline eksperiment, mis seisnes lause sõnajärje muutmises, annab alust väiteks, et sõna *ведь* paiknemine lauses ei ole päris “vaba”. See puudutab nii konjunktiivset kui partikulaarset funktsiooni; mõlemal juhul on eelistatud partikli eesasend. Konjunktiivi funktsioonis on sõna *ведь* loomulikuks positsiooniks pealausele järgneva kõrvallause alguses. Ebatüüpiline on paiknemine lause absoluutses lõpus. Sellist asendit esineb esiteks spontaanses kõnes ja seega ka tekstides, mis imiteerivad ettevalmistamata kõnet, teiseks kõnekeelsetes küsilausetes nagu nt *Правда ведь? Так ведь?* jms. Süntaktilises konstruktsioonis kuulub sõna *ведь* tavaliselt kogu situatsiooni juurde, rõhutades predikaati. Kuid lekseemi *ведь* interpositsioon on seotud muuhulgas ka eriti tähtsa elemendi rõhutamisega lausungis. Sõna *ведь* paiknemine põimlause teise osalause alguses annab tunnistust informatsiooni sissetoomisest argumenteerimaks eelöeldut. Kui aga *ведь* paikneb teise osalause keskel, on enamasti tegu seletussuhetega. Need lekseemi *ведь* tähendused erinevad ka prosoodiliselt. *Ведь*-argumendi jaoks on iseloomulik valjem hääldus kui *ведь*-seletuse jaoks. Vrd: *Не забудь зайти ко мне сегодня, ведь ты обещал! Схожу в магазин, холодильник ведь пустой.*

Ühendsidesõnade *но ведь, да ведь, и ведь, а ведь* uurimisel selgus, et nende abil vormistatud tähendussuhted kahe osalause vahel on keerulise struktuuriga. Neis on põimunud kopulatiivne, disjunktiivne, möönev ja kõrvutatav semantika. Järelikult on nende ühendsidesõnade käsitlemine eraldi rühmana õigustatud, kuivõrd nad ei

dubleeri rinnastavate sidendite semantikat, vaid lisavad lausesse spetsiifilise tähenduskomponendi.

Kõrvutava analüüsi tulemusena, mis teostati sõnaraamatute ja vene ilukirjandustekstide ning nende eesti- ja itaaliakeelsete tõlgete baasil, jõuti järgmiste järeldusteni. Kuigi sõnaraamatutes vastab partiklile *ведь* sõna *ju* (selline vastavus on kõige regulaarsem), esineb tekstides sõna *ведь* tõlkevastetena ka *ometi, küll, muidugi* ning kliitiline element *-ki/-gi*. Need erineva semantika ja funktsiooniga keelendid on ühendatud modaalse tähendusega, mis väljendab kõneleja veendumust edastatava info õigsuses.

Vene ja itaalia keele materjali kõrvutamine näitab, et erinevalt vene partiklist *ведь* on selle itaaliakeelsed vasted rohkem diferentseeritud funktsioonide poolest. Lekseemi *ведь* vastetekst itaalia keeles võivad olla järgmised sõnad: *ma, mica, certo, bene, vedere, in fondo, perchè, eppure*. Konkreetse ekvivalendi valik sõltub kontekstist.

On tähelepanuväärne, et lekseemile *ведь* konjunktiivis funktsioonis vastavad nii eesti kui ka itaalia keeles spetsialiseeritud sidendid (põhjus-, möönvad jms).

Analüüsitud materjal annab alust väita, et lekseem *ведь* on spetsiifiline, vaid vene keelele omane leksikaalne element, mille erinevad tähendused ilmnevad täiel määral ainult kontekstis.

